

სს. კობახიძის
სამეცნიერო
საბიბლიოთეკო

6

ЛИТЕРАТУРНАЯ

ГРУЗЦЯ

1959

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГРУЗИЯ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО - ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО - ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

О Р Г А Н
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ ГРУЗИИ

Год издания третий

С О Д Е Р Ж А Н И Е

ТРЕТЬЕМУ СЪЕЗДУ ПИСАТЕЛЕЙ СССР	3
СЛУЖЕНИЕ НАРОДУ — ВЫСОКОЕ ПРИЗВАНИЕ СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ. Речь товарища Н. С. Хрущева на III съезде писателей 22 мая 1959 года	7
ИРАКЛИЙ АБАШИДЗЕ. В Мцхета. Стихи	26
КОНСТАНТИНЭ ГАМСАХУРДИА. Цветение лозы. Роман. (Продолжение)	28
АЛЕКСИС ПАРНИС. Тамада. Стихи	52
ТЕНГИЗ ГОГОЛАДЗЕ. Родной очаг. Рассказ	55
ОТАР МАМПОРИЯ. Цицамури. Этот стул. Стихи	62
ЕЛЕНА НИКОЛАЕВСКАЯ. Плакучая ива. Стихи	63
ХАРИТОН ВАРДОШВИЛИ. Матери. Стихи	64
ИНОСТРАННЫЙ РАССКАЗ	
АЛЬБЕРТО МОРАВИА. Загробный мир по-американски	66
ОЧЕРКИ	
Б. ШАТБЕРАШВИЛИ. Дыхание атома	71
ГЕЙНЦ КАМНИТЦЕР. Тбилиси, Мцхета, Рустави...	77
НА РАЗНЫЕ ТЕМЫ	
И. ДУБИНСКИЙ. Наш общий друг	80
Г. БУАЧИДЗЕ. Анри Барбюс в Грузии	82
Ц. ЧИКВАШВИЛИ. Из истории грузинской книги	84
ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ	
ОРДЭ ДГЕБУАДЗЕ. Приключенческая литература и критика	86
ПО СТРАНИЦАМ ГАЗЕТ И ЖУРНАЛОВ	
Газета и писатели	88
СРЕДИ КНИГ	
Б. АБУЛАДЗЕ — Песни Родине; С. ГВЕЛЕСИАНИ — Рассказы Натрошвили; Б. СОКУРОВ — Роман о защитниках Родины; Л. БРАЙЛОВСКАЯ. — Для младшего и среднего возраста	89—95
Коротко об авторах	96

6

И Ю Н Ь
1959

Редактор К. ЛОРДКИПАНИДЗЕ

Редакционная коллегия:

**Э. АНАНИАШВИЛИ, М. ЗЛАТКИН, А. КУЗЬМИЧЕВ (заместитель редактора),
А. КУТЕЛИЯ, В. МАЧАВАРИАНИ, Э. ФЕЙГИН, Д. ШЕНГЕЛАЯ**

ТРЕТЬЕМУ СЪЕЗДУ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза сердечно приветствует делегатов Третьего Всесоюзного съезда писателей СССР и всех деятелей многонациональной советской литературы.

Дорогие товарищи! Съезд советских писателей собрался в замечательное время, когда наша великая социалистическая Родина вступила в новый, важнейший период своего развития, период развернутого строительства коммунистического общества, когда весь советский народ с энтузиазмом борется за претворение в жизнь принятой XXI съездом КПСС величественной программы дальнейшего подъема и расцвета социалистической экономики, культуры и роста благосостояния трудящихся. То, о чем веками мечтали самые передовые и самые смелые умы человечества, становится реальностью в нашей стране.

Историческая программа развернутого строительства коммунизма предусматривает не только невиданный по масштабам прогресс в области экономики, науки, техники, культуры, но и воспитание нового человека, человека коммунистического общества. Коммунизм строят люди, и чем выше будет сознательность миллионов масс, тем успешнее будет наше продвижение вперед. В благородном деле коммунистического воспитания трудящихся весьма важная роль принадлежит литературе и искусству. Перед советскими писателями стоит почетная задача активно участвовать в формировании духовного облика человека будущего, строителя новой жизни. Они призваны воодушевлять людей на борьбу за коммунизм, воспитывать их в духе коммунистической идейности, прививать им высокие нравственные качества, нетерпимость к буржуазной идеологии и морали.

Высокое призвание советских писателей — правдиво и ярко раскрывать красоту трудовых подвигов народа, грандиозность и величие борьбы за коммунизм, выступать страстными пропагандистами семилетнего плана, вселять бодрость и энергию в сердца советских людей, искоренять пережитки капитализма в сознании людей, помогать устранению всего того, что еще мешает нашему движению вперед. На этом пути будет расти великое искусство коммунизма — искусство больших мыслей, горячих чувств и высоких страстей, искусство, способное вдохновлять

миллионы и миллионы строителей коммунизма на новые большие дела.

Особенно ответственна роль литературы в воспитании молодого поколения. Молодежи нужны увлекательные книги, воспитывающие в духе коммунистической идейности, беззаветной преданности социалистической Родине, стойкости, упорства в достижении цели, раскрывающие романтику труда рабочих, колхозников, интеллигенции, пробуждающие любовь к творчеству и инициативу. Молодой читатель ждет таких книг, которые стали бы надежным другом его юности, наставником и советчиком.

Литература коммунизма должна быть великой литературой не только по богатству идейного содержания, но и по художественному совершенству. Большие идеи требуют высокого мастерства, героические характеры — достойного художественного воплощения. Народу нужна литература, которая воспитывает и учит человека правдой и красотой художественных образов, духовно обогащает его, расширяет его кругозор, раскрывает рост сознательности людей в процессе коммунистического строительства. Нашему обществу в особенности нужна литература, в которой актуальные темы современности получают яркое художественное воплощение.

Совершенствование мастерства, серьезное повышение требовательности к художественному качеству произведений являются в современных условиях одной из самых важных задач. Подлинное мастерство достигается на основе неразрывной связи писателя с жизнью народа.

Полная и окончательная победа социализма в СССР, наша героическая эпоха строительства коммунизма открывают широчайшие перспективы нового небывалого расцвета художественного творчества. Неиссякаемое богатство идей, тем и образов дает писателю жизнь советского народа, который своим повседневным героическим трудом преобразует землю, открывает колоссальные природные богатства, строит новые могучие индустриальные центры, создает изобилие материальных и духовных благ, непрерывно совершенствует технику и дерзновенно штурмует космос!

Жизнь с неотразимой убедительностью показывает незыблемость, плодотворность творческих принципов социалистического реализма, правдиво и исторически конкретно раскрывающего главное содержание нашей эпохи — движение общества к коммунизму.

Центральный Комитет КПСС с удовлетворением отмечает, что в борьбе против буржуазной идеологии и ревизионистских наскоков советские писатели показали идейную зрелость, стойкость и еще раз продемонстрировали сплоченность вокруг Коммунистической партии, преданность советскому народу.

Высоко оценивая роль литературы и искусства в духовной жизни общества, считая писателей своими надежными помощниками, наша партия прямо и откровенно критиковала и поправляла тех, кто проявил колебания, допускал ошибки. Эта принципиальная критика, продикто-

ванная заботой о литературе, о творческой судьбе художника, дала положительные результаты. Коммунистическая партия и впредь будет проявлять постоянную заботу о развитии советской литературы и искусства. Высокая идейность художника, верность марксизму-ленинизму, связь с жизнью народа, понимание закономерностей и грандиозных перспектив развития советского общества — залог творческих успехов советских писателей. Жизнеутверждающая сила советской литературы в неразрывной связи с политикой Коммунистической партии, выражающей коренные интересы народа.

Все большее значение для литературы приобретают благородные темы интернационализма, братской солидарности трудящихся, роста и укрепления мировой социалистической системы, борьбы народов против империализма, за сохранение и упрочение мира.

Мировая социалистическая система вступила в решающий этап экономического соревнования с капиталистической системой. Перед лицом всего человечества социализм развернул знамя мира и труда, создания условий для исключения мировых войн из жизни общества, программу достижения самого высокого жизненного уровня народных масс. В этой борьбе — долг советских писателей вместе с прогрессивными писателями всех стран еще активнее участвовать своим творчеством на стороне сил нового мира, победа которого исторически неизбежна.

Реакционные и агрессивные силы империализма, переживающего свой закат, стремятся всеми средствами помешать движению человечества вперед, росту сил социализма, пытаются задушить национально-освободительное движение в колониальных и зависимых странах. Они используют для этого военные, политические, экономические и идеологические средства, грозят человечеству новой мировой войной. Глубоко гуманной, отвечающей интересам всех народов, задачей литературы является разоблачение антинародной сущности империализма, его агрессивной политики, фальшивых попыток буржуазных идеологов приукрасить капиталистическую действительность. Священный долг советских литераторов — служить силой своего художественного слова великой борьбе за мир и дружбу между народами, воспитанию нашей молодежи и всего народа в духе горячей любви к социалистической Родине и постоянной готовности защищать исторические завоевания социализма.

Советские писатели призваны и впредь неустанно укреплять дружбу и братское содружество с писателями стран социалистического лагеря, со всеми прогрессивными литераторами, творчество которых служит освобождению трудового человека от социального и национального угнетения, всемерно поддерживать реалистическое искусство, противостоящее безыдейному формалистическому искусству.

Деятельность Союза писателей СССР должна быть направлена на дальнейшее развитие и расцвет литературы, сплочение творческих сил советских писателей, укрепление их идейного единства во имя выполнения высоких и ответственных задач, стоящих перед советской лите-

ратурой в период развернутого строительства коммунизма в нашей стране. Важнейшая обязанность Союза советских писателей и каждого художника слова повседневно заботиться о воспитании молодых сил литературы, помогать росту талантливой молодежи.

Никогда еще работники литературы и искусства не имели столь огромной аудитории читателей, слушателей и зрителей. Газеты, радио, телевидение и кино — массовые трибуны, с которых слово писателя слушают одновременно миллионы людей.

Жить и работать для народа, во имя его блага — высшее призвание советского писателя.

Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза выражает уверенность, что советские писатели создадут новые талантливые произведения, достойно отражающие величие нашей замечательной эпохи, и горячо желает нашим славным литераторам больших творческих успехов.

**ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ
СОВЕТСКОГО СОЮЗА.**

СЛУЖЕНИЕ НАРОДУ — ВЫСОКОЕ ПРИЗВАНИЕ СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

Р е ч ь т о в а р и щ а Н. С. Х Р У Щ Е В А
на III съезде писателей 22 мая 1959 года

Дорогие товарищи! Третий съезд писателей нашей страны собрался в необычайно радостное время великого всенародного подъема, который переживает Советская Родина, вступившая в период развернутого строительства коммунистического общества.

В приветствии Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза Третьему съезду писателей, которое только что зачитали, высказаны самые искренние пожелания одному из передовых отрядов советской творческой интеллигенции, нашим писателям — инженерам душ человеческих.

Партия, советский народ высоко ценят большой и очень нужный стране труд писателей, композиторов, художников, работников кинематографии и других столь же замечательных отрядов советской творческой интеллигенции. Наши писатели живут жизнью народа, они много сделали и делают, имеют самых доброжелательных и любящих их читателей — советских людей. Но дела советского народа так грандиозны и так прекрасны, что если бы вы, дорогие друзья, сделали во много раз больше, чем сделано, то и этого было бы мало, чтобы показать жизнь советского народа во всем ее великом размахе, созидательном творчестве, многообразии. И это объяснимо — жизнь всегда несравненно богаче, полнокровнее, глубже самого лучшего художественного произведения.

То, что создал наш народ за годы Советской власти, изумляет, потрясает мир. Советская страна после XXI съезда партии находится на таком большом и хорошем подъеме, что сразу трудно найти слова, которые выразили бы все величие переживаемого нами времени. Вы, писатели, умеете находить сильные слова, критикуете себя, если это вам не удастся. Мне вы, наверное, тоже спуску не дадите. (Оживление в зале. Аплодисменты). Но признаюсь, что трудно найти такие выразительные слова, которые показывали бы, на каком хорошем подъеме находится теперь Советская Родина.

То, что намечает достигнуть наша страна в ближайшем будущем,

поражает своим великим размахом. Наши успехи вселяют радость в сердца друзей, вызывают страх и растерянность в лагере врагов коммунизма. Эти успехи убедительно говорят о торжестве марксистско-ленинских идей, которыми мы руководствуемся, о великом деле, которому мы служим. Думаю, что этот могучий подъем нам, советским людям, голову не вскружит.

Победы, успехи не приходят сами по себе — их надо завоевать в упорном, напряженном труде, в борьбе. У нас есть все для успешного выполнения семилетнего плана, и наш народ преисполнен уверенности, что он достигнет своей великой цели.

Служение народу — самое высокое призвание писателей. Нет большего счастья для человека, как жить в коллективе, трудиться с коллективом и сознавать, что ты трудишься на благо своего общества, на благо народа.

Разрешите мне прочитать вам стихотворение моего ближайшего друга юности рабочего Пантелея Махини. Оно написано лет пятьдесят тому назад. Я хочу прочитать это стихотворение совсем не для того, чтобы показать вам образец поэзии. Псллагаю, что вы не так плохо обо мне думаете, чтобы я пытался учить вас, как писать стихи. (Смех в зале. Аплодисменты). В стихах моего друга выражены думы умного, мыслящего рабочего того времени о цели жизни человека. Очевидно, такими стремлениями и желаниями жили и живут многие люди труда.

Послушайте, товарищи, о чем писал в одном из своих стихотворений, напечатанных в прогрессивном журнале «Прикубанские степи», рабочий поэт Пантелей Махиня:

«Люблю за книгою правдивой
Огни эмоций зажигать,
Чтоб в жизни нашей суетливой
Гореть, гореть и не сгорать.

Чтоб был порыв, чтоб были силы
Сердца людские зажигать,
Бороться с тьмою до могилы,
Чтоб жизнь напрасно не проспать.

Ведь долг мой, братья, поколению
Хоть каплю оставить честного труда,
Чтоб там, за черной загробной тенью
Не грызла б совесть никогда». (Продолжительные аплодисменты).

Мне нравятся эти слова, идущие от сердца.

Не хочу быть судьей этого стихотворения с точки зрения поэзии, да и вы, наверное, не будете слишком строгими судьями. Автор — начинающий поэт, рабочий-шахтер, талант которого раскрылся бы полнее, если бы жизнь его не была трагически оборвана. Во время гражданской войны его убили петлюровцы.

Вот как понимал рабочий поэт смысл своей жизни, в чем видел цель своего труда. Это было в старой России, где человек был бесправным и народ страдал под игом царизма. Но какая прекрасная дорога открыта перед каждым из вас в великом деле творчества для народа теперь!

Советские писатели создали много хороших произведений, которые правдиво рисуют картины жизни, зовут на борьбу. Думаю, что вы согласитесь со мной, что даже сам писатель, написав, по его мнению, хоро-

шо, не всегда бывает доволен своим произведением. Далеко не все произведения литературы и искусства заслуживают высокую оценку читателя. Я читал некоторые произведения, изданные в последнее время, но читал, к сожалению, мало. И не потому, что нет потребности, нет желания читать. Читаю я, наверное, не меньше вас, но читаю сообщения посланцев, ноты министров иностранных дел (**оживление в зале, аплодисменты**), читаю то, что сказал президент США, что сказал премьер-министр той или иной страны. Такой литературы читаю гораздо больше, чем ваши произведения. Конечно, не потому, что эту литературу больше люблю, чем ваши книги (**оживление в зале**), а потому, что в моем положении невозможно ее не читать. (**Аплодисменты**). Если иные ваши произведения я не прочитаю, — вы, надеюсь, не осудите, а там, не прочитаешь какой-либо документ, — и возможен ущерб для нашей страны. Поэтому и приходится читать многие тома подобной литературы. (**Оживление в зале. Дружные аплодисменты**).

Когда читаешь книги, то одна волнует, доставляет удовольствие, другая книга вызывает чувство гнева и возмущения против того или иного явления, которое отражено в этом произведении. Третью книгу читаешь, а глаза смыкаются. Хочешь прочитать, потому что говорили об этой книге товарищи, читавшие ее, хочешь иметь свое мнение о ней, но читается она с трудом, глаза снова закрываются. Потрешь их, начинаешь опять читать, опять смыкаются глаза. (**Смех в зале**). Чтобы все-таки прочитать книгу, берешь иной раз булавку, делаешь себе уколы и тем подбадриваешься, чтобы прочитать книгу до конца. (**Смех в зале**).

Кто виноват? Автор скажет, что виноват читатель, а читатель говорит — писатель. Кто судья? Судья — народ. Если мне или кому-либо другому книга не нравится — это еще полдела, потому что разные вкусы и характеры у людей. Но когда у большинства читателей складывается мнение о книге — это уже оценка книги.

Когда-то я читал сочинение Рубакина «Среди книг». Вообще я много читал его произведений и уважал этого писателя. Анализируя психологию читателя, Рубакин утверждает, что некоторые даже боятся объема книги. Иная книга, даже очень хорошая по своему содержанию, отпугивает читателя: как только глянет он на книгу, увидит ее большой объем и сразу отказывается от нее. Возможно, некоторые меня тоже отнесут к таким читателям, о которых говорил Рубакин. Как бы там ни было, но пусть извинят меня те писатели, чьи книги я понуждал себя читать. (**Оживление в зале**).

Разное отношение к той или иной книге — явление, видимо, естественное. Ведь если бы все одинаково писали, тогда бы не было и плохих и хороших книг. (**Оживление в зале**). Тут есть своего рода закономерность. Лучшие книги создают далеко не все писатели, имеется немалое количество, если можно так назвать, средних книг. А есть и худшие книги, которые пишут не только начинающие писатели. (**Оживление в зале**). Здесь я должен оговориться: если начинающий писатель выпускает плохую, неинтересную книгу — это более или менее понятно. Но во многих случаях далеко не начинающий писатель мучает себя, создавая книгу, а затем мучает такой книгой читателя, — это уже обидно. (**Оживление в зале. Аплодисменты**).

Товарищи! В некоторых литературных кругах за последние годы появилось в ходу словечко «лакировщики». Эту кличку хотят прилепить к тем писателям, которые показывают жизнеутверждающую силу нового, коммунистического. Думаю, что мне нет нужды говорить вам о том, как смело вскрываем мы наши недостатки. Теперь, когда прошло уже

несколько лет с тех пор, как мы подвергли суровой и беспощадной критике отрицательные явления прошлого, мало стало таких людей, которые не понимали бы необходимости резкой, беспощадной критики всего того, что было связано с культом личности. Партия, народ решительно осудили нетерпимые явления и недостатки прошлого с тем, чтобы, как говорится, забить осиновый кол во вчерашние неправильные действия и сказать, что к таким явлениям и делам возврата нет и в партии и в стране. (Бурные аплодисменты).

Но, когда партия, ее Центральный Комитет начинали проводить работу по восстановлению ленинских принципов, ленинских норм в жизни партии и страны, не все правильно восприняли решения XX съезда партии. Имелись такие люди даже и в Центральном Комитете партии, которые были не согласны с линией нашей партии. Вы знаете об этом; позже несогласие отдельных членов ЦК с генеральной линией партии завершилось созданием антипартийной группы, о которой я не буду говорить. Все вы знаете о той борьбе, которую пришлось провести Коммунистической партии за восстановление ленинских принципов во всей жизни партии и страны. Исходные корни, начало начал были в этом — в борьбе нового со старым, в борьбе сил, выступающих за торжество коммунистических принципов, против извращения этих принципов.

И вот в литературной среде появились такие люди, которые хотят как-то опорочить писателей, показывающих нашу жизнь с коммунистических позиций, то есть торжество нового, коммунистического. Не буду упоминать здесь фамилий так называемых «лакировщиков», разбирать их творчество. Да это и не нужно, а мне тем более этого делать не следует, — ведь я не литературный критик.

Хороший литературный критик даже для самого видного писателя может сделать очень многое — умная критическая статья — это как бы своего рода березовый веник для человека, который любит ходить париться в баню: он парится и веничком себя похлопывает, а если сам себе не хочет этого делать, то сделает ему другой. А париться с веничком — дело неплохое, потому что открываются поры и тело начинает лучше дышать, жить становится легче. (Смех в зале. Дружные аплодисменты).

Прошу, товарищи, правильно меня понять. Я совсем не хочу брать под защиту людей, которые в своих произведениях так изображают явления, что отрываются от живой жизни. Возьмите, например, некоторые книги, в которых жизнь изображалась так приукрашено, что не соответствовала действительности. Подобные произведения вряд ли могут принести пользу. Но я хочу встать на сторону таких писателей, которых почему-то называют «лакировщиками» за то, что они берут в основу своих произведений показ положительных героев. Разве не является хорошим и нужным такое произведение, в котором автор правдиво показывает положительных героев? Такие авторы не все одобряют в своих положительных героях, они видят людей такими, какими они бывают в жизни — в борьбе и труде за утверждение нового. И это является закономерным и правильным. Надо воспитывать людей на хороших примерах, показом положительного в жизни прокладывать пути в будущее.

Сила примера — это великая сила, товарищи!

Конечно, могут спросить: а как же быть с сатирой? Она также у нас никогда не была аполитичной; она является одним из острейших видов оружия. Высмеивая те или иные пороки, пережитки и недостатки, сатира предупреждает людей от болезни, помогает людям изживать недостатки. Так что сатира и впредь должна быть на вооружении нашей

партии и народа, разить все, что мешает нашему продвижению к коммунизму.

Поэтому я всецело нахожусь на стороне тех писателей, которые показывают жизнеутверждающую силу нового, его торжество над старым. Писатели, крепко опирающиеся на реальные, конкретные явления и процессы жизни, хотят служить своему народу, стремятся создавать такие произведения, которые находятся на вооружении нашей партии. **(Продолжительные аплодисменты)**. Разве это «лакировщики»? Нет, это — борцы за торжество нового, за дело нашей партии, за дело нашего народа, уверенно идущего к коммунизму.

Но если есть «лакировщики», то, очевидно, есть и нелакировщики. Кто же эти нелакировщики? Некоторые из них говорят, что главная задача литературы состоит будто бы в том, чтобы выискивать всевозможные пороки и недостатки, игнорируя при этом великие завоевания советского общества. Так слушайте, дорогие друзья, уж если кто вскрывает и обнажает недостатки и пороки, у кого при этом рука не дрогнет, так это делает партия, это делает ее Центральный Комитет. **(Бурные аплодисменты)**.

Обратимся к самой жизни. Разве кто нас за язык тянул делать доклад на XX съезде партии о культе личности и его последствиях, вскрывать допущенные недостатки, связанные с этим явлением? Разве нас в шею кто-то толкал проводить целый ряд пленумов Центрального Комитета партии, где мы беспощадно вскрывали недостатки, со всей силой осуждали их, намечали и утверждали меры по устранению этих недостатков, прокладывали пути к новому? Никто. Не будь мы ленинцами, большевиками, мы могли бы легко покрыть все лаком, изобразить все старое, как новое и свежее, не называть ошибки старого, не показывать причиненного ими вреда. Но нет. Мы говорили о недостатках старого, обнажали ошибки прошлого для того, чтобы приковать внимание людей к новому. Чтобы не допустить повторения тяжелых ошибок прошлого, нужно было до конца обнажить имевшие место недостатки, чтобы ощущение затхлости вызвало отвращение к тому, что отжило. Партия делала все это для того, чтобы развязать творческие силы народа, открыть дорогу новому, осуществить то, что завещал нам великий Ленин, и вести страну по-ленински вперед, к коммунизму. **(Продолжительные аплодисменты)**.

Я уже говорил, что не буду называть фамилий ни лакировщиков, ни нелакировщиков, то есть людей, которые хотят показывать только отрицательное. Но на кляче отрицательного не только из болота нельзя выехать, а и по хорошей дороге далеко не уедешь. **(Оживление в зале)**.

Вы меня извините, может быть, я допущу некоторые не совсем обычные сравнения. Но ваш брат, писатель, тоже иной раз не стесняется в выражениях, когда это нужно. **(Оживление в зале. Аплодисменты)**. И правильно делает.

Так вот, когда писатель берется изображать человека, все дело в том, как он будет смотреть на человека. Если взять человека или общество, то очень важно, с какой стороны их рассматривать. Можно взять самого лучшего человека, но изобразить его по-разному, исходя из того, какие стороны и качества вы у него будете выпячивать. К примеру, писатель берется изображать человека, который обладает всеми достоинствами и в личной и в общественной жизни, но заходит к нему не с парадного подъезда, а с заднего двора, с черного хода, и оттуда начинает изображать его жизнь, то из этого, конечно, ничего хорошего не выйдет. Разве можно при таком подходе написать о человеке хорошо? Нет..

У такого писателя будет уж очень своеобразная точка зрения на человека или, вернее, как выражался Горький, «кочка зрения». (Оживление в зале. Дружные аплодисменты).

Так и в изображении жизни советского общества, которое состоит из миллионов людей. В нем вы найдете и кристально чистых людей, но есть и выродки — отъявленные убийцы, шарлатаны. К сожалению, такие люди в нашем обществе еще есть, потому что мы живем в период перехода от социализма к коммунизму и страдаем многими недостатками, которые остались нам в наследие от проклятого прошлого.

Ведь человек не рождается сразу коммунистическим человеком. Такого человека никто еще не знает, и вы его не видели. Его нельзя выдумать — он будет создаваться в процессе построения коммунистического общества, в процессе завершения перехода от социализма к коммунизму. Но что такое «завершение»? Тут нет границы, проложенной плугом, чтобы можно было сказать, что вот здесь кончается социализм и начинается коммунизм. Нет, так сказать нельзя. Процесс перехода от социализма к коммунизму — это длительный и очень сложный процесс.

Некоторые писатели поняли борьбу с недостатками так, что им нужно вести атаки против так называемых лакировщиков и тем будто бы помочь партии, которая вскрыла недостатки. Но каких героев они подняли на щит, как представляют они себе наше общество?

Мне приходилось уже говорить о Дудинцеве и его нашумевшем романе «Не хлебом единым», о котором некоторые наши недоброжелатели за границей говорили, что это чуть ли не лучшее произведение, что дала русская литература. Но прошло три года. Кто теперь читает это произведение, кому оно нужно? А ведь именно там был собран такой пахучий букет. Конечно, не все там было плохо сказано. Я читал эту книгу, и, надо сказать, без булавки читал. (Оживление в зале). Есть там некоторые страницы, заслуживающие внимания.

Анастас Иванович Микоян, который раньше меня прочитал это произведение, говорил мне — прочитай, у него есть такие рассуждения, которые он словно у тебя подслушал!

Да, Дудинцев ловко подметил некоторые отрицательные явления, но изобразил в преувеличенном, нарочито обобщенном виде. Я уже говорил о том и теперь считаю, что Дудинцев никогда не был нашим врагом и не был противником советского строя. (Аплодисменты).

Правда, я никогда не видел этого человека, хотел побеседовать с ним, но все было некогда. Только соберешься принять его, а тут надо встречаться то с послом, то с какой-либо делегацией. (Оживление в зале). Вот так и не пришлось побеседовать с ним.

В чем же недостаток такой литературы? Я говорю не только о Дудинцеве, но и о других писателях, которые подошли к отображению жизни нашего социалистического общества со своей «кочки зрения». Они, видимо, тоже хотели помочь партии, своему народу в преодолении отрицательных явлений, но когда они нарисовали искаженную, утрированную картину, то эта картина сразу привлекла к себе внимание наших врагов, а не друзей. Поднялось такое злобное, что нормальный организм не мог его вынести без нашатырного спирта. Писатели, утверждающие правду нового общества, все люди, убежденные в неправомерности такого извращенного, фальшивого описания, которое претендовало на изображение жизни, возмутились, справедливо поднялись против этого. Началась борьба.

Так за кого же мы в этой борьбе? Конечно, за тех писателей и за то направление, которые берут в основу положительные явления, на

этом положительном показывают пафос труда, зажигают сердца людей, зовут их вперед, указывают им пути в новый мир. Они как бы обобщают в образах положительных героев лучшие черты и качества людей, противопоставляют их отрицательным образам, показывают борьбу нового со старым и неизбежную победу нового. Показывая положительное, они, вместе с тем, осуждают то, что надо отбросить. Думаю, что такой подход к изображению явлений жизни будет правильным. Во всяком случае я этого придерживаюсь и так эти вопросы понимаю. Вот как отношусь я к так называемым лакировщикам. Хотя я и не писатель, но в какой-то степени отношу себя к этой группе. (Веселое оживление. Дружные аплодисменты).

Мне хотелось бы, товарищи, высказать еще несколько замечаний, которые относятся к характеристике недалекого прошлого. Сейчас еще в вашей среде дают себя знать остатки той борьбы, которая не так давно имела довольно острый характер. Это была принципиальная идейная борьба против ревизионистов, которые пытались делать наскоки на линию партии. Против таких наскоков поднялась вся писательская общественность. Подавляющее большинство писателей решительно выступило против носителей ревизионистских взглядов. Можно без преувеличения сказать, что эта идейная драка охватила в той или иной мере всех писателей, правда, различные люди вели эту борьбу с различной степенью активности и разными приемами.

Некоторые из литераторов рьяно ринулись на дот «противника», и, выражаясь языком фронтовых терминов, их можно было бы назвать автоматчиками. Они действовали активно и смело, не страшась трудностей борьбы, идя им навстречу. Это хорошие качества. Люди, выступавшие активно в такой борьбе, сделали большое и важное дело. Теперь эта борьба осталась позади. Носители ревизионистских взглядов и настроений потерпели полный идейный разгром. Борьба закончилась, и уже летают, как говорится, «ангелы примирения». В настоящее время идет, если можно так выразиться, процесс зарубцовывания ран. И те из литераторов, которые тогда со своей «кочки зрения» хотели рассматривать наше советское общество, теперь стремятся поскорее забыть о том, что они допускали серьезные ошибки.

Надо, по моему мнению, облегчить этим товарищам переход от ошибочных взглядов на правильные, принципиальные позиции. Не следует поминать их злым словом, подчеркивать их былые ошибки, не надо постоянно указывать на них пальцем. Только польза будет для общего нашего дела. (Аплодисменты). Напоминать об этом не надо, но и забывать тоже не следует. (Аплодисменты). Как говорится, следует на всякий случай «узелок завязать», чтобы при необходимости посмотреть и вспомнить, сколько там узелков и к кому эти узелки относятся. (Оживление в зале).

Среди литераторов находятся еще отдельные люди, которые хотели бы напасть на «автоматчиков», выступавших в разгар идейной борьбы против ревизионистов наиболее активно, отстаивая правильные, партийные позиции. Кое-кто, видимо, хотел бы представить дело так, что во всем виноваты именно эти товарищи. Но это, конечно, в корне неправильно.

Принципиальные позиции надо отстаивать, надо вести решительную идейную борьбу с теми, кто делает наскоки на партийную линию. Конечно, в пылу борьбы нередко бывает так, что достается каждому, кто в нее вступает.

Вам, наверно, в жизни не раз приходилось наблюдать схватки

мальчишек, участвовать в них. А я видел на руднике драки и взрослых. Бывали случаи, когда курские и орловские дрались между собою. Чтобы посмотреть эти драки, некоторые люди выходили заранее, становились в сторонке и смотрели, как разгорался пыл борьбы. Конечно, это было в старое, дореволюционное время. То была, так сказать, дань дикости и невежеству. Но так было.

Извините за такое упрощение, но в какой-то мере и в идейной борьбе бывает нечто подобное. Ведь когда разворачивается схватка, то и у одной и у другой стороны имеются сочувствующие, желающие как-то участвовать в борьбе. В чем это участие порою выражается? Сочувствующие часто хотят разнимать. Они берут и тянут одного из вступающих в схватку в одну, а другого — в другую стороны. А борющиеся хотят высвободиться и, может быть, локтем или еще чем наносят удар разнимающим. Когда схватка кончилась, тот, кто пытался разнимать, жалуется, что его кто-то обидел. Его спрашивают: а ты участвовал в этой схватке? Он отвечает: нет, не участвовал, я разнимал. Но ведь ты тянул одного, держал его, за руки хватал, а в это время на него нападали, вот он, защищаясь, и дал тебе наотмашь.

Примерно то же самое происходит и в идейной борьбе, в политической схватке. Без идейной борьбы с противниками нельзя обойтись, пока в мире существует капитализм. Мы всегда, как говорится, благословляли тех бойцов, которые идут на это святое дело, и сами участвовали и будем участвовать в таких «боях». Такие «бои» неизбежны, потому что идет борьба идейная, политическая. В этой борьбе нейтральных не может быть, а если ты хочешь быть нейтральным — отойди дальше, когда активные дерутся, а то попадет тебе и от тех и от других. (Аплодисменты).

После того, как кончилась борьба, некоторые из тех, кто начинал «драку», кто начинал борьбу против генеральной линии партии, хотят побыстрее забыть о том, кто действительно являлся зачинщиком, пытаются сложить ручки и держать голову так, как обычно изображают святых на иконах. И, находясь в такой смиренной позе, они заявляют, что будто бы их совсем напрасно обидели. Но на подобные жалобы можно ответить вопросом: «А за что вас били?» И следует добавить: «Правильно вас били. Мало, значит, вас били, если вы так себя ведете». (Аплодисменты).

Вы можете спросить, к чему я призываю, к разжиганию страстей в борьбе или к примирению? Отвечаю вам — к сплочению сил на принципиальной основе. Думаю, что это сплочение уже наступило, оно все более укрепляется.

Алексей Максимович Горький хорошо сказал: «Если враг не сдается, — его уничтожают». Это глубоко правильно. Это — классовая точка зрения, мы ее поддерживали и поддерживаем при оценке политической, классовой борьбы. Когда речь идет об интересах рабочего класса, трудового народа, об их борьбе против эксплуататоров, к примирению призывать нельзя. В таком случае призыв к примирению является не чем иным, как капитуляцией. Это не наша линия, это не коммунистическая, не большевистская линия.

Но есть правильная поговорка — лежачего не бьют. И если в идейной борьбе противник сдается, признает себя побежденным и выражает готовность встать на правильные позиции, не отмахивайтесь от него, поймите его, подайте руку, чтобы он мог в ряд встать, вместе работать. (Продолжительные аплодисменты).

Хотел бы сказать, что в нашем социалистическом обществе, где нет

враждебных классов и групп, где вся жизнь строится на принципах товарищества и дружбы, надо более чутко подходить к тем людям, которые имели несчастье «дать себя черту запутать».

Мы верим в то, что нет людей неисправимых. Вы знаете благородство Феликса Дзержинского, его метод воспитания даже преступников уголовных, а не только политических своих противников. Вы знаете, какие плоды дал этот метод воспитания.

В наших условиях надо подходить к людям чутко, верить в человека, видеть свою конечную цель — борьбу за коммунизм. Надо воспитывать и перевоспитывать людей. Путем принципиальной критики, идейной борьбы надо стремиться к сплочению коммунистических сил и сил, которые идут за нашей партией в борьбе за построение коммунизма. Это — главное. (Аплодисменты).

Мне хотелось бы, товарищи, рассказать вам об одном интересном, на мой взгляд, факте. Совсем недавно, во время пребывания в Сочи, я получил письмо от одного гражданина. Фамилии автора письма я не называю, потому что это не нужно. Пройдет какое-то время, когда этот человек станет твердо на ноги, тогда, возможно, и будет смысл назвать его фамилию. Зачитаю вам письмо, полученное мною от человека, который был осужден за воровство. Вот это письмо:

**«Председателю Совета Министров Союза ССР
товарищу ХРУЩЕВУ Н. С.**

Я с 12 лет занимаюсь кражами, за что был осужден четыре раза, последний раз судился в 1954 году на срок 6 лет. Наказание отбыл. По освобождении вернулся к семье и устроился на работу плотником. Зарабатывал 500—600 рублей в месяц. Платя за квартиру 200 рублей в месяц, я не смог обеспечить семью, и, задолжав за квартиру 400 рублей и 600 рублей в контору, 25 марта с. г. бросил семью в составе: дочери 4 лет, матери, жены (жена находится в роддоме с новорожденным) и уехал с мыслью о легкой жизни. Но начать свою старую преступную жизнь я не могу и не могу вернуться к семье, так как бросил ее без денег и в долгах. За эти пять дней, как я уехал, я не совершил ни одного преступления.

Я не боюсь ответственности и прошу Вас ответить советом, как мне быть. Я буду ждать ежедневно в течение этого времени, как только у меня хватит силы воли, буду ждать беседы с Вами. Если сочтете нужным меня арестовать, я и с этим согласен.

К сему — подпись».

Это было в Сочи. Я пригласил автора письма для беседы. Мы познакомились с ним. Услышав его фамилию, я сказал, что раньше знал одного генерала с такой фамилией.

Автором письма оказался молодой человек, лет тридцати. В беседе он показал себя разумным и приятным человеком. Он рассказал о себе, о своей жизни, о потере отца, о среде, которая отрицательно повлияла на него. Он говорил:

— Поймите мое положение, я мог бы работать грузчиком, видите — я сильный человек. Но меня не пускают на эту работу, смотрят, как на вора. Грузчики зарабатывают прилично, и я бы мог хорошо заработать, но мне не доверяют. До последнего времени я работал в бригаде. Другие в бригаде больше зарабатывают, чем я. На меня смотрят, как на вора, поэтому мне дают малоквалифицированную работу. Что мне теперь делать, как быть с семьей? Квартиры мне не дают, я живу на частной

квартире. Если бы я жил на государственной квартире, я бы платил меньше. Помогите мне. Я Вам обещаю, что буду честным человеком, докажу Вам это.

Выслушав этого человека, побеседовав с ним, я поверил в него, он показался мне хорошим человеком. Может быть, я проявил либеральный подход к этому человеку, но мне было приятно поговорить с ним. Я поверил ему, и хочется думать, что он меня не обманет. (Продолжительные аплодисменты).

— Что Вы хотите от меня, чем могу Вам помочь?—спросил я у него.

— Помогите мне, чтобы я мог семью прокормить, — сказал он. — Это прежде всего. Я хочу вернуться к жене, к детям и матери.

— Хорошо, постараюсь помочь Вам, — ответил я ему. — Позвоню секретарю горкома партии, попрошу его, чтобы обратили внимание на Вас, устроили на работу, помогли бы приобрести квалификацию, чтобы Вы могли больше зарабатывать. Но постарайтесь работать честно. Потом я попрошу, чтобы Вам дали кредит. (Подумайте, бывшему вору кредит дать! (Смех. Аплодисменты). Это возможно только в наших советских условиях). (Аплодисменты).

Вам дадут кредит, чтобы Вы построили себе домик, или же попрошу, если есть возможность, чтобы Вам дали квартиру, и тогда Вы будете платить меньше. (Известно, что у нас квартирная плата самая низкая в мире; я бы сказал, это символическая плата, потому что этих средств, наверное, не хватает на содержание дворника в этом доме).

Мой собеседник сказал:

— Это было бы очень хорошо. Я Вас буду благодарить.

Убедившись в ходе беседы, что ему верят, что с ним по-человечески разговаривают, автор письма обратился ко мне с такой просьбой:

— Товарищ Хрущев, знаете что, мне бы очень хотелось с Вами на память сфотографироваться. (Смех. Аплодисменты).

Я ответил ему:

— Это возможно, садитесь поближе, чтобы фотографу было лучше.

Мы сели, нас сфотографировали. Я пообещал ему прислать фотографию. Этот снимок ему послали. (Аплодисменты).

В заключение беседы выяснилось, что у собеседника нет ни копейки денег.

Тогда я сказал ему:

— Я помогу, чтобы Вы не только смогли доехать до дому, но и привезти подарки жене и детям.

Он вернулся домой, ему помогли устроиться на работу. Я попросил узнать, как он работает, как ведет себя. Мне сообщили, что он работает грузчиком и неплохо зарабатывает. Просил передать, что живет хорошо. Благодарил за помощь. (Продолжительные аплодисменты).

Вот вам, товарищи, один из фактов нашей жизни. Автор письма — это живой, конкретный человек.

К этому письму и к его автору можно было подойти по-разному. Ведь писал письмо человек, которого четыре раза судили за кражи. Его устроили на работу, а он бросил ее, убежал опять воровать, а теперь еще хочет со мной встречаться, — берите его, тяните к ответу. Это один подход.

Что такой подход дал бы этому человеку? Он привел бы к тому, что сбившийся с правильного пути человек повысил бы в тюрьме свою квалификацию вора, а нам нужен человек для нашего дела. Для того, чтобы поставить этого человека на правильный путь, нужен другой подход, нужно поверить в человека, в его лучшие качества. Может ли этот че-

ловек быть активным участником коммунистического строительства? Может, товарищи! (Бурные аплодисменты).

Мне трудно соревноваться в описании таких случаев с всеми уважаемым и всем известным автором «Педагогической поэмы» Антоном Семеновичем Макаренко. Он показал благородство человека, великую силу веры в человека. И все мы хорошо знаем, как сторицей была оплачена эта вера в человека теми, к кому было проявлено внимание и доверие, — бывшими уголовниками и убийцами. (Аплодисменты).

Некоторые могут искать грубую аналогию в моем сравнении. Но думаю, что вы правильно меня поймете. Этот факт с письмом не относится к тому, что говорилось перед этим. Я привел этот факт для того, чтобы показать, что вопросы воспитания и перевоспитания людей — это важнейшие вопросы. В нашей стране, к сожалению, есть еще и преступники и убийцы.

Иностранец, посетивший Советский Союз и узнавший о подобных фактах, может сказать — у них строят коммунизм, а я сам видел, что у них есть убийцы. Но ведь мы вовсе и не собираемся утверждать, что мы покончили со всеми пережитками прошлого, сумели перевоспитать всех людей. Однако каждый, кто поближе познакомится с жизнью советского общества, узнает, что вовсе не наличие преступников является характерным для нашего общества, что для него характерен быстрый рост сознательности людей. Некоторые люди могут спросить: а будут ли преступники в коммунистическом обществе? Я лично, например, как коммунист, не могу дать гарантии, что их не будет. (Смех). Преступление — это отклонение от общепринятых норм поведения в обществе, нередко вызываемое расстройством психики человека. Могут быть заболевания, психические расстройства в коммунистическом обществе среди отдельных людей? Видимо, могут быть. Если это будет, то могут быть и проступки, которые свойственны людям с ненормальной психикой. Так не по этим же психопатам будут судить о коммунистическом обществе. (Смех. Аплодисменты). Тем, кто на подобном «основании» стал бы призывать к борьбе с коммунизмом, можно сказать, что и сейчас есть люди, которые борются с коммунизмом, с его благородными идеями, но у таких людей, видимо, явно не в норме психическое состояние. (Смех. Бурные аплодисменты).

Дорогие товарищи! Здесь выступали многие писатели. К сожалению, мы не имели возможности слышать все ваши выступления, но некоторые из них мы слушали и читали. Кое в чем будем считать себя должниками и постараемся прочесть ваши речи, ознакомиться с вашими замечаниями и предложениями.

Думаю, что вряд ли мне в моем выступлении нужно заниматься разбором ваших произведений. Как вы знаете, я не литературный критик, поэтому и не чувствую себя обязанным разбирать ваши литературные труды.

Некоторые факты свидетельствуют о том, что вы и сами не очень охотно друг друга критикуете. Не думаю, что вы хотите, чтобы это неприятное занятие было возложено на мои плечи. Сами пишете, вам самим, прежде всего, следует и критиковать написанное. (Смех. Аплодисменты). Вы хорошо знаете, что, разбирая произведения, надо одного хвалить, другого критиковать, а третьего посередине поставить. Ведь нельзя представить себе дело так, что вот пришел человек с двумя мешками, в одном из которых сладкие конфеты, а в другом — горькие пилюли, и начал бы раздавать — одному конфетку, другому — две, а третьему — горькую пилюлю. Будет более правильно, если вы сами будете и

конфеты делить и пилюли принимать, определяя, когда это нужно и кому что следует. (Оживление в зале).

Вместе с тем следует сказать, что литературная критика, повседневный глубокий разбор литературных произведений — это важнейшее условие для успешного развития нашей литературы. Вот почему вы не имеете права отходить от критики своих собратьев и от разбора их произведений. Что значит литературная критика? Это — оттачивание писательского оружия, глубокий разбор произведения, это — совершенствование мастерства литераторов. Мне нет нужды подробно говорить об этом, вы сами хорошо знаете все значение таких вопросов. Мы хотим и народ ждет новых литературных произведений, хороших, зовущих на борьбу, зовущих к победе коммунизма.

Вы, видимо, знаете, что я человек беспокойного характера, не люблю жвачки. Каждый на своем посту должен быть активен, в литературе должна быть большая страстность. Активная деятельность, борьба за высокие идеалы, за строительство новой жизни — все это импонирует человеку. Если бы человек был пассивным, мы бы не могли продвигаться вперед. Только борьба миллионов и миллионов людей за строительство новой жизни, борьба активная, вдохновенная и страстная позволяет нам быстро двигаться вперед и побеждать. Люди пассивные, равнодушные, флегматичные едва ли напишут произведения, которые дышали бы страстностью и звали на подвиги героические. Или это возможно? (Оживление в зале). Конкретных примеров по этому вопросу у меня нет, но думаю, что вряд ли это возможно.

Товарищи! Мы гордимся замечательными писателями старшего поколения, гордимся молодежью, которая вступает в строй. Надо внимательно, заботливо относиться к творчеству молодежи. Я хотел бы высказать некоторые свои замечания о работе с начинающими писателями. Без притока молодых творческих сил не будет расти литература в целом. Молодежь — это наша смена. Каждый начинает с чего-то небольшого, а потом он развернется, создаст большие, хорошие произведения, и его талант признают. Талант рождается не сразу, он постепенно совершенствуется.

В воспитании творческой молодежи у нас есть существенный недостаток. Состоит этот недостаток, по моему мнению, в том, что у нас нередко создают тепличные условия для начинающих писателей. (Аплодисменты).

Вспомните, какие суровые условия были в царской России для человека вообще, а тем более для писателя, для мыслящего человека, который не мог мириться с пороками старого общества. Он сам возмущался и, выражая свое возмущение в произведениях, заставлял миллионы людей возмущаться, подниматься на борьбу за лучшую жизнь. Известно, как трудно было в то время творческой интеллигенции проби- вать себе дорогу.

В результате Октябрьской революции условия коренным образом изменились. В нашем социалистическом обществе открыт простор для всестороннего раскрытия и выявления всех творческих возможностей и дарований человека. Мы хотим, чтобы творчество молодежи еще больше развивалось. В нашей советской среде рождается много талантов. Нужно всемерно помогать росту одаренных людей. Но не следует искусственно отрывать их от земли, от среды, в которой они живут.

Меня признают поборником кукурузы. Хочу привести пример выращивания кукурузы в нормальных и тепличных условиях и провести

некоторую аналогию с воспитанием молодых литераторов. **(Оживление в зале. Аплодисменты).**

Любителей кукурузы много: ее любят грузины, армяне, украинцы и русские из южных областей. Особенно вкусна кукуруза в молочно-восковой спелости. Кто не кушал ее, тот не знает, какая это вкусная пища. Так вот люди, которые не имели опыта выращивания кукурузы, но горели желанием вырастить ее пораньше, начинали выращивать ее рассаду в теплицах. Помню, один агроном, зная, что я страстно агитирую за кукурузу, видимо, решил мне сделать приятное: он вырастил рассаду кукурузы в теплице и потом высадил ее в поле. Когда я приехал на это поле, то увидел следующую картину: кукуруза, которая была посеяна, еще не взошла, а кукуруза, высаженная из теплицы, была ростом в 20—30 сантиметров. Посмотрел я на эти посевы и сказал агроному:

— Знаете, что вы глупость сделали?

— Как? Почему? — спрашивает он.

Я ему ответил:

— Кукуруза, посеянная в грунт, хотя еще и не взошла, но она поднимется, разовьется и даст хороший урожай, а кукуруза, высаженная из теплиц, зачахнет, не даст хорошего урожая, так как она выращивалась в тепличных условиях. Посмотрите на растения высаженной кукурузы. Они хилые, желтые, нет той зелени, вроде как загара у человека, который находился под зонтиком. Конечно, это растение не может выдержать всех испытаний, которые оно встретит в своем развитии.

В какой-то степени и некоторые наши начинающие писатели напоминают мне кукурузу, которую, прежде чем высадить в грунт, проращивают в теплице. Бывает так: напишет человек первый рассказ или стихотворение, и сразу же начинают шуметь, что появилась новая звезда, новый талант. **(Оживление в зале. Продолжительные аплодисменты).** Этот товарищ, который написал первое произведение, писателем или поэтом себя не называл, он только попробовал свои силы, а о нем уже всю трубят, что это образец, алмаз, которого ожидало человечество, его тянут в Союз писателей. Если такой начинающий живет в провинции, то говорят, что нужно ему дать квартиру в Москве или в столице республики. Мол, это новая звезда, разве может она находиться в провинции.

Разве это правильно? Ведь Михаил Александрович Шолохов живет в своей столице — станице Вешенской, а ну-ка, столичники, потягайтесь с ним на литературном поприще. **(Аплодисменты).**

Вопрос заключается не в том, кто где живет, а в том, кто что может, на что способен тот или иной человек. **(Аплодисменты).**

Думаю, что создание тепличных условий может отрицательно сказываться на воспитании творческой молодежи. В самом деле, что иногда получается с человеком, которого подняли на щит и взяли из той среды, где он раньше работал. Его признали писателем, вручили билет члена Союза писателей, дали квартиру в столице. До этого он работал на производстве трактористом, комбайнером, токарем, слесарем, конструктором, инженером, агрономом. Ведь он не родился писателем, а где-то рос, трудился. А потом оказывается, что после первого удачного произведения этот человек не в состоянии написать нового, лучшего произведения. Что же ему делать? Вот он и рассуждает: сесть за штурвал комбайна — негоже для писателя; пойти на завод — тоже негоже. Куда же он идет? Идет в Союз писателей, чтобы получить деньги из Литературного фонда. **(Оживление в зале. Аплодисменты).** Его там подкармливают. Он считает, раз признали, что он талант, вручили член-

ский билет, как свидетельство его способностей, — так давайте. И если дадите, то давайте больше. (Оживление в зале).

Может быть, я несколько преувеличиваю, никто не собирается делать трагедию из этого. Хочу только показать, что это является отступлением от норм, которых нам надо придерживаться. (Аплодисменты).

Нужно помогать молодым товарищам развивать свое дарование, поддерживать молодежь, как поддерживали ее многие старые писатели, как поддерживал Горький. Я читал письма Михаила Михайловича Коцюбинского, читал его переписку с Горьким, который оказал огромное влияние на творчество Коцюбинского, как и на многих других писателей, мастеров искусства. Пусть меня поправят украинские писатели — Николай Платонович Бажан, Александр Евдокимович Корнейчук и Максим Фаддеевич Рыльский, если я допущу неточность, — Коцюбинский долгие годы работал в комиссии по борьбе с сельскохозяйственными вредителями, статистиком в земской управе и занимался литературным трудом. Как вы знаете, писал он хорошо.

Почему бы писателю для того, чтобы написать о рабочем, не поехать туда, где рабочие живут и трудятся, изучить, как они работают. Не лучше ли вместе с ними жить. Разве это плохо? (Аплодисменты). Тогда и время на поездки тратить не надо. (Аплодисменты).

Товарищи, я не думаю, конечно, вносить предложение, чтобы столичных писателей расселить по Советскому Союзу на шахтах, заводах и в колхозах. Нет, это было бы неразумно. Хочу только сказать, что писателям нужно глубже вторгаться в жизнь, изучать ее, воплощать в художественных образах все новое в жизни Советской страны, глубже показывать человека — создателя всех материальных и духовных ценностей нашего общества.

Разве полезно тех людей, которые выросли и живут в определенной среде — в колхозе, на заводе, в учреждении, питаются соками этой среды, вырывать оттуда и пересаживать их в искусственно созданные тепличные условия. Если это сделать, то человек может потерять почву под ногами, не будет получать живительных соков и он почувствует себя, как растение, вырванное из земли. Например, когда вы пересаживаете плодовое дерево и вырываете из земли основные корни, то нужно 2—3 года, пока вырастут новые разветвленные корни и дерево снова зацветет. Так бывает и с человеком, когда его выхватывают из привычной среды. Он может со временем укорениться, стать на ноги, но может и засохнуть.

Я позволю себе привести один давний разговор с украинскими писателями. Когда я приехал работать на Украину, это было еще до войны, ко мне пришли писатели, хорошие товарищи, не буду называть их фамилии. Мы побеседовали по некоторым вопросам, а потом они говорят:

— Товарищ Хрущев, у нас есть просьба к Вам.

— Какая?

— У нас появилась замечательная народная поэтесса, крестьянка.

— Это хорошо, — говорю, — теперь много появляется талантливых людей. В чем она нуждается?

— Она в деревне живет, — говорят мои собеседники.

— А что вы хотите?

— Надо ей квартиру дать в Киеве.

Я тогда сказал товарищам следующее: эта женщина сочиняет стихи о колхозной жизни, хотя она и малограмотная, но, видимо, способная. Она сочиняет о людях и событиях, которые она видит, в которых она участвует. Но возьмите ее из колхоза, поселите на Крещатике, о чем

она может писать? Она быстро зачахнет, ничего не сможет сочинить, а если захочет писать, она вынуждена будет поехать в колхоз.

Мои друзья-писатели меня выслушали, а потом все-таки приняли эту колхозницу в Союз писателей. Но из нее толку не вышло, потому что человек она малокультурный, незрелый. Она умела только рифмовать, но ведь одна рифма — это еще не поэзия. (Аплодисменты).

Думаю, товарищи, вы правильно поймете и согласитесь с тем, что надо поддерживать начинающую молодежь независимо от возраста, но не надо искусственно ставить ее в тепличные условия. Никогда человек не научится плавать, если его все время чем-то поддерживать в воде. Чтобы научиться плавать, надо лезть в воду, пробовать свои силы, тренироваться. Если обучающийся начнет тонуть, помогите ему, но потом научите его, чтобы он сам плавал. Дайте возможность начинающему писателю развивать свой талант собственными силами. (Аплодисменты).

Товарищи! Можно ли говорить «о праве писателя на ошибки», «о праве писателя на неудачи»? Думаю, что само положение и роль писателя в обществе лишают писателя такого права. Хорошо сказал Леонид Сергеевич Соболев на Первом съезде писателей в 1934 году: партия и правительство дали советскому писателю решительно все и отняли у него только одно — право плохо писать.

На мой взгляд, народ отнял у писателя не только право плохо писать, но прежде всего писать неверно. Произведения могут быть написаны, так сказать, на невысоком уровне. Ну, и что ж, читатель даст свою оценку плохому произведению. Другое дело, если произведение написано неверно, то есть в произведении взяты неправильные исходные позиции. Этого никак нельзя допускать, потому что это литературный брак.

Могут сказать, что нет производства без брака. Это верно, но бывает разный брак, разные ошибки. Согласитесь, что одно дело брак какой-либо детали, допущенный по вине слесаря или токаря, и совсем другое дело литературный брак. В первом случае дело ограничится тем, что бракованную деталь выбросят, закажут сделать новую и пропадает только время, затраченное на изготовление детали, и материал. Во втором случае бракованная литературная продукция получает жизнь (ведь книга с ошибками вышла в свет!), она будет прокладывать себе дорогу к читателям и даже к тем, кто еще не научился твердо держаться на ногах и хорошо разбираться в достоинствах и недостатках художественного произведения. Читатель видит, что книгу написал писатель, и подходит к ней с доверием. Вы знаете, какое уважение воспитала партия в нашем народе к писателям, к художественному произведению, к печатному слову. Вот почему литературное произведение, даже если в нем имеются серьезные идейные ошибки, может быть принято известной частью читателей как настоящее произведение, к которому нужно относиться с доверием и учиться жизни и борьбе. Посудите сами, какой вред может принести советским людям, коммунистическому строительству такая бракованная литература.

Вы скажете, а где гарантия от ошибок? Да, гарантии давать трудно, потому что писатель, если он подлинно советский писатель, допускает ошибки не сознательно, не преднамеренно, а в силу целого ряда причин — недостаточного знания жизни, неверно взятых исходных позиций и т. д. Чтобы не допускать этого, надо помнить, что писатели живут в обществе, отображают жизнь общества, их творчество должна направлять критика, они должны прислушиваться к ней, считаться с ней, устраивать товарищеские дискуссии и обсуждения, выносить на суд общественности свои произведения.

Вы опять можете сказать: критикуйте нас, контролируйте и, если произведение ошибочное, не печатайте его. Но вы знаете, нелегко сразу разобраться в том, что печатать и что не печатать. Самый легкий путь — ничего не печатать, тогда не будет никаких ошибок, а человек, запретивший печатать то или иное произведение, будет выглядеть умным человеком. Но это было бы глупостью. (Оживление в зале. Аплодисменты).

Поэтому, товарищи, не взваливайте на плечи правительства решение таких вопросов, решайте их сами по-товарищески. По-нашему, это будет критика, и критика настоящая. Если это подлинная литературная критика, то для нее сваты и братья не указ, она должна заботиться о главном — об идейном и художественном достоинствах литературного произведения. Так должны мы поставить дело.

Думаю, что Александр Трифонович Твардовский прав, заявив в своем выступлении на съезде, что в литературном творчестве важно прежде всего качество. Верно, что в духовной деятельности предпочтительнее «лучше», чем «больше». Дайте одну книгу, но хорошую. Немного книг написал Николай Островский, но его «Как закалялась сталь» — настоящая книга. Писатель умер, но книга его, видимо, будет жить в веках. Не буду называть других авторов и другие произведения — их много у нас. Надо стремиться к созданию хороших книг, чтобы они долго жили и доставляли радость людям.

С детства запали мне в душу строки Николая Алексеевича Некрасова из его поэмы «Дедушка». Хорошо помню их слово в слово.

Вот эти слова:

«Чудо я, Саша, видал:
Горсточку русских сослали
В страшную глушь, за раскол,
Волю да землю им дали;
Год незаметно прошел —
Едут туда комиссары,
Глядь — уж деревня стоит,
Риги, сарай, амбары!
В кузнице молот стучит...
Так постепенно в полвека
Вырос огромный посад —
Воля и труд человека
Дивные дивы творят!» (Аплодисменты).

Смотрите, как хорошо сказал Некрасов о человеке, на что способен этот человек, если ему дают волю и землю! (Бурные аплодисменты). Но масштабы были тогда не наши. Что сказал бы Некрасов сейчас, живи он в наше время, если бы узнал, что за три — четыре года советские люди подняли целинных земель 36 миллионов гектаров! (Аплодисменты). Если то было чудо, то о делах советских людей мало сказать сверхчудо.

Вот в какую эпоху мы живем, товарищи! Но мы преклоняемся перед гением Некрасова, сумевшего в таких, по нашим масштабам скромных проявлениях, увидеть и оценить, что «воля и труд человека дивные дивы творят». В наше время проявляются великие творческие силы народа, преобразившего свою Родину в могучую социалистическую державу. Наш противник сейчас уже понимает и видит это.

Расскажу вам о таком факте. Недавно на одном приеме я беседовал с дипломатическими представителями некоторых стран. Самый жи-

вотрешущий сейчас вопрос — это вопрос о совещании министров иностранных дел. Посол Западной Германии спросил меня:

— Как решится вопрос в Женеве?

— Это Вы уж мне скажите, Вы посол своего правительства, скажите, что оно думает. Но что бы Вы ни думали, я могу сказать одно, надо подписывать мирный договор с двумя Германиями.

— Это невозможно.

— Нет, это возможно. Если сегодня для вас невозможно, мы подпишем мирный договор с Германской Демократической Республикой и подождем того времени, когда вы скажете — возможно, и тоже подпишете мирный договор. (Аплодисменты).

Посол сказал мне, что нет, этого не будет. Я ему ответил, не торопитесь, не говорите «нет», обождите.

Тогда еще один посол присоединился к нашей беседе. Посол, о котором я говорю, когда-то жил в нашей стране, он и его отец имели фабрику в Москве, но затем выехали отсюда, и сейчас он является послом одной страны, прекрасно говорит по-русски и поэтому мы говорили с ним без переводчика. Так вот, этот посол обращается к послу Федеративной Республики Германии и говорит ему:

— Знаете, господин посол, я Вам не советую спешить со словом «нет». 30 лет тому назад я сказал, что Советская власть долго не продержится, и, как видите, я ошибся. (Аплодисменты).

Это говорит о том, что даже такие люди, которые по своему классовому положению были и остались нашими противниками,—и те теперь стали зрячими и уже начинают поправлять своих коллег: не спеши, не торопись говорить «нет».

А мы-то с вами, товарищи, коммунисты. Вы можете сказать: не все мы коммунисты. Могу на это ответить, что когда у нас выступают ораторы — писатели, рабочие, служащие, то по речи невозможно определить, коммунист оратор или не коммунист, и чтобы выяснить это, нужно спросить самого оратора. Это ли не живая демонстрация слияния дум нашей партии с думами народов нашего великого Советского Союза. (Бурные аплодисменты). Это самая великая награда для нашей партии, это великий триумф ленинского учения. Учение нашей партии, программа нашей партии перестали быть только научным документом, а стали документом самой жизни, взглядами, пониманием, программой действия нашего великого народа. (Бурные аплодисменты).

Это награда и потому, что сейчас, как никогда, высок международный авторитет нашей страны, высок авторитет советской внешней политики, а политика нашего правительства вытекает из политики и учения нашей Коммунистической партии. Это, следовательно, признание того, что учение Коммунистической партии является всепобеждающим учением. Мы должны сделать все для того, чтобы еще больше возвысить наше государство своими делами.

Товарищи, разрешите мне привести еще одно стихотворение. Мне нравятся слова Ивана Саввича Никитина о родине:

«Уж и есть за что,
Русь могучая,
Полюбить тебя,
Назвать матерью.

Стать за честь твою
Против недруга,

Это замечательные слова. Поэт в его время говорил, что Россию можно назвать матерью, а мы знаем, что Русь не всем была тогда матерью, многим она была и мачехой. Я говорю не только о национальном, но и о классовом составе населения бывшей России. И все-таки поэт назвал ее матерью. Так что же можно сказать о нашем великом Советском Союзе, который действительно стал матерью всех народов, и в нашей стране все народы стали братьями. **(Бурные аплодисменты).**

А всем этим, товарищи, мы обязаны великому Ленину, нашей славной Коммунистической партии, советскому строю, мы обязаны самоотверженному труду наших народов.

Будем беречь все завоевания социализма, приумножать их и двигаться вперед к заветной цели — построению коммунистического общества. **(Бурные аплодисменты).**

В новое время и по-новому хорошо сказано о советском народе в стихотворении Александра Твардовского «Почти полвека...» Оно было опубликовано в декабре прошлого года в «Правде». Не буду его читать, так как вы все читали его и помните. Это стихотворение выражает душевные переживания каждого человека, который любит свою социалистическую Родину, любит Советское государство и гордится его достижениями. **(Аплодисменты).**

Товарищи! Мы ведем сейчас коммунистическое строительство широким фронтом. Если выразиться военным языком, то можно сказать, что наше общество организовано в отряды, которые широким фронтом ведут наступление.

Многие из вас сами участвовали в боях, и вы знаете, что без артиллерии почти невозможно пехоте прорвать укрепления противника без крупных потерь, что всегда перед наступлением проводится артиллерийская подготовка, на которую расходуется большое количество снарядов, в зависимости от того, как укреплены позиции противника. Здесь присутствует маршал Малиновский, он может это подтвердить.

Думаю, товарищи, что в нашем общем наступлении деятельность советских писателей можно сравнить с дальнобойной артиллерией, которая должна прокладывает путь пехоте. **(Бурные аплодисменты).** Писатели — это своего рода артиллеристы. Они расчищают путь для нашего движения вперед, помогают нашей партии в коммунистическом воспитании трудящихся.

Три дня тому назад я принимал американцев. Был среди них один старый человек — судья. Он выступил в конце беседы и сказал: спасибо, господин Хрущев, за беседу, я очень доволен и все мы довольны пребыванием в Советском Союзе. Мы очень много увидели, а я лично особо Вас благодарю. Боюсь, что, когда я вернусь и буду рассказывать друзьям о своих впечатлениях, некоторые скажут, что, наверное, русские «промыли мозги старому судье».

Буквально так и сказал. Неплохо сказано. Так вот, товарищи, нужно, чтобы вы своими произведениями «промывали людям мозги», а не засоряли их. Сейчас на вас, писателей, ложится особая ответственность.

Вы знаете, товарищи, что когда артиллерия подготавливает наступление и сопровождает в наступлении пехоту, то она стреляет через свои боевые порядки. Поэтому надо уметь бить точно, бить по противнику, а не стрелять по своим. **(Смех, аплодисменты).**

Мы переживаем время бурного развития науки и техники. И тех-

ника у нас меняется и артиллерия меняется. Происходит теперь, как в лесне: и дубина с сохой отошли на покой, их сменила царица-машина. На смену артиллерии и авиации пришла ракета, которая уже запущена в космос и является спутником Солнца.

Подобно тому, как это происходит в развитии техники, вам тоже нужно оттачивать, совершенствовать свое оружие, чтобы оно было более дальнобойным, более точным.

Дорогие товарищи! Я кончаю свое выступление. Позвольте выразить вам благодарность за ваше внимание, за то, что вы меня выслушали. Если я что-либо сказал не так, думаю, что вы мне простите это. Признаюсь, я очень волновался и беспокоился. Сперва думал выступить по заранее подготовленному тексту. Но вы знаете мой характер — не люблю читать, люблю беседовать. **(Бурные аплодисменты).**

Вам, товарищи, известно, как бывает трудно выступать. Когда речь написана и приготовлена — можешь спокойно спать. А когда предстоит выступать без текста — так и спится плохо. Проснешься и начинаешь думать, как лучше сформулировать тот или иной вопрос, начинаешь сам с собой спорить. Выступление без текста — это очень тяжелый хлеб для оратора.

Я, конечно, не застрахован от оговорок. Поэтому прошу не быть строгими судьями, а если какие оговорки вы и заметили, то не судите слишком строго. **(Аплодисменты).**

Товарищи! Отражайте в своих произведениях великие дела, которые совершает народ, простые люди. Нужно, чтобы об этих людях знали, видели их лучше, чтобы они были примером для всех, кто ведет борьбу под руководством Коммунистической партии за построение коммунистического общества.

Да здравствуют славные народы Советского Союза, строящие коммунизм! **(Бурные аплодисменты).**

Да здравствует наша великая Коммунистическая партия! **(Бурные аплодисменты).**

Да здравствуют советские писатели — верные помощники нашей партии в строительстве коммунизма! **(Бурные, продолжительные аплодисменты. Все встают).**

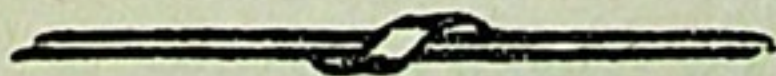
Ираклий Абашидзе

В М Ц Х Е Т А

Перевод с грузинского А. Межирова

Если все на земле
 только призрачный сон, в самом деле,
Если все — только тень, только тлен,
Почему же тогда до сих пор не истлели,
Почему осязаемы
 Джвари и Светицховели,
Вековечные камни
 щербатых обветренных стен?!
Почему же тогда
 колоннады Самтавро видны
И седого Армази
 непоколебима основа,
И у самой запруды,
 над гребнем смиренной волны,
Мост помпейский
 державно вздымается снова?
Видишь город старинный!
 Безмолвье. Руины. Покой.
Дух Армази, витающий рядом крылато.
В усыпальницах древних
 властители спят над рекой, —
Те, кто правил Арагвой,
 кто властью гордился когда-то.
Я напомню тебе,
 как пред нами в недавние дни
Саркофаги Армази
 в молчанье суровом вскрывали.
Как второе пришествие,
 взорам явились они,
То, что в них сохранилось
 на тленье похоже едва ли.
Нам ударил в глаза
 дивный блеск драгоценных камней,
На амфорах и чашах
 узоры нетленно горели.

Почему же они
не истлели за давностью дней,
Если все на земле
только призрачный сон, в самом деле?!
Помнишь горло кувшина,
его лебединую статью,
И венцы вырезные,
лежащие с кольцами рядом?
Но зато в усыпальницах
мы не смогли отыскать
Даже кости того,
кто при жизни владел этим кладом.
И тогда я поклялся
нетленностью этих красот,
Формой этих амфор,
лебединой повадкой кувшинов:
Нет, не сон и не прах,
то, что мастер в трудах создает,
То что он созидает,
в грядущее мост перекинув.
И тогда я подумал,
что это не камни горят,
А глаза их творцов
полыхают огнем из-под спуда.
Ощувив на себе
этот зоркий и пристальный взгляд,
Я поклялся, что жизнь
ярче сна и чудеснее чуда.
Но быть может, лишь тенью,
и тленом, и призрачным сном
Жизнь считали умельцы,
прапредки далекие наши.
Через тысячи лет
мы с тобой убедились в ином,
Наполняя вином
их амфоры, кувшины и чаши.
И суждения ложного
не исповедуя впредь,
Ты не сможешь забыть,
Как над нами о вечности пели
Стены, камень которых
ничто не способно стереть,
Даже время — седое,
как Джвари и Светицховели.

ЦВЕТЕНИЕ ЛОЗЫ

РОМАН

(Продолжение)

Авторизованный перевод с грузинского С. Трегуба

Медея и тетя Варя собирались в Цхалтубо, а потом—в Абхазию. Коринтели, как праздника, ждал их отъезда: он сможет, наконец-то спокойно работать.

Он уже решил перевезти сюда Майю, сложить камин...

И вот жизнь меняла свое течение. Он радовался этому и боялся.

Коринтели стремительно вошел в спальню. За ним последовала Медея. Она тревожилась, не привез ли какую-нибудь неприятную весть Цихистави. Коринтели успокоил ее и стал переодеваться.

— Обедать не буду, — бросил он на ходу.

В зеркале мелькнуло его небритое лицо. Он машинально провел рукой по щеке, подбородку. Разве можно было в таком виде появиться перед Сускией?! Он не брился три дня, а постарел, пожалуй, на три года. Все лицо в седоватой щетине.

Коринтели вытащил свой несессер, проверил на ногте бритвы. Две оказались тупыми, а одна — с зазубринами. Тетя Варя, должно быть, ими что-то порола.

Он позвал Майю и спросил, не приехал ли Андро. Парикмахерская находилась в Кварели.

На счастье, машина стояла у дома.

Навстречу им двигались десятки грузовиков — с людьми и домашним скарбом. Везли скот: коров, овец, коней. Мужчины, одетые в пестрые хевсурские чохы, и женщины в национальных нарядах пели песни.

— Счастливого пути! — крикнул им Коринтели и дружески пома- хал рукой.

Недалеко от Кварели он увидел голубую санитарную машину, стоявшую под придорожными осинами. В кабине, наклонив голову, сидела женщина в зеленом берете. Коринтели не разглядел ее лица, но сердцем почувствовал, что это Суския, и приказал Андро остановиться. Да, это была она.

— Пойди и узнай, чем мы можем им помочь, — сказал он Андро. — Только не говори, что я здесь.

Андро скоро вернулся.

— Плохи у них дела, батоно профессор, — сообщил он. — Полетел кардан. Мы ничем не можем помочь. Им нужен буксир.

Коринтели хотел было вылезти из машины, но потом решил все же сначала побриться.

Машина миновала осиновую аллею. Коринтели с тревогой взглянули на тяжело плывущие тучи. Подул ветер. За горами прогремел гром.
«Как бы не хлынул дождь и не простудилась бы Суския», — нервничал Коринтели.

— Скорее, — торопил он шофера.

В Кварели, как назло, две парикмахерские оказались закрытыми: одну ремонтировали, а в другой был выходной день.

Андро успокоил:

— Я знаю третью на окраине.

Перед кривыми зеркалами работали два парикмахера в грязных халатах. У одного из них, низкорослого, толстого, была перевязана челюсть. На столах, стульях, зеркалах лежал толстый слой пыли.

Коринтели когда-то уже заразили экземой, и его буквально охватила дрожь, когда он очутился в этой цирюльне.

Первым освободился парикмахер с перевязанной челюстью. Пришлось сесть к нему.

— Хоть бы зеркало вытерли, — заметил Коринтели.

Толстяк вытащил носовой платок и принялся чистить зеркало. Оно оказалось не только кривым, но и выпуклым, резко увеличивающим отражение.

От парикмахера несло запахом хаши¹ и водки.

— Дайте, я сам побреюсь, — сказал Коринтели.

Но толстяк не согласился.

— Где же это видано? — засуетился он и принялся скрести клиенту щеки своей тупой бритвой.

— Не назовете ли вы мне свою фамилию? — спросил парикмахер, окончив мучительную для Коринтели процедуру.

— Зачем вам знать ее? — раздраженно ответил Коринтели.

— Мне кажется, что я знал вас когда-то, батоно, поэтому я и посмел... — робко произнес парикмахер.

Коринтели назвал себя. Толстяк обмер от изумления.

— Что вы говорите, батоно?! Неужели вы изволите быть сыном Ростомы Коринтели? Я вас помню еще совсем маленьким мальчиком. Два года я работал у вашего покойного отца. Он заставлял меня таскать за ним землеизмерительные приборы. Ах, каким красивым мальчиком вы были. Куда же девались ваши пышные волосы! Рано вы постарели. Может быть, сидели в тюрьме? А?

Коринтели молчал. Толстяк подумал, что тот обижен, и принялся смягчать сказанное.

— Вот вы побрились и помолодели лет на пять, честное слово. У вас совсем бравый вид. Только на голове у вас много седых волос. Если разрешите, я вам и голову побрею, и вы станете совсем молодым.

Коринтели молчал, а парикмахер не унимался.

— Вчера я привез замечательную краску из Тбилиси, — он поднял вверх большой палец. — Ее уже испробовали наш прокурор, директор школы и заведующий аптекой. Я вам хотя бы виски покрашу, батоно!

Коринтели надоела эта болтовня.

— Знаете, что я вам скажу, любезный? Я не так уж стыжусь своей седины, так как она у меня не от разврата и пьянства. Кроме того, я не совсем понимаю, для чего седые красят свои волосы. Ведь они-то должны знать: раз уж завелась у них седина, то она и посторонним заметна. Кого же они обманывают?

¹ Хаши — суп из потрохов.

Парикмахеру редко от кого приходилось слышать такое. Он расчувствовался.

— Эх, дорогой. Иной думает, что он других обманывает, а на самом деле себя одного обманывает.

Но, желая все же омолодить Коринтели, он настоял на том, чтобы тот наголо побрил голову.

Коринтели выбрался из злополучной парикмахерской помолодевшим и утомленным. Нужно было торопиться к Сускии.

— Быстрее! — сказал он Андро.

Но тот виновато посмотрел на него и ответил, что в баке нет бензина.

Коринтели опешил.

— И ты это только сейчас обнаружил?

— Вы очень спешили, батона профессор, — оправдывался Андро. — В Гвелети все равно негде было заправиться.

— У меня дома две полных канистры, садовая голова, — распекал его Коринтели. — А где здесь найдешь бензин? Сегодня ведь воскресенье, бензосклад закрыт.

— Пойду, раздобуду у шоферов, — ответил Андро.

Пока он добывал бензин, Коринтели слонялся по безлюдной улице и с опаской глядел на горы, запахнутые в черные бурки облаков.

Они покинули Кварели ночью, когда хлынул проливной дождь.

Коринтели утешал себя мыслью, что санитарная машина уже давно в Гвелети и Сускии не придется переживать эту непогоду в дороге. И он был очень огорчен, когда убедился, что желаемое не соответствовало действительности. Машина стояла на прежнем месте.

Коринтели, несмотря на дождь, подбежал к машине. Она была заперта и казалось, что там никого нет. Он вынул карманный фонарик и осветил заднее сиденье. На нем, скорчившись, лежала Суския, прикрытая пледом. Шофера не было.

Коринтели постучал в окно. Суския не просыпалась.

Коринтели забеспокоился:

— Как ты думаешь, что случилось, Андро?

— Шофер, должно быть, куда-то ушел.

— Но куда?

— Вероятно, в ближайшую деревню.

Коринтели постучал крепче. Суския не двигалась.

Какое-то тревожное пламя охватило его лицо и распространилось по всему телу. Казалось, еще секунда — и выскочит сердце. У него перехватило дыхание, потемнело в глазах, он не мог тронуться с места...

Это волнение невольно передалось и Андро. Он принялся колотить в дверцу.

— Кто там? — раздался, наконец, испуганный голос женщины.

— Не бойся, это я! — радостно крикнул Коринтели.

— Кто вы?

— Вахтанг... Не бойся.

Женщина открыла дверцу. Да, это был Вахтанг. Она не верила своим глазам:

— Какой случай забросил тебя сюда?

Тем временем подошел насквозь промокший шофер. Он держал в руке цепь. Андро помог ему закрепить буксир.

Коринтели пересадил Сускию к себе в машину. Они прижались друг к другу. И он, как тогда в Телави, почувствовал себя снова счастливым. Но он не сказал ей об этом. Он вообще не любил раскрывать свои чув-

ства, полагая, что искренность не требует доказательств, что обнажив их, он, тем самым, оскорбит их чистоту. Не все тайное должно стать явным. Молчание, порой, красноречивее любых слов.

Коринтели молчал. И Суския молчала.

— Ну разве не судьба, что мы встретились, — наконец, нарушила молчание Суския. — В полночь меня вызвали в Руиспири. Заболела девочка. У нее оказалась скарлатина. Нужно было немедленно ввести ей сыворотку. Я пробыла там до утра, пока ребенку не стало лучше. И вот сегодня — встреча с тобой, как награда...

Внезапно какая-то птица ударилась о машину. Коринтели и Суския вздрогнули. Андро затормозил и остановился. Он поднял дикого голубя. Птица была только ослеплена и контужена. Суския приласкала ее, и она ожила, заворковала.

Коринтели позавидовал голубю, которого гладили сейчас нежные руки Сускии.

За окнами машины бушевала гроза. Придорожные деревья сгибались, подобно тростнику. Молния раскалывала небо. Свирепствовала осень. А Коринтели чувствовал, что в его жизни начинается весна.

XIX

Ветер ударял своими крыльями по телеграфным проводам, и звон их не стихал ни на минуту.

На столбах, протянувшихся вдоль дороги, замигали электрические лампочки. Возникли силуэты домов. Это было уже Гвелети.

Суския поднесла голубя к губам, поцеловала и уложила в свою сумку так, чтобы наружу торчала только его головка.

Коринтели взял ее за руку.

— Ты, должно быть, очень устала.

— Да, что-то болит голова.

— Простудилась в машине.

— Нет, я простудилась, как видно, еще вчера ночью.

Коринтели корил себя: «На кой черт я поехал в Кварели?! Нужно было сразу же возвратиться». Он ругал мысленно Андро: они потеряли несколько часов из-за этого проклятого бензина. Потом в нем заговорило благоразумие: «Днем, пожалуй, не стоило ехать вместе с Сускией. Это могло бы вызвать толки».

Послышались крики чабанов: «Трру! Трру!» Впереди двигалась отара овец.

— В детстве мне казалось, — сказала Суския, — что самая легкая, беззаботная жизнь — у чабанов. Я думала: сидит чабан на лужайке, покрытой травой, и играет на свирели, а вокруг ходят сторожевые псы и охраняют отару. А на самом деле — тяжелый у них труд. Вот в этом году я целый месяц пробыла на пастбищах и все видела своими глазами. С утра до вечера перегоняют они овец с места на место, доят, купают, лечат, стригут. Нужно убереечь стадо от волков и орлов. Сорока — и та нападает на ягнят и выклевывает у них глаза. Значит, и за этим следи. А случись непогода — у чабанов нет крыши над головой.

— И все-таки, если любишь свое дело, то отдаешься ему, несмотря на все трудности, — вставил Коринтели. — Любовь делает трудности менее ощутимыми, а человека более сильным, выносливым.

Овцы, словно волны, набегали на крылья машины. Андро непрерывно сигналил, осторожно прокладывая дорогу.

Суския обратила внимание на ягнят. Они шевелили своими мягки-

ми, как тифтик¹, ушами и жалобно блеяли. Все в них было мило от копытцев до мордочки.

— Как они хороши!—произнесла она. — Правда ведь, что природа украшает своей первозданной красотой каждое появляющееся на свет живое существо. Какие прекрасные птенцы даже у филина и вороны!

В прошлом году я гостила в Горной Тушетии. У моего хозяина были волчата. До чего они забавны и игривы! С ними дружили и взрослые и дети. У них такие смышленные озорные глазки, такие смешные и чудесные носики, что мне их хотелось поцеловать.

Я всегда любила маленьких. Это, вероятно, заложено в самой человеческой природе. Беззащитное существо вызывает в нас чувство жалости, стремление помочь ему. Потому-то я и стала врачом. Если бы у меня была не одна, а три жизни, то я бы все три посвятила борьбе за здоровье детей. Самая высокая для меня награда — спасенные мною ребята. Я помню каждого из них.

Коринтели с радостью находил в мыслях Сускии много общего со своими мыслями.

Из-за мутных туч выглянула луна.

Слева от Гветели работали тракторы: они расчищали землю от осин и вязов.

— Здесь будет большой совхоз, — сказал Коринтели.—Уже отпустили на это три миллиона.

Андро увидел спускавшегося с телеграфного столба монтера и остановил машину, чтобы узнать, как проехать к поликлинике.

— Поезжай, братец, прямо, до площади, там увидишь дом без крыши, и спросишь. Только смотри, не сворачивай вправо, к Оленьему озеру, а то и две упряжки буйволов не вытащат вас из болота.

И вот они подъехали к этому недостроенному дому, в котором было и холодно и неудобно.

Коринтели терзался: «Если бы Медея и тетя Варя находились сейчас в Цхалтубо, я оставил бы больную Сускию у себя дома хоть на одну ночь. Она могла бы расположиться в той комнатке, в которой спала Майя».

У входа им повстречался белобородый старик в тулупе. Он посветил фонарем и, узнав, что прибыл врач, засуетился.

Вокруг стоял запах олифы, извести и парафина. Полы были еще завалены свежей стружкой. Они прошли по коридору. Сторож открыл крайнюю дверь.

— Заведующий здравотделом ждал вас до конца дня, доктор, — обратился он к Сускии. — Он распорядился поместить вас в этой комнате, из которой только сегодня ушли плотники и маляры.

Включили свет.

В комнате стояли кровать-раскладушка, два табурета, столик. Андро и шофер санитарной машины внесли вещи.

Суския присела. Ее лихорадило.

Коринтели открыл дверцу печи и сказал сторожу:

— Может быть, найдешь, приятель, немного дров или хворосту и протопишь.

— За дровами дело не станет, — ответил старик, — но в доме еще не настлали потолок, и пожарная охрана не разрешает топить.

Потом он взглянул на женщину и добавил:

— Могу принести мангал² из моей комнаты.

¹ Тифтик — шерсть, сорт шерсти на Востоке, (Турецк.).

² Мангал — жаровня.

— Не беспокойтесь, — тихо произнесла Суския. — Эту ночь я как-нибудь проведу, а завтра все устроится.

Что оставалось делать Коринтели? Он хотел утешить и ободрить ее, сказать что-то нежное, но рядом стояли чужие люди. Столько хотелось высказать! А он лишь сдержанно произнес:

— Спокойной ночи, товарищ доктор!

Суския поняла его и в тон ему ответила:

— Большое спасибо, батона профессор.

Однако, когда все вышли на улицу, Коринтели сослался на то, что забыл в комнате какую-то свою вещь, и вернулся.

Суския не удивилась ему.

Коринтели прильнул губами к ее мягкой руке и почувствовал жар ее тела.

— Не волнуйся, Суския, — утешал он ее. — Утром я повидаюсь с заведующим райздравотделом и обо всем позабочусь.

Женщина благодарно посмотрела на него.

— Только не говори ему, Вахтанг, что я заболела. Неловко как-то получается — только приехала и заболела. Сколько раз со мной случилось такое, но никогда и никто об этом не знал.

Она тяжело вздохнула:

— Ты не очень обо мне беспокойся, я ведь привыкла к трудностям. Семь лет я работала в отдаленных горных селах, где и такой-то комнаты не было. Ты знаешь поговорку: «Рыбак не должен бояться промочить ноги». Я приму сейчас кальцекс — и все будет в порядке.

Она слабо улыбнулась. А у Коринтели, в уголках глаз, накалились слезы.

Как только Коринтели ушел, Суския почувствовала себя хуже. Не раздеваясь, она прилегла на кровать. Как хорошо было бы забыться, заснуть... Но откуда-то доносился тревожный крик одинокого филина. Она укрылась своим пуховым одеялом, которое показалось ей сейчас свинцовым. Все тело ломило. В висках стучало. От озноба зуб не попадал на зуб.

Она приняла лекарство.

Потом над ней начали витать какие-то призраки, и сознание ее помутилось.

...К ней пришел Вахтанг. Он молод. В гимназической форме. На его ученическом поясе сверкает медная пряжка. Он стоит в дверях, скрестив на груди руки, и не решается войти.

«Принеси воды», — просит она его. Но Вахтанг не слышит.

Она поднимается затем по крутой тропинке. Знойно. Санитарная сумка наполнена медикаментами. Ее тяжело тащить. Она хочет освободиться от нее, сбросить груз в ущелье. Но больные дети гвелетских новоселов ждут лекарства.

Ее мучит жажда. Где-то льется вода. Она снова просит Вахтанга: «воды». Но он опять не слышит ее.

...Задрезжали оконные стекла. Впечатление такое, будто в комнату ворвалась летучая мышь. Она носится по ней и не находит выхода...

А вот появился голубь. Он вылетел из сумки и тоже кружит под потолком. На него метнулась летучая мышь. Суския пытается отогнать ее. Но летучая мышь вцепилась ей в горло и душит.

«Вахтанг!» — кричит она в отчаянии.

И он, наконец-то, ее услышал.

...Вахтанг, одетый в форму гимназиста, взял сумку с медикаментами, принес ей воду, спас голубя, выгнал летучую мышь. Вместе поднимаются они на Гвелетское плато. Самцы-фазаны встают по краям дороги. У них красные, как плоды граната, крылья.

На плоскогорье высится могучий дуб. Под ним сидят дети и поют песни. Суския знает их по именам. Ведь это те самые дети, которых она вырвала из когтей смерти.

А на дереве воркуют голуби. Они летят к Сускии, кружатся вокруг нее. Потом они летят к комнате и настойчиво стучат клювами в окно...

Видения исчезли. Суския открыла глаза. Была ночь. На оконной раме сидел голубь и бил крыльями о стекло... Она поднялась, водворила голубя в сумку, разделась и еще раз, мысленно попрощавшись с Вахтангом, пожелав ему спокойной ночи, улеглась в постель, почувствовав себя лучше.

XX

Коринтели не хотелось сейчас видеть ни ненавистную ему тетю Варю, ни Медею. Он готов был немедленно поехать в Телави, к дяде Нико, поужинать с ним, отвести душу. Но здесь находилась больная Суския. Разве мог он оставить ее одну, без помощи?!

Недалеко от своего дома он попрощался с Андро:

— Иди отдохни, а я доберусь пешком.

Он открыл уже калитку, когда услышал какой-то шум, звон разбитой посуды и неистовый женский крик. Вслед за этим он увидел, как из его дома выбежал какой-то человек, преследуемый тетей Варей. Она энергично колотила его метлой и орала:

— Вот тебе, дурной глаз! Вот тебе, пожиратель змей!

Человек, схватившись за голову, бежал навстречу. «Уж не вор ли?» — подумал Коринтели.

Беглец столкнулся с ним в калитке.

— Пусть бы у меня, несчастного, лучше сломалась нога, прежде чем я зашел в этот дом, — сказал, запинаясь, человек. Коринтели оторопел: перед ним был Ниортава.

— Что случилось? — спросил он мельника.

Но тот был до того расстроен, что только махнул рукой. Коринтели дружески положил ему на плечо руку и успокоил. Они уселись на пне. И только тогда Ниортава обрел дар речи.

Начал он издалека:

— Вы, наверное, слыхали, что моим прадедом был Шете Гулухаидзе. Он помогал русским в войне против Шамиля. Три сына сопровождали его. Одного из них убили во время взятия аула Дарго. Шете на кусочки разрубил тело сына и послал их своим родственникам. В ответ они доставили ему шестьдесят пять отрубленных десниц врагов и сам он добыл пятнадцать. Тушинцы и сейчас на праздниках Атенгеноба играют в войну Шамиля и Шете. Она всегда кончается победой Шете Гулухаидзе — моего славного прадеда.

Но у меня другая судьба. Не победитель я, а побежденный... И не моя в том вина, батоно. Послушайте.

Когда генерал Вачнадзе взял аул Дарго, там нашли плененного моего деда — одного из сыновей Шете Гулухаидзе. Его заставили жениться на служанке Вачнадзе. Вскоре они умерли от оспы. Остался сирота-мальчик — мой отец.

И так же рано, как потерял своих родителей он, потерял их и я:

мой отец погиб под Перемышлем в первую мировую войну, а мать умерла от непосильного труда.

Я рос в Телави. Сено и солома стали моей постелью. Я пас вачнадзевских коров, свиней, ослов.

У хозяина была горбатая сестра. Напрасно некоторые говорят, что физический урод должен будто бы непременно быть и духовным уродом. Это не так. Она целыми днями молилась и читала. Она знала наизусть всего «Витязя в тигровой шкуре». Мне эта женщина стала настоящей матерью. Она научила меня любить книги. И где бы я ни был: в поле, на конюшне, в овчарне, в хлеву — я не расставался с ними.

Но вот беда: все меня с детства били. Прислуга разбивала посуду — виновен был я: «дурной глаз», недопекли хлеб в тонэ — виновен я: «дурной глаз», у пьяного господина пал конь — плетки доставались мне, на овец нападала сибирская язва — колотили меня: «дурной глаз». А глупость, как известно, подобно чуме, переходит от человека к человеку. И по сей день многие верят, что у меня и в самом деле «дурной глаз».

Природа человека такова, что он всегда старается свалить свою вину на другого. Абриа, Лео и другие с «Черного хутора» до сих пор избегают встречаться со мной ранним утром. А встретятся — пройдут мимо, обернутся и сплюнут...

Семья Вачнадзе распалась, и все давно забыли, что у меня «дурной глаз». Но Абриа-злослычный снова напомнил сейчас об этом. Женщина, которая встретила меня в вашем доме, до того испугалась, что, увидев меня, выронила из рук посуду. Она и в самом деле верит тому, что у меня «дурной глаз».

— А почему она кричала «пожиратель змей»?

Ниортава промолчал. Коринтели не повторил вопроса.

Из-за края облака выглянула луна, и горы окрасились голубоватым цветом.

— Забудем то, что было, — сказал Коринтели. — Мне привезли из Телави прекрасное вино, пойдем, попробуем.

Мельник отказался.

— Пока в вашем доме эта женщина, я в нем не гость. А выпить, конечно, можно. И я позволю себе просить вас, батано профессор, пойти ко мне. У меня вас тоже ждет хорошее вино.

Коринтели чувствовал себя виноватым. Он резко осудил тетю Варю, называл ее темным призраком прошлого, уверял, что впредь не допустит, чтобы она оскорбляла его гостей.

— Эта змеиноголовая и без тебя перебила много посуды, — утешал он Ниортава.

Но тот тянул к себе.

— До мельницы напрямик недалеко. Я разожгу в очаге огонь. Вы ведь это любите, батано. Нам никто не помешает. Я все еще вспоминаю прошлую нашу ночную беседу. И я буду рад ее продолжить.

Ночную тишину нарушил рев зверя.

Ниортава насторожился:

— Чу, олень, кажется, пришел.

— Какой олень? — спросил Коринтели.

— А тот, который ходит на Оленьем озере. Вы не знаете? Их было двое — самец и самка. Одного недавно убили.

— Какой же негодяй нарушил закон? — возмутился Коринтели.

Но мельник не назвал Канкре.

— Хотите, я проведу вас к озеру и покажу оленя, — сказал он. — Это недалеко от врачебного пункта. Озера уже давно нет, осталось бо-

лото, заросшее тростником. Но там сохранились соленые источники, к которым и ходит олень.

Волнение, охватившее Ниортава, передалось его собеседнику. В нем жила страсть к природе, тяга к ее таинственному миру. Коринтели называл это «космическим чувством» и радовался тому, что не утратил его на асфальтированных улицах шумных городов и в пыли книг.

Взор Коринтели устремился к тому дому в лесах, где остановилась Суския. Как дорог ему был этот дом!

Раньше, чем они приблизились к Оленьему озеру, до них донесся легкий стук копыт. За зарослями что-то прошумело.

— Ушел,—вздыхнул Ниортава. Он оглядел болото.—Правда, что его скоро высушат?—спросил он.

— Да,—подтвердил Коринтели.—Виноградники займут все плато, до той остроконечной горы. И этот лес выкорчуют.

— Пропала охота,—угрюмо произнес мельник.—А ведь здесь водятся не только кабаны и лани. Здесь живет и тот, кого и назвать-то ночью боязно.

— Разбойник?—улыбнулся Коринтели.

— Хуже.

— Кто же?

— Вот придем на мельницу, разожжем огонь, изжарим шашлык, выпьем доброго вина, тогда и расскажу.

— Но как же мы отсюда попадем на твою мельницу?—спросил Коринтели, готовый принять план Ниортава. — Нам ведь и к рассвету до нее не добратся.

— Смотри какой дорогой идти,—ответил Ниортава.— Не пройдет и двадцати минут, как мы будем там.

Среди скал вилась узенькая тропинка. Мельник уверенно начал по ней спускаться. Коринтели осторожно следовал за ним.

«Как странно устроена жизнь,—думал он.—Где я только ни был, чего только не видел, а вот остался таким же несчастным и бездомным, как и этот мельник Соломон Гулухаидзе».

Над их головами с кряканьем пронеслись к Алазани утки. Перебежал дорогу заяц.

И вот, наконец, среди кустов кизила показалась мельница. А за ней открылись мощные высокие осины, похожие на корабельные мачты.

Псы, привязанные у двери мельницы, подняли лай. Ниортава успокоил их. Он долго возился со старым, заржавевшим замком, прежде чем открыл дверь.

В нос ударил устоявшийся запах муки и мышей.

Только теперь Коринтели почувствовал, как он устал и проголодался.

Хозяин принес ребрышки молодого барашка и кувшин вина. Он развел огонь. Коринтели готовил мясо, насаживал его на шампур и потом, удобно устроившись верхом на бревне, жарил его.

О, это тоже искусство—изжарить хорошо шашлык. Коринтели постиг его в совершенстве. Он проворно вертел шампур, не давая мясу подгореть и не давая ему остаться сырым, и рассказывал мельнику о шипящих шашлыках из ягнят и козлят, прославленных еще Гомером.

Ниортава несколько скептически отнесся к его словам: он был уверен, что шашлыки изобрели грузины.

В пылу пиршества Коринтели вспомнил обстоятельства сегодняшней встречи с мельником и снова спросил его:

— Почему все-таки она назвала тебя «пожирателем змей»?

Лицо Ниортава покрылось красными пятнами.

— Если вас это так интересуется, батано, то я расскажу, все расскажу,— смутился он.— Не знаю только, удобно ли. Такая неприятная история, что боюсь, как бы у вас не пропал аппетит.

— Об этом не тревожься. Я так проголодался, что ничто не мешает мне есть и пить.

— Ну, тогда я спокоен, — улыбнулся мельник и начал: — В прошлом году меня неожиданно вызвали в райком и сказали, что к нам из-за границы приехал видный ученый — и ни кто иной, как я, должен его сопровождать. Я про себя усмехнулся: видано ли, чтобы Ниортава приставляли к каким-то ученым?! В Бермуху часто приезжали знатные гости. Их интересовали наши древние крепости, монастыри, наша природа. Сопровождали их редактор газеты, или директор школы, или доктор. А тут—я. «Не вздумали ли надо мной подшутить?» — подумал я. А инструктор райкома спрашивает: «Ты ведь знаешь, что такое зоопарк?».

«Как же не знаю, знаю!» — отвечаю я. «Это наш гость, — говорит инструктор, — знаменитый укротитель змей. Он собирает иранских и кавказских змей для зоопарка. Ты, товарищ Соломон, как старый охотник, должен помочь ему в этом деле. Кто лучше тебя сумеет это сделать?!». Я растерялся: «Я никогда не ловил гадов». «А тебя никто и не заставляет их ловить, — объясняет мне инструктор. — Ты, как охотник, должен только знать, где они водятся». И тут же он представил мне высокого тощего лысого англичанина, с узенькими и бегающими за стеклышками очков глазами, которому я должен был помогать. Тьфу, тьфу! — сплюнул Ниортава. — К чему это мы ночью так долго говорим о проклятых гадах?! Наверное, чертова эта Варя поминает нас злым словом.

— Эх, мой Соломон, — успокоил его Коринтели. — Все это суеверие. А для науки и роза, и терновник, и лоза, и крапива, и олень, и земля — суть лишь предметы наблюдения и изучения. Яд многих змей смертелен, но из него же приготавливаются и лекарства.

Ниортава в подтверждение кивал головой.

— Вы бы только видели, — продолжал он, — какие арканы, удочки, сети и палки были у этого ловца змей. Мы облазили с ним все прилазанские болота и плавни. В руках у меня была длинная палка из орешника с толстым набалдашником, словно у посоха. Я колотил ею гадов по голове, оглушал, потом быстренько хватал и бросал в брезентовый мешок. Так мы набрали немало щетинистых, рогатых и майских змей. «Вери уэл»¹ — произносил каждый раз наш гость, но я чувствовал, что он все еще недоволен.

Меня, сознаюсь, увлекла эта охота, связанная и с опасностью, и с риском. А я падох на эти вещи. Англичанин не знал грузинского языка и слабо владел русским. Мы часто объяснялись с ним, как немые. Но в конце концов мы научились понимать друг друга.

Он радовался каждому новому пойманному нами виду змеи и предлагал мне деньги, от которых я, конечно, решительно отказывался.

Однажды он пришел и разложил передо мной карту. Англичанин ткнул пальцем в Иран и Азербайджан и знаками объяснил, что у нас

¹ Очень хорошо. (Англ.).

должны быть редкие экземпляры перекочевавших оттуда змей, которые нам необходимо поймать.

Я давно уже слышал, что в Гвелети обитает какая-то громадная змея. Пастухи передавали, что она будто-бы укусила ^{какого-то} мальчика. Отец отсосал яд. Но в тот же день оба они — отец и мальчик — все же умерли.

Я не рассказал этого англичанину, так как не хотел связываться со страшной змеей.

Гость жил в Кварели, в гостинице. Но потом он вдруг оставил гостиницу и со всем своим снаряжением и змеями заявился ко мне на мельницу. У него, оказалось, вышел скандал с директором. Англичанин принес на кухню змею и хотел ее поджарить. А директор испугался и бросился на него чуть ли не с кулаками.

Потом прибежал инструктор райкома, извинялся: мы, мол, объявили директору гостиницы выговор; просил гостя вернуться, но англичанин заупрямился. Он сказал, что мельница его больше устраивает.

Я старый охотник. На медведей ходил, на рысь, на волков. Не раз смотрел в глаза смерти, не боялся. А тут ночами не спал. Все чудилось, что гады вылезут из своих клеток и укусят меня спящего.

И что главное — меня больше всего пугала тишина, то, что они притаились, замерли в своих клетках и коробках. Ночью, когда я перекрывал желоб мельницы, малейший шорох нагонял на меня страх. Я думал, что это ползут ко мне испачканные в мельничной пыли пресмыкающиеся, и дрожа, закутывался, как ребенок, в одеяло.

Как-то вечером англичанин попросил у меня сковородку. Я ответил, что у меня ее нет. Тогда он схватил валявшийся у очага вертел, вытащил из чемодана змею с отрезанной головой и так насадил ее на вертел, как это делаем обычно мы с кусками мяса.

Зажарив ее, он принес коньяк и предложил мне отведать. Я наотрез отказался и, господь простит меня, хотел стукнуть гостя по голове.

Чтобы избавиться от него, я пустил слух, будто бы англичанин готов заплатить золотом тому, кто поможет ему поймать страшную змею. Дошел этот слух до Абриа-злоречивого, которого хоть и можно часто застать в церкви Святого Георгия Квакаца, но который и Христа продаст за деньги.

Вот явился ко мне Абриа. А англичанин в то время как раз готовил себе завтрак: он жарил на вертеле свою любимую пищу. Абриа сначала было плюнул, потом засмеялся и сказал мне: «И ты, вероятно, не брезгуешь змеями?» Я поклялся, что и не прикасаюсь к ним. Но этот человек с собачьей душой не поверил и прозвал меня «пожирателем змей».

Англичанин поил Абриа коньяком. И тот на радостях сболтнул, что несколько дней назад видел гадину длиной в три плеча и толщиной с буйволиную ногу.

Гость перестал есть и сделал знак немедленно собираться на охоту.

Охоту мы начали в окрестностях Оленьего озера. Абриа старался изо всех сил. Он говорил: «Три вещи пугают змею: огонь, свинья и овца!»

Сначала он зажег большой костер под дуплистым ясенем. Потом мы заставили ребят гнать свиней из-за плавней, а сам Абриа пригнал овец и, таким образом, мы окружили болото свиньями и овцами..

Подобно дикому кабану, носился Абриа и визгом своим пугал гадину.

Колхозные дела у него были плохи, и он рассчитывал, конечно, заработать на этой необычной охоте.

До полудня мы зря топали по болотам и потеряли уже надежду на успех. Но тут у меня оборвались тесемки каламани¹. Я нагнулся, чтобы завязать их. И как только я нагнулся, сразу же услышал тревожный шорох, а потом увидел огромную змею. Она двигалась сквозь тростники, высунув раздвоенный язык. На ее голове, величиной с колено буйвола, сверкали черные пятна, а вся она переливалась фарфоровой белизной.

Абриа метнул на нее аркан и промахнулся. Англичанин выхватил из-за пояса свой пистолет и выстрелил. Но пуля не задела змею.

Она ползла прямо на меня...

Будет хвастовством, если я скажу, что не испугался. Палка выпала у меня из рук, я крикнул во все горло: «хау!» и еле успел выхватить кинжал из ножен. Страшное чудовище разверзло свою огромную, во всю ширь головы, пасть. Что спасло меня, я и теперь не знаю: то ли блеск моего кинжала, то ли грозное «хау!», только змея внезапно извернулась всем телом и, словно отпущенная пружина, метнулась в сторону, и исчезла...

Абриа-злоречивый вернулся тогда в Бермуху и распространил слух, что я будто-бы околдовал гадину. Кое-кто в это и поверил.

Англичанин не раз просил меня после этого снова испытать судьбу. Уговаривал и Абриа. Но я не согласился. Тогда гость собрал свою добычу и уехал в Иран.

Я никогда не думал, чтобы такая змея могла жить у нас в Кахетии. А вот своими глазами ее увидел. Может быть, она, проклятая, пришла к нам из Ирана?

— Это вполне возможно, — подтвердил Коринтели. — Один греческий философ сказал: «Все течет». Вселенная находится в постоянном движении. И земля наша и ее обитатели. Перемещаются звери, птицы, насекомые, растения, пресмыкающиеся...

Несколько лет назад наши крестьяне в Дигоми убили тигра. А ведь тигры не водятся в этих местах. Он забрел, должно быть, издалека.

Известно, что испуганные землетрясением змеи целыми колониями покидают Индию и Иран и направляются в наши Ширакские степи. Кто знает, откуда приползла та змея, которую вы обнаружили в районе Оленьего озера?

Коринтели не пожалел, что пришел на мельницу. Здесь он себя чувствовал куда лучше, чем дома. Незаметно проходила ночь. Гостеприимный мельник обильно угощал его не только шашлыком и вином, но и занимательными рассказами.

— Отъезд англичанина меня и обрадовал и огорчил, — сказал Ниортава. — Охота на змей внесла оживление в мою жизнь. Теперешняя моя работа такая нудная и легкая, что любой дурак с нею справится. У кого не хватит ума открывать и закрывать заслонки желобов, наполнять и опорожнять ящики для муки! У меня не было жилья, и я случайно остался при этом деле. А я ведь потомок Шете Гулухаидзе и не о такой жизни, разумеется, мечтал. Я мечтал о жизни, полной тревог и опасностей. Хотел стать военным. Да вот доктора нашли у меня плоскостопие — и меня не взяли в солдаты. Только и радости, что охочусь. Семьи-то у меня нет, не обзавелся.

А охота испортилась. Леса вырубают, болота осушают. Кругом машины. Вот и находит тоска.

¹ К а л а м а н и — лапти из сыромятной кожи.

Вы, батано, будете смеяться, когда узнаете, что я от этой самой тоски взялся за перо: начал бумагу марать. Целыми ночами писал.

Недавно сюда приезжали охотиться писатели. Пришли они ко мне на мельницу переночевать. Расселись у очага, изжарили шашлыки и меня пригласили к ужину.

Я был подобен барсуку, прокравшемуся в огород. Затаив дыхание, слушал их разговор. Я читал их книги, но прикинулся неграмотным: так было удобнее, ведь писатели, артисты и женщины очень обидчивы и любят, чтобы их хвалили. А я хотел только слушать.

Старшего из них, с сединой на висках, который успел уже убить козулю, избрали тамадой. Он пил вино, словно бык воду, и все расхваливал своих товарищей, называл их то гениями, то высокоодаренными, то талантливыми. Пили они до рассвета. Я по-очереди выводил каждого подышать свежим воздухом, потом постелил на полу бурки, тулупы и уложил их спать.

За столом остался один только ненасытный тамада. Он все кричал: «Хочу пить!» Пристал ко мне: «Ты что притих, приятель? А ну-ка, с рогом в руках встретим рассвет на Алазани».

Он положил руку на мое плечо и сказал: «Я чуть ли не всю Грузию обошел, охотясь, а неграмотного не видел ни мельника, ни пастуха, ни погонщика буйволов. Ты тушинец, не так ли? Как же ты остался неграмотным?»

Тогда я, отступив, робко признался, что я не совсем неграмотный, а только малограмотный.

— А мои стихи читал?—в упор спросил гость.

Я отрицательно мотнул головой.

— Но, может быть, тебе попадались произведения этих охотников?—кричал он.

— Нет,—ответил я.

— Ты, брат, немного потерял,—сказал он тогда. — Вообще же я советую тебе поменьше читать, а не то обязательно одуреешь. От чтения люди глупеют. Будь это в моей власти,—продолжал он,—я распорядился бы пересмотреть библиотеки и списать в макулатуру весь навоз, который производят вот такие писатели,—брезгливо указал он на спящих.

Я почувствовал себя как-то неловко от этих его слов, и, чтобы изменить разговор, спросил, извинившись за любопытство:

— На кого охотятся эти молодцы?

Тамада скривил рот.

— Они такие же охотники, как писатели.

Уже рассвело, а тамада все еще бодрствовал. Он заставил меня выпить с ним еще рог и с грустью сказал:

— Простое и ясное начертание грузинских букв многих вводит в заблуждение, поэтому так необдуманно и берутся люди за перо. Ты, должно быть, слышал про лису, которая влезла в море и хвасталась, что это она будто бы прибавила в нем воды и благодаря ей оно-де стало больше. От них, — он посмотрел на пол, — такая же польза литературному морю, как от лисы.

Потом он пронзил меня взглядом.

— А ты сам, мельник, не пробовал писать?

Я стыдливо опустил голову и сознался, что понемножку пробую.

— Ого! Может быть, покажешь?

— Я рву написанное и бросаю в воду.

— Прекрасно! Прекрасно!—смеялся гость.—Ты научи этому и наших горе-охотников.

Вот так-то и было. После этого ночного разговора я не написал больше ни строчки. Быть писателем, решил я, куда труднее, чем быть охотником.

В последний год я много читал. И это еще больше укрепило меня в мысли, что не всякому дано быть писателем.

Ниортава задумался.

— Да, — сказал он, — а ведь я хотел поговорить с вами совсем о другом, о том, из-за чего к вам сегодня и пошел. Утром привезли вот эту газету.—Мельник вытащил из-за пазухи измятую газету.—Читал я ее, читал и подумал, что фашисты не зря распоясались, они обязательно затеют войну. А если это так, мой батона, то если меня и не примут в армию из-за моего плоскостопия, я все равно пойду добровольцем. Я им еще покажу, на что способен «пожиратель змей».

Только тот, кто ночевал когда-нибудь на мельнице на берегу Алазани, знает, как прекрасен рассвет в этой долине.

С болот и плавней медленно поднимаются клочья тумана. Стаи уток черными точками прорезают бледно-желтое небо. Солнце стремительно раскидывает золотой шатер за горами... Все это входит в твое сердце и наполняет тебя силой, бодростью.

Коринтели провел ночь без сна, но он не чувствовал усталости. Он возвращался домой, дыша свежестью этого утра. Только одна мысль терзала сейчас его душу: «Что с Сускией? Как прошла у нее эта ночь?»

XXI

В жизни часто бывает так: хорошее перемешано с плохим, приятное чередуется с неприятным.

В тот день, когда Годердзи Эланидзе избрали председателем колхоза, звеньевую Нуну Уджираули назначили бригадиром. Девушка упрашивала правление не делать этого: она ведь молода, неопытна. Но ее не послушались. Все знали, какая она хорошая работница.

Бермухский колхоз одержал победу в социалистическом соревновании с соседями. Собрали богатый урожай. Нуну выработала около трехсот трудодней и ее дважды премировали. Тогда-то она и решила заняться отцовским домом, привести его в порядок.

Дело в том, что отец Нуну—покойный Гоброн Уджираули, поддавшись уговорам своей второй жены, известной нам Кетуа, хотел продать свой дом и переселиться в город. За хозяйством никто по-настоящему не следил и оно, естественно, пришло в упадок. В доме прогнили балки, местами провалилась крыша. А хлев напоминал гуся со сломанным крылом: он еле-еле выдерживал натиск ветра.

И вот дом привели в порядок и построили новый хлев. С одной стороны это разрушало планы Кетуа и, с другой,—укрепляло положение Нуну в семье. Кетуа встревожилась. Нужно было что-то предпринимать. Неровен час, и Нуну приведет в дом мужа. Ведь ни для кого уже не секрет, что она отказала Коберидзе только потому, что неравнодушна к Годердзи. У Годердзи живет душевнобольная тетка, и он поэтому не может взять Нуну к себе в дом. Ну, а кто ей помешает привести сюда Годердзи? Малхаз? Вряд ли. Она не обращает на него никакого внимания. А ведь Малхаз единственный законный наследник Гоброна.

Кетуа поддержали старейшины рода Уджираули и, прежде всего, Абриа-злоречивый, обозленный на Годердзи, а значит, и на Нуну, за то, что материалы о нем передали в прокуратуру.

Клеветники знают, что ничто так тяжело не ранит человека, как незаслуженное обвинение в том, против чего он сам борется. Чем чудовищнее будут обвинения, тем больше уверенности, что от него останется след. Они знают и то, что если нужно очернить кого-то достойного, то следует всячески превозносить недостойного.

Пока Тедо Таралашвили был председателем колхоза, Абриа и другие старики-чернохуторяне дружно его ругали, называли бездельником, пустышкой, головотяпом. Но как только его сменили, они тотчас же повернули вспять и приписали ему множество достоинств.

Теперь они столь же единодушно сошлись на том, что Тедо был отличным хозяином, рачительным, дальновидным. Лжецы упорно распространяли слухок, что Годердзи приписал Нуну двести лишних трудодней, чтобы она могла отремонтировать дом и построить новый хлев.

Натия Таралашвили, объятая безнадежной любовью к Годердзи, сочиняла такие фантастические истории о его тайных встречах с Нуну, которые трудно было бы выдумать и многоопытному романисту.

В конце ноября Годердзи поехал в Кварели на совещание животноводов. А в Телави на совещание виноградарей вызвали секретаря колхозной парторганизации Цискаришвили и двух бригадиров—Швелу Габедаидзе и Нуну.

Тогда по Бермухе распространили слух, что, мол, председатель колхоза и Нуну отправились в Тбилиси, чтобы сделать крупные закупки: приобрести мебель, одежду.

В жизни человека огромную роль играет случай. Именно так и произошло на этот раз. В тот день, когда Нуну должна была вернуться из Телави в Бермуху, она выиграла по облигации займа десять тысяч рублей.

Девушка была, как говорится, на седьмом небе. И она действительно вернулась домой с целой машиной добра.

Кетуа в это время доила во дворе корову. У нее перехватило дыхание, когда она увидела груженую машину и сияющую Нуну...

Она вошла в дом. Девушка вручала подарки Малхазу: зимнее пальто, рубашку, штаны, ботинки, калоши и коня-палочку. Мальчик влез босыми ногами в блестящие калоши и, схватив своего незамысловатого деревянного коня, шмыгнул на улицу.

Кетуа не верила своим глазам. Нуну и в самом деле привезла кровать, шкаф, стол, стулья... Откуда взялись у нее такие деньги?! Спросить бы у самой Нуну. Но они были в ссоре и не разговаривали с тех пор, как Нуну потребовала от своей мачехи вернуть Коберидзе все его подарки, а Кетуа, обманув Нуну, оставила их себе: так, мол, захотел сам Коберидзе.

Что же оставалось Кетуа, как не утвердиться в своей лжи, в том, что Годердзи и в самом деле приписал своей возлюбленной двести трудодней?

Она поспешила к Маруа, чтобы поделиться с ней ошеломляющей новостью. Но соседки не оказалось дома. Тогда она направилась к Натии. И тут ей не повезло: у Натии находилась ее подруга Элико, они только что вернулись из кино и обсуждали картину.

Натия предложила гостю свежеежаренные каштаны, но раздосадованная Кетуа и не прикоснулась к ним.

— Что случилось? Почему у тебя глаза на мокром месте? — спросила девушка.

— Чего-то нездоровится, — слукавила Кетуа.

Она зло смотрела на Элико и мысленно проклинала ее: «Когда уберется отсюда эта чертова кукла?» А та беззаботно щебетала о том, как красива была героиня фильма, какое необыкновенное на ней платье, какие модные туфли.

И тут Кетуа не выдержала. Она могла буквально лопнуть, если бы не открыла рот и не выпустила столь мучительно теснившиеся в ней слова:

— Именно такое платье и такие туфли привезла только что одна девушка.

— Кто? — сразу же полюбопытствовала Натия.

— Потом скажу, — ответила Кетуа.

Тогда Элико поняла, что Кетуа хочет сообщить Натии что-то весьма важное, и она ей мешает. Девушка попрощалась и ушла.

В топившейся железной печурке звонко лопнул каштан.

— Горе мне! — вскрикнула Кетуа.

— Что случилось, что тебя так напугало? — спросила Натия.

— Ой, ты знаешь, — сокрушалась Кетуа, — у меня одни неприятности. Нуну привезла кучу добра. Подарки Коберидзе ничто в сравнении с этим сказочным богатством, — всхлипывала она. — А бедному Малхазу досталась только ободранная деревянная лошадка.

Натия тоже была потрясена.

— Видишь, во что обходятся ласки председателя колхоза, — визжала уже Кетуа. — Что заблагорассудится Годердзи, то он и делает. Захотел — и подарил своей любовнице наши трудодни. Разве ты работаешь меньше ее? А где оно, твое богатство? Эх, проморгала ты его. А теперь проводи время то с Элико, то с Тиной. Счастье-то было у тебя на пороге. А теперь им Нуну завладела.

Бог знает, как долго продолжала бы еще говорить Кетуа, если бы сюда не заглянула дальняя родственница Годердзи Тина. Кетуа испугалась — она может выдать ее.

— Куда ты торопишься? — спросила ее Натия, которую тоже не обрадовало появление новой гостьи.

— У меня срочное дело к Абриа, — извинилась Кетуа.

— И я постараюсь туда заглянуть попозже, — сказала Натия, закрывая за собой дверь.

У злословия, как и у славословия, нет, должно быть, меры. Побывав у Натии, Кетуа не облегчила еще своего сердца.

Во дворе Абриа ее встретил лай овчарок. Но как только их главарь услышал ласковое: «Брола», он замолк и подобострастно завилял хвостом. Успокоились и остальные.

В доме, у пылающего очага, сидели Абриа и его братья. На крюке висела только что освежеванная свинья. Хозяйка хлопотала у котла, из которого шел приятный, возбуждающий аппетит, запах. Потом она накрыла низенький столик и подала дымящиеся свиные потроха.

Кетуа изрядно проголодалась и ее не нужно было упрашивать сесть к столу. Ей не терпелось, конечно, поделиться новостью, но рот ее был занят, и то, что она услышала здесь, было, пожалуй, важнее того, с чем она пришла.

Абриа буквально рычал:

— Как посмела моя внучка Тетро бежать из дому и расписаться Лалбацей?

Оказалось, что Тетро была даже беременной.

Поцхвери смягчил гнев Абриа:

— Лалбаца не такой уж нестоящий человек. Он бросил пьянствовать и теперь у него хорошо пошли дела в колхозе. Двести пятьдесят трудодней заработал. Скоро он станет бригадиром. Тетро не нужно было убегать из дому. С этим я согласен.

Абриа разорвал свиное сердце и стал жевать его своими крепкими зубами.

— Что ты мелешь, — возразил он брату. — Женщина не должна без спросу выходить замуж. Кто без спросу выйдет замуж, тот и от мужа удерет. Вот увидите, как Тетро удерет от этого ротозея Лалбацы. А самое страшное то, что у нее будет ребенок, — она обвязывала себя тряпками, чтобы скрыть это.

Тут Кетуа склонила голову и вставила свое слово.

— Я так скажу, дедушка Абриа. Женщине не положено долго оставаться в отцовской или дедовской семье. Отец мой был умным человеком, и я не раз слышала от него: «Женщина, не выданная замуж, — проклятие для семьи».

— Придержи язык, — оборвал ее Абриа. — Если бы твой отец был действительно таким, как ты говоришь, то он бы не выдал свою дочь замуж за Гоброна. — Абриа рассмеялся. — Я знаю, что у тебя на уме, — сказал он. — Ты сама готова снова выйти замуж, а несчастного Малхаза мне подбросить.

Кетуа прикусила язык. В душе она была довольна тем, что Абриа именно так думает о будущем Малхаза. И он не противится тому, что она оставит ему своего больного сына. Он с этим, кажется, уже смирился.

Прежде чем изменить течение разговора, Кетуа с жадностью съела любимую свиную селезенку. Затем она обратилась к Абриа:

— Скажи-ка мне, разве хорошо, что наша Нуну до сих пор не вышла замуж и шляется с этим самым Годердзи по разным амбарам? Она ведь позорит нас на глазах у всей деревни.

Но разговор обернулся не так, как она рассчитывала.

— Не выданная замуж женщина все равно что не похороненный покойник, — ответил Абриа. — Почему же ты упустила Коберидзе? Если бы ты не позвала к себе в дом сумасшедшего Канкре, и он не побил бы Коберидзе, Нуну стала бы его женой. Во всем виновата ты.

Тут еще ее поддел Уги.

— Мне кажется, — съязвил он, — что Кетуа облюбовала Коберидзе для себя, а не для Нуну.

Разве можно было пережить такое?! Кетуа растерялась. Она шлепала себя по щекам, призывала в свидетели всех святых и клялась своим единственным сыном Малхазом, что и в мыслях никогда не держала того, в чем подозревает ее Уги.

Тогда ее ошарашил Лео:

— Нет, ты признайся, Кетуа, кому достались подарки Коберидзе? Нуну или тебе?

Кетуа защищалась:

— Нуну их не приняла, а Коберидзе тоже не брал; что же мне оставалось, выбросить их на улицу?

Отбив, таким образом, атаку, Кетуа начала быстро рассказывать

о том, что привело ее сюда и что служило оправданием их общей выдумке о двухстах трудоднях, якобы незаконно приписанных Нуну. Пришла Натия. Ее присутствие еще больше подогрело Кетуа.

Старики всполошились.

— Не надо было холостяка выбирать председателем, — сказал Поцхвери. — Холостяк не может жить без любовницы, а любовницу нужно содержать. Не так ли?

Абриа был настроен менее рассудительно. Он до хрипоты ругал Годердзи и Нуну.

— Словами не помочь делу, — произнесла решительно Натия. — Нужно жаловаться правительству. Тогда-то Годердзи и Нуну запоют по-другому.

Это предложение понравилось Абриа.

— Написать? — переспросил он. — Правильно, но кто же это сделает? Я овец своих — и то не могу сосчитать. Надрезы на палке делаю. Читать — читаю, а писать не могу. Ты, дочка, грамотная. Вот и написала бы.

— И напишу, ей-богу, напишу, дед Абриа. Только вы не отступайте, когда приедет комиссия из Тбилиси. Откуда Годердзи взял те двести трудодней, которые подарил Нуну? Украл их у всех нас. За это по головке не погладят.

— Правду говорит Натия! — поддержал Лео. — Пусть об этом узнает правительство.

Поцхвери колебался:

— Нуну, действительно, опозорила всех Уджираули, но она все же наша плоть и кровь.

— Хороша плоть и кровь, — гневно посмотрел на него Абриа. — Я бы тебе пиявок посадил на затылок, чтобы они отсосали такую кровь.

Слова Абриа решили всё.

— Напиши, Натия. Пусть Годердзи почувствует, как сладко месить грязь у ворот прокурора. А мы не отступимся от своих слов. Ты только напиши, Натия!

Недолго пришлось пробыть в Бермухе комиссии Государственного контроля, прибывшей из Тбилиси. Нуну сообщила им номер своей выигравшей облигации. Товарищи связались с Телави, проверили — и все стало им ясно.

XXII

Долго свирепствовала в тот год зима. Жестокие метели не раз срывались с Кавкасиони и устраивали свои буйные набеги на Алазанскую долину. Морозы сковали родники Дуруджского ущелья, и замерзшие ручейки свисали с утесов серебряными украшениями.

И весна была запоздалой и трудной. Густой туман так часто окутывал Бермуху и Гвелети, что казалось, будто бы и свет пропал, будто бы нигде ничего не существует, кроме вот этого бескрайнего тумана.

В конце марта начались дожди и грозовые ураганы.

Местные жители надолго запомнили тот день, когда гроза, вырвавшись из-за Лекской горы, с громом прошла по Дуруджскому ущелью и выгнала оттуда притаившихся в расщелинах скал сипов.

Она разметала отары овец и уносила только что родившихся ягнят, она валила с откосов столетние ольхи, срывала с домов и сараев кры-

ши и у знакомого уже нам богатыря — старого дуба — сломала еще одну тяжелую ветвь.

Буря пересекла путь журавлям, летевшим к Алазани, и заглушила их предсмертные крики. Она развеяла несколько тонн мякины.

Ночью выпал град. С гор понеслись водные потоки. Они переполнили впадину Оленьего озера, размывили в нескольких местах магистральный канал и повредили плотину электростанции.

Что было делать с этой разбушевавшейся стихией? Разве можно было ее унять?!

Никто в ту ночь не уснул ни в Бермухе, ни в Гвелети.

Не лежалось и дедушке Микеле. Он разжег огонь в комнате и долго грел свои озябшие руки.

— Если и в этом году будет плохой урожай, пропали мы, внучка, — сказал он Баблин.

Годердзи волновался не меньше старика. Но, чтобы его успокоить, он спросил, как обычно:

— Почему так рано поднялся? До утра-то еще далеко.

Внешнее спокойствие Годердзи не обмануло Микелу. Он знал, что внук его думает сейчас о том же.

Вчера Абриа-злосычный, стоя у кооператива, ехидничал: «Посмотрим, что будет теперь с нашими виноградниками».

Действительно: выдержат ли они?

Но теперь, подойдя к кровати Годердзи, Микела уже утешал его:

— Не печалься, внучек. Бог милосерден. Оттепель, я думаю, только в предгорьях. Эх, свет глаз моих! Если бы хоть разок удалось посмотреть на Кавкасиони, я бы сказал тебе, будет или не будет наводнение в этом году. Сколько бурь пронеслось над нашей страной! Народ справится и с этой бедой.

И, правда, как ни тяжелы были потери, вызванные стихийным бедствием, колхозники быстро восстановили все разрушения и за две недели закончили полевые работы. Виноградники уцелели.

Нуну и Годердзи по-прежнему избегали открытых встреч. Сегодня они назначили свидание в конце субботнего дня у известного уже нам старого дуба.

Годердзи направился было туда, но недалеко от дома правления колхоза он встретил Тедо Таралашвили, с которым не виделся больше месяца, с тех пор, как Тедо уехал в Тбилиси. Они очень обрадовались друг другу.

— Что с тобой, парень? Почему так похудел? — заботливо спросил его Тедо.

— Устал я, дядя Тедо!

— Не говори так, сынок. Печаль и усталость чужды настоящему мужчине. Дали бы мне твою силу и ловкость, я перепрыгнул бы и через гору Сперозия, ей-богу!

— Нет, дядя Тедо! Слишком большой груз взвалили на меня. Боюсь — опозорюсь. Снимут меня, да еще райком выговор объявит. За мной ведь не числится заслуг, которые были бы приняты во внимание.

— Не унывай, сынок. Хорошо, что тебя как следует нагрузили. С нас, стариков, уже песок сыпется, и то не сдаемся. А вам, молодежи, ни у кого силы не занимать. Со всем справитесь. Виноградарь, как ты знаешь, оставляет для размножения молодые побеги, а не старый сучок. Попомни мои слова: от человека требуется мужество и тогда, когда его выдвигают на новую, большую работу, и тогда, когда его с нее снимают.

На моих ошибках, сынок, ты можешь многому научиться. Я сломал ногу из-за Абриа-злоречивого. Передоверил ему многое. А ведь один мудрец предупреждал: свою собственность можешь доверять кому хочешь, если кто тебя и обманет, то только ты один понесешь убыток. Но если ты неправильно поступишь с общественной собственностью, доверишь ее не тому, кому следовало бы, ты причинишь вред и обществу и лично себе — так как опозоришь свое имя.

Я знал, конечно, это предупреждение мудреца, но не сумел воспользоваться им в жизни, применить его на практике. Если бы все умели это делать, то все, разумеется, стали бы мудрецами и не потребовалось бы ни лекций о бдительности, ни собраний о борьбе с расхитителями общественной собственности.

Меня, как ты знаешь, обманули. Хорошо, что партия поверила в мою честность, иначе разве мог бы я жить?! И я рад, что и у той лжи, которой хотели тебя запачкать, оказались короткие ноги.

Он взял Годердзи под руку, ласково посмотрел ему в лицо, и, понизив голос, сказал:

— Знаешь, мне приятно было услышать вчера вечером, что ты организовал субботник и помог бедному Лалбаце восстановить его жилище, разрушенное бурей. Он и Тетро провели несколько ночей в хлеву.

— Моя заслуга тут небольшая, — поправил его Годердзи. — Нас было человек сорок. Одни таскали кирпичи, другие готовили двери и окна, третьи — стеклили..

— Будь благословенно ваше мужество, — сказал Тедо. — Раньше у Лалбацы плечи были всегда измазаны мелом и известью, так как он пьяный терся о чужие стены. Не было покоя от его ругани. Теперь же его не узнать. А все потому, что ты нашел ключик к его душе, увидел в нем человека, поддержал его в трудную минуту, направил.

Годердзи был рад встрече с Тедо, но он все же спешил к Нуну и потому нервничал. Тедо не мог этого не заметить. Но он не мог не сказать Годердзи того, о чем думал и в чем юноша так нуждался.

— Я давно уже хотел тебя видеть, — торопливо продолжал он. — Мешала болезнь. И чего стоило бы богу сотворить человека без желудка, — улыбнулся он. — А то мой желудок стал моим врагом.. Отца у тебя нет, а дедушка не видит ни добра, ни зла. Некому тебя вовремя предостеречь, научить...

Они присели на большой пенек бука.

Годердзи насторожился.

— О чем это ты, дядя Тедо?

— Да о наших общих «приятелях», о твоих разоблачителях, промышляющих анонимными письмами.

— Чего они хотят? — вспыхнул юноша.

— А ты разве не знаешь? — удивился Тедо. — Существует не только классовая борьба, но и борьба между лодырем и трудолюбивым, умницей и тупицей, бессовестным и честным... Успех приносит человеку не только друзей, но и недругов. Ты, вероятно, слышал грузинскую поговорку: «Плох человек без врагов, но плох и тот, кто окружен врагами». И еще говорят: «Тот, кто изобрел первый пандури, приобрел себе и первого врага». Вот как...

— Все же чего они хотят от меня, дядя Тедо? — недоумевал Годердзи. — Я ведь не просил, чтобы меня выдвигали в председатели колхоза. Выбрали, я и работаю, как могу. У меня есть руки, и я всегда прокормлю себя, дедушку, тетку и сестренку Баблюю. Я знаю столярное де-

ло, могу сесть и на трактор. Я не держусь за председательское место. Могу его уступить хоть сегодня.

— Не горячись, сынок, — остановил его Тедо. — Абриа и его собутыльники только и мечтают о том, чтобы ты освободил для них место председателя колхоза. Им тогда легче будет устраивать свои делишки. Хочешь помочь им — уходи. Но обратил ли ты внимание на то, что всякий раз свою клевету они связывают с именем Нуну. Сельские сплетники болтают, что ты встречаешься с нею. Надо было бы этому положить конец. А то и тебя это чернит, и ее.

Годердзи не возражал.

— Что же делать, дядя Тедо?

— Жениться на ней, только и всего.

— Жениться, — грустно повторил Годердзи. — Где же нам жить? Я лучше стану спать на улице, чем поселюсь в одном доме с Кетуа. А ко мне ее привести тоже нельзя: больная тетка.

Тедо пристально посмотрел на Годердзи и твердо сказал:

— Ты не должен бояться жизни, сынок. Жизнь иногда походит на злую собаку: струсишь — она вцепится в тебя и свалит.

— Это верно. Но верно и то, что как только я сооружу себе самую что ни на есть маленькую землянку, так все мои недруги закричат, что я воздвиг себе царский дворец. Стоило выиграть Нуну десять тысяч, и ты знаешь, что они сочинили.

— Так по-твоему выходит, — улыбнулся Тедо, — что ни один из неженатых председателей колхозов не имеет права построить себе дом и жениться?

— Про других, дядя Тедо, не знаю, а мне — нельзя.

Разговор мог бы на этом и закончиться, но Тедо вспомнил о том, как помогли Лалбаце, и сказал:

— Я сам возьмусь за это. Организуем субботник и пристроим к дому твоего деда комнату. Согласен?

— Где же мы достанем столько материала?

— Гм, материал... Микела ведь давно, еще до того, как ослеп, собирался построить новый дом. У винного подвала, под навесом, столько материала лежит, что хватит и на две комнаты. Придется привезти только тысячу черепиц. Я — старый плотник. Могу и с рубанком поработать и присмотреть за другими.

Годердзи чувствовал себя неловко.

— Да, но не хочется ни вас, ни людей беспокоить.

Он еще хотел что-то сказать, но Тедо поднялся и протянул ему на прощанье руку.

— Не беспокойся, сынок, — сказал он ласково. — Ты заслужил свое счастье.

Годердзи не шел, а бежал. Не бежал, а летел к старому дубу. Он не видел того, что клочья серых облаков заволакивают небо и не обращал внимания на красоту молодых лоз, вставших на его пути. А они были сейчас поистине прекрасны! Их листья отливали лазурью, пропитанной золотом. На каждой веточке торчали, подобно рогам, усики. Колеблемые ветерком, они нежно обнимались друг с другом. Он не замечал пышного цветения садов — персика, черешни, туты. У старого дуба ждала его Нуну. Он летел сейчас к ней и только ее видел перед собой.

Его воображение живо рисовало уже ту комнатку, в которой скоро он с ней поселится.

Окно будет выходить в сторону, где сейчас растет миндальное дерево.

В одном из углов сложат камин, который он так любит. У камина, правда, есть недостаток. Он опасен для детей. В Телави недавно случилось несчастье: двое детей, оставшиеся без присмотра, играя, упали прямо в огонь и сильно обожглись. Но Годердзи поставит чугунную решетку.

Он думал сейчас и о том, что у него и у Нуну обязательно будет ребенок. Если сын, то они назовут его, конечно, в честь дедушки — Микелой.

Мальчишки охотно скачут верхом на конях-палочках. Они колотят их плетками и так грозно кричат, будто ведут в наступление кавалерийский эскадрон. И маленький Микела будет скакать на своем коне. Годердзи слышался уже восторженный крик сына...

Напрасно иные думают, что можно приходить в восторг только от чего-то реально существующего. Человеку свойственно мечтать, фантазировать. Он не довольствуется настоящим. Его воображение создает картины будущего, картины возможного.

Годердзи находился уже недалеко от старого дуба, когда он неожиданно взглянул на небо и увидел плотные тучи. Вслед за этим он ощутил на лице несколько крупных дождевых капель. Не могло быть сомнений — начинается дождь. Где же ему и Нуну укрыться? — думал Годердзи. В Бермухе — нельзя. Это значило бы дать новую пищу для сплетен. В «Черном хуторе» — тем более.

Яркие лучи солнца быстро растворялись в облаках цвета яичного желтка. За прибрежными ивами, как алюминиевая лента, блестела Алазань. Над вершиной пирамидальной горы протянулись, словно шелковые нити, дождевые струи.

Читатель, я надеюсь, помнит, как впервые встретились под старым дубом Годердзи и Нуну. И сейчас они также присели на тот самый корень, который бермуховцы окрестили «Верблюжьим горбом».

Юноша извинился за опоздание. Он рассказал Нуну о встрече с Тедо. Но Нуну и не думала на него обижаться.

— Трудно влюбленным, — улыбаясь, сказал Годердзи. — Только здесь мы и можем уединиться. Но влюбленным ведь и положено мучиться, бороться с трудностями. В книгах, которые я читал, любовь всегда осложнена. До счастья, кажется, уже рукой подать, но тут, словно чертик, между двумя влюбленными возникает третий, или, еще хуже, автор заражает девушку чахоткой, или с юношей случается какая-то беда.

— Я тоже об этом думала, — откликнулась Нуну. — Недавно я прочла книгу, в которой автор заставил влюбленных разойтись из-за чьих-то наговоров. У меня прямо сердце заболело... Возможно, я и ошибаюсь, но мне кажется, что наша Натия тоже строит козни и рада была бы нас разлучить.

Годердзи вспыхнул.

— Никто никогда этого не добьется.

Он крепко обнял Нуну.

— Ничто не должно нас пугать, моя дорогая, любимая. У нас ведь все навечно...

Нуну зарделась. Скрывая свое смущение, она похлопала рукой по изогнутому корню дерева:

— Он и в самом деле похож на горб верблюда.

— Помнится, в какой-то книге автор посадил влюбленных на верблюда и отправил их в пустыню... Вот и мы с тобой сидим сейчас на горбу верблюда,— шутил Годердзи, — нам предстоит долгий путь. Дядя Тедо сказал, что жизнь походит порой на злую собаку—и горе тому, кто ее испугается, вздумает бежать от нее. Он, пожалуй, прав. Как ты думаешь?

Нуну не успела ответить. С реки слышались чьи-то голоса. Девушка насторожилась.

— Уйдем отсюда, Годердзи. Нас могут увидеть.

Годердзи улыбнулся.

— Не боишься ли ты новой встречи с Канкре?

— Канкре бежит теперь от меня, — ответила Нуну. — Но вместо него может появиться кто-нибудь другой.

Только успела она это сказать, как послышался шорох сухих листьев. Прямо к ним шел Ниортава. Он держал двух мертвых ласточек.

— Я нашел их сейчас на обочине дороги, — сказал Ниортава. — Они, несчастные, не успели построить себе гнездышко и, вероятно, вчера, когда похолодало, погибли. — Он ласково посмотрел на Годердзи и Нуну. — А как вы поживаете, мои ласточки? Скоро ли построите свое гнездышко? Торопитесь!

С полей доносилась песня. Все прислушались.

— Слышите, как весел рабочий человек, — сказал Ниортава, — как душевно поет он? Я, увы, поздно понял, что на этом свете только труд приносит радость. Этой радостью и дышат песни людей труда — чабанов, каменщиков, погонщиков быков, столяров...

Недавно я был в Тбилиси. Сколько там на улицах молодых людей с унылыми от безделья лицами! Направить бы их сюда, к нам, занять бы их полезным делом, ну, пусть хотя бы осушали болота Оленьего озера или посадили бы пять тысяч саженцев. Тогда бы они, я уверен, почувствовали себя куда лучше, здоровее. И они запели бы веселые песни.

Я не люблю людей, которые привыкли жаловаться, хныкать, лить слезы. Они не понимают, что жизнь походит на коня: надо уметь вскочить на него, оседлать, а не то сам угодишь под его копыта, и тогда он растопчет тебя. Меня не раз сбрасывал с себя этот конь. Но я ловкий, свалюсь и вскочу, ей-богу. И со своей мельницей я угрожаю всем стоглавым дэвам. Плохо, когда человек, подобно свинье, уткнулся в землю и кроме нее ничего не видит. Уж лучше, как петух, задрать головушку и кричать небу: «ку-ка-ре-ку!..» Возрадуйтесь, мои ласточки, и поскорей свейте себе гнездышко. Да не забудьте пригласить меня на свадьбу.

Ниортава засмеялся и скрылся в зарослях кизила.

— Не выпил ли он? — спросила Нуну Годердзи.

— Нет, у него всегда чуть помутневшие глаза, потому он и кажется выпившим. Золотой человек Ниортава!

После встречи с мельником Годердзи подумал, что Нуну была права, когда хотела уйти отсюда. Мало ли кто может заглянуть сюда после Ниортава? Хотелось побыть с Нуну наедине.

Он поднялся и потянул за собой Нуну.

— Пошли к парому!

— А что нам там делать? Еще наши увидят.

Годердзи взобрался на поваленную осину и посмотрел в сторону парома.

— Паром идет пустым. Мы переберемся на тот берег, и я поведу тебя вон туда, где виднеются кипарисы и развалины храма, видишь, за совхозом.

Они спустились к реке.

Высокий и согнутый, словно колодезный журавль, паромщик нагло оглядел Нуну, но, узнав Годердзи, сник.

— Куда направился, Годердзи? — глухо спросил он и ухватился за весло.

— На ту сторону. Нужно взять у совхозных ребят сортовые прививки, — не растерялся Годердзи.

Паром отчалил.

— Должно быть, твоя сестренка? — кивнул паромщик в сторону Нуну, стоящей у противоположного края парома и наблюдающей за течением.

Годердзи молча подтвердил.

— Вы, как две капли воды, похожи друг на друга, ей-богу!

Паромщик снова бесстыже взглянул на Нуну, и это задело Годердзи.

— Ты почему ее так оглядываешь?

Паромщик обнажил свои желтые клыки и заулыбался.

— Пах, пах... Эта девушка запала мне в сердце еще в прошлом году. До чего хороша! Породниться бы мне с тобой.

— Нет, брат, — грубо ответил Годердзи, — моя сестра еще не собирается замуж.

Паромщик не унимался.

— Может быть, брезгаешь мной, думаешь: паромщик мне не ровня?

— Брось дурить, — примирительно произнес Годердзи.

Паромщик приободрился.

— Ты не смотри, что я вот такой. А у меня в конце села дом из пяти комнат, да приусадебный участок, да упряжка буйволов, да шестьдесят овец...

Тут только Годердзи заметил, что паромщик был под хмельком.

— Ты бы поменьше выпивал, — сказал Годердзи, — а то, знаешь, пьяницы не очень-то нравятся девушкам.

Паромщик покраснел.

— Я, правда, немного переложил. Вчера сестренку выдавал замуж. А сегодня вышел на работу только потому, что у сменщика мать умерла.

Паром пристал к берегу. Годердзи и Нуну собрались уже было сойти, но паромщик загородил им дорогу. Он принялся упрашивать Годердзи выпить и закусить с ним под навесом.

Годердзи отодвинул его локтем.

Паромщик снова уставился на Нуну и промычал:

— Лучше бы вам подождать под навесом. Скоро дождь. Вы не успеете дойти до совхоза.

— Откуда тебе знать-то? — Годердзи пренебрежительно махнул рукой.

— Откуда знать? Да я же столько лет торчу на этом пароме.

Годердзи тревожно посмотрел на небо. Солнечную колесницу заволкла серая пелена, из-под которой слабо просвечивали медно-красные лучи.

(Продолжение следует).

Алексис Парнис

Т А М А Д А

Перевод с греческого В. Корнилова

Я помню,
Хоть с тех пор забылось многое,
Родную мать, суровую и строгую,
Ее слова — не скрою, —
Нам не льстившие,
И руки, нас порою
Колотившие,
Когда мы появлялись на пороге
И приносили двойки за уроки...
А двоек было в наших дневниках
Не менее, чем дырок на штанах.

Бранилась мать,
А брат ее был рядом —
И с братом
Перекидывалась взглядом,
Но незаметно,
Так, чтоб мы не видели,
И чтоб ее глаза ее не выдали...

Потом смолкала и, сердито глядя,
Зачем-то нас подталкивала к дяде,
А добрый дядя,
Нежный и внимательный,
Нас целовал или дарил свисток
И уменьшал, и сглаживал, как мог,
Обидные тирады нашей матери.

Он говорил нам:
— Вы не так уж плохи!
А эти материнские упрёки!

Вы извините. Их легко понять:
Спины не разгибает над корытом
Мать круглый год
И голосом сердитым
Кричит на вас.
Но ведь она вам — мать!

И вот мы снова поднимали головы,
Повеселев, как вымокшие голуби,
Что осушают
Крылья после бури
И исчезают
В радостной лазури.

.....

Ты
Дядю, что так смело
Утешал нас
И неизменно
К солнцу приближал нас,
Напоминаешь мне, спустя года,
Мой тамада,
Мой добрый тамада!

Вокруг стола мы собрались опять,
Но от невзгод
Нам никуда не деться,
И жизнь опять
Ругает нас, как мать,
Бывало,
Нас ругала
В годы детства.

Сгибаемся под тяжестью вины,
А жизнь кричит нам:
«Дети бестолковые,
Стихи и песни ваши — пустяковые
И книги ваши двойками полны.
Какой же прок от вашего труда?».
Она ругает нас и не смолкает,
А между тем тебе она мигает,
Мой тамада,
Мой добрый тамада!

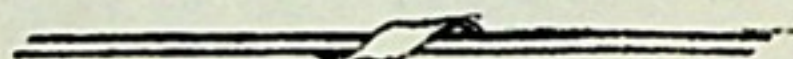
И ты нас хвалишь, нежный и внимательный,
«Суровый голос жизни — нашей матери,

Смягчаешь, сглаживаешь ты всегда,
Мой тамада,
Мой добрый тамада!

Бокал с вином
Ты выше поднимаешь
И за столом
Нам всем напоминаешь,
Что жизнь нам мать...
Ее ли упрекать?
Она имеет право нас ругать!

Ты говоришь:
«А ну-ка, выше головы!
Вы жизни этой верные сыны.
Везде звучат поэмы ваши гордые,
Их строками сердца людей полны»...
.....

Так добрый тамада нам говорит
И помогает от тоски избавиться...
А жизнь, его сестра,
За ним стоит,
На нас глядит
И тихо улыбается!

Тенгиз Гоголадзе

Родной очаг

РАССКАЗ

Перевод с грузинского Г. Борисова

О смерти деда Нугзар узнал в Москве.

Месяц тому назад невестка увезла больного Габриэла в Тбилиси, к докторам. Покидая родную деревню, старик не смог сдержать слез. Видно, чуяло его сердце, что он прощался со своим домом навсегда. Молча обошел он старую усадьбу, двор, только виноградник не осмотрел как следует.

Была поздняя осень. Глубокая, безмятежная тишина стояла над виноградником. Лозы, освобожденные от тяжести гроздьев, дремали, опершись о колья. Старик смотрел на них долгим, печальным взглядом. Таким взглядом отец прощается со своими детьми.

... Габриэл вырастил единственного сына, поставил его на ноги. Но началась война, сын ушел на фронт и не вернулся. Осталась у старика одна радость в жизни — невестка и маленький внук. Летом, когда Нугзара привозили в деревню к деду, тихая усадьба Габриэла оживала. Мальчик играл во дворе, забегал на виноградник и огород, стараясь помочь деду. Но через некоторое время Нугзар с матерью возвращались в Тбилиси. И снова тишина воцарялась в доме Габриэла.

Нередко горькая мысль приходила в голову старику: «Умру я, и кто знает, что станет с моей усадьбой, с этим домом, со всем добром?»

Нугзар уже вырос, закончил институт. Но все равно он не сможет присмотреть за домом. Вот и осенью не удалось ему приехать в деревню. Послали его в Москву как раз в то время, когда начался сбор винограда. А Габриэлу нужна была помощь, ох, как была нужна! Две арбы винограда собрал он. Правда, невестка помогала ему, но много ли может сделать женщина? Пришлось звать на помощь соседских ребят. А виноградник у Габриэла большой, выхоженный. Вода ручейка, протекавшего по винограднику, собирается в небольшом бассейне, а потом течет по канавкам, орошая лозы и фруктовые деревья, стоящие кругом...

... Так и умер старик, не попрощавшись с внуком.

* * *

В ненастные ноябрьские дни члены правления колхоза и бригады собирались по вечерам в кабинете председателя: здесь было тепло, и даже дым чадившей печки не мог нарушить уюта.

Председатель колхоза Сандро — молчаливый, неторопливый человек. Он сидит за своим столом. На голове у Сандро серая полотняная фуражка, с которой он никогда не расстается. Есть у Сандро одна странность: он говорит отрывистыми, недоконченными фразами, и тому, кто не знает председателя, порой бывает трудно понять его. Вот и теперь слышен его глухой голос:

— Эх, Габро, бедный... Его родным — телеграмму...

В работе Сандро неутомим, с утра до поздней ночи на ногах. А вот говорить, — словно ленится, проглатывает слова. Если расшифровать, что он хотел сказать, получится: «Эх, Габриэл, бедный, умер. Его родным надо послать телеграмму с выражением соболезнования».

Все, кто находился в комнате, прекрасно поняли председателя. Девушка-счетовод тут же составила текст телеграммы.

Сандро взглянул на Пепело, бригадира полеводов.

— Как, Пепело?.. Пошлем людей? — спросил он. Потом достал из стаканчика, стоявшего на столе, карандаш, повертел в руке и снова положил на место.

— Хорошо бы послать несколько человек на похороны. Почему-то Габро решили похоронить там, в городе. Как-будто мы здесь не могли бы присмотреть за могилой? Может, написать его невестке? — волнуясь, заговорила Пепело.

— Видно, так для них лучше. Тебе-то что? — прервал ее бригадир трактористов и взглянул на председателя.

— В землю... Все равно... — махнул рукой Сандро. «Все равно в землю зароят, какая разница — здесь или там», — вот что хотел сказать председатель, и снова все его поняли.

* * *

Вечерело, когда Сандро пришел на усадьбу Габриэла, медленно обошел виноградник, пересчитал лозы, прикинул в уме, сколько придется колхозу выплатить невестке Габро за все хозяйство, включая стоимость яблонь, персиковых и сливовых деревьев...

Председатель вернулся в правление, когда уже стемнело. В комнате было холодно: уборщица, уходя, забыла добавить дров в печку, и огонь погас. Сандро, не снимая пальто, подсел к печке, подложил дров, раздул огонь.

Скоро в печи пламя весело запрыгало, стало теплее. Председатель снял пальто, но фуражка по-прежнему осталась на его голове.

Скрипнула дверь, в комнату бочком протиснулся колхозный мельник Тевдорэ. Поздоровавшись, он подошел к печке, отогрел руки, потом придвинул к столу один из стоявших рядом у стены стульев и, крикнув, сел.

Председатель искал что-то в ящике своего письменного стола. Мельник достал из кармана кисет, свернул самокрутку и наклонился к печке прикурить. Сандро по-прежнему не обращал внимания на мельника, словно вовсе не видел его.

Тевдорэ никак не мог начать разговор, из-за которого он пришел к председателю. Мельник колебался не потому, что Сандро не смотрел на него: если бы одновременно говорили десять человек, он все равно не упустил бы ни одного слова и каждому дал бы ответ — короткими, обрубленными, по своему обыкновению, фразами. Тевдорэ знал это. Но так и не решился заговорить.

В коридоре раздался быстрый стук каблуков. Вошла Нелли, дочь

председателя. «Ну вот, теперь уж не поговоришь», — огорченно подумал мельник, поздоровавшись с девушкой.

Нелли окончила среднюю школу в деревне, потом поступила на фельдшерские курсы и теперь работала в больнице медсестрой. Сандро гордился дочкой — скромной, доброй, работающей. Девушка каждый вечер заходила в контору и вместе с отцом возвращалась домой.

Она обошла письменный стол и села напротив мельника.

— Ты не собираешься домой, отец?

— Сейчас... Бумаги... И Тевдорэ вот...

Тевдорэ встрепенулся. Сейчас, при председателевой дочке, он считал неудобным говорить о своем деле. «Эх, если б девушка задержалась где-нибудь... Хорошо еще, что председатель занят, не может никак найти какую-то бумагу. Лучше поговорить с ним завтра».

Снова скрипнула дверь, вошел бригадир Шио.

«Ну, сейчас набьется полная комната народу», — подумала Нелли. И точно — в кабинет ворвалась Пепело — решительная, острая на язык женщина. Теперь нечего было и думать, что отец сможет скоро уйти.

Тевдорэ бросил в печь окурок, помял в руках шапку и, чтобы скрыть смущение, начал скручивать новую самокрутку.

— Только выбросил одну, новую закуриваешь! — набросилась на него Пепело. — Надымил так, что мы тут друг друга не видим!

Тевдорэ молча спрятал кисет, снова смял в руке шапку и собрался уходить.

Председатель нашел, наконец, нужную бумагу, поднял голову и хотел что-то сказать, но, встретив взгляд Нелли, опять уткнулся в бумагу. Дочка не раз сердилась на Сандро: «Следи за своими словами, полностью говори то, что хочешь сказать». И потому в присутствии дочери он старался следить за своей речью. Только Сандро снова открыл рот, как к крыльцу подкатила машина.

«Не из райкома ли кто в такой неурочный час?» — подумал он.

— Можно войти?

В дверях кабинета появился высокий, хорошо одетый молодой человек.

— Конечно, можно. Заходи, сынок, — радушно пригласила Пепело, узнав Нугзара — внука Габриэла.

Юноша снял шляпу и вежливо поздоровался со всеми. Тевдорэ первым подскочил к вошедшему, пожал ему руку и соболезнующе сказал:

— Что с ним случилось, с несчастным?.. Извини, дорогой, я не смог поехать на похороны, но, поверь, и я оплакиваю вместе с вами бедного Габриэла!

После слов мельника на мгновение воцарилась тишина.

Нугзар присел, оглядел всех, кто был в комнате. Его глаза встретились с глазами Нелли. Щеки девушки вспыхнули. Приметив это, Шио подмигнул Пепело.

Сандро обратился к Нугзару:

— За лозы деньги завтра... — проговорил он, покосился на дочь и добавил: — выпишем.

— Какие деньги, уважаемый Сандро? — удивился Нугзар и придвинулся ближе к столу председателя.

— За виноградник... и деревья в саду... — ответил тот и взглянул на Нугзара: — Ведь ты за этим... пришел?

— Это что — решено? — обратился юноша к Пепело и Шио. —

В родное село меня не хотите пускать? Я буду жить и работать здесь и прошу хозяйство деда оставить за мной.

Шио приподнялся на стуле, Пепело вскочила, у Нелли заблестели глаза. Только председатель был невозмутим.

— А ты справишься? — спросил Шио.

— Справится, конечно, справится! — ответила за Нугзара Пепело. — Вот это по-нашенски: человек не должен отрываться от родной земли!

— Правильно, тетя Пепело, — подтвердил Нугзар. — Я инженер-механик, а механик вашему колхозу нужен.

Все радостно улыбались, и только председатель оставался безучастным.

— Скажи что-нибудь, что ты молчишь, как каменный? — не выдержала Пепело.

— Отец будет только рад! — вырвалось у Нелли.

— Тут и гадать... нечего, — закончил после долгой паузы Сандро и протянул руку Нугзару.

* * *

Поздно возвращался Нугзар из правления колхоза. Вокруг не было ни души. Ночь стояла холодная, безлунная. Ни один звук не нарушал глубокой тишины. Даже собаки куда-то попрятались. И только резкие порывы ветра порой оживляли безмолвие, срывая сухие листья с деревьев, волоча их по узкому проселку.

Показался дом Габриэла — старый, приземистый, с прилепившимся сбоку марани и кухней.

Нугзар снял с двери тяжелый замок, вошел в темную комнату, чиркнул спичкой. Колеблющееся пламя выхватило из темноты дедовский скарб: шкаф, комод, тахту. У стены стояла старая никелированная кровать, стол, вокруг него — деревянные стулья с узкими высокими спинками.

Пламя спички затрепыхалось, погасло. Знакомые с детства предметы снова растаяли в темноте.

Нугзар ощупью нашел на подоконнике маленькую керосиновую лампу, зажег ее и перенес на стол. В селе уже все давно провели электричество, только Габриэл почему-то не сделал проводку.

В дверь осторожно постучали.

— Кто там? — Нугзар крикнул громко, по-хозяйски, как умел покойный дед.

У дверей стоял мельник.

— Пожалуйте, дядя Тевдорэ, заходите!

Тевдорэ, едва зайдя в комнату, снова выразил соболезнование и зябко потер руки:

— Проклятый холодище, как рано он свалился нам на голову!

Глаза мельника виновато забегали.

— Извините, дядя Тевдорэ, сейчас нечем вас угостить. В другой раз зайдите — вином собственного изготовления напою! — с улыбкой проговорил Нугзар.

— Справишься с виноградником? — вкрадчиво спросил Тевдорэ.

— Как не справиться! С неба я свалился что ли, чтоб не знать крестьянского труда? Пока чувствую силу в руках — мне ничего не страшно! — Нугзар говорил горячо, взволнованно. — Многие мне советуют продать дом деда: «Для чего тебе мучиться, трудиться?» Но разве на-

стоящий мужчина даст остыть дедовскому и отцовскому очагу? И я никуда не уйду отсюда. Тут я родился, тут провел детство, зырос и возмужал.

Слушал Тевдорэ юношу и, словно острый нож, были для него искренние слова Нугзара. Едва только мельник узнал о смерти Габриэла, как тотчас начал строить свои планы: он был уверен, что внук Габриэла не покинет города, и дом, оставшийся без присмотра, удастся купить ему, Тевдорэ. У него был маленький приусадебный участок, и он мог, сдав его, претендовать на усадьбу Габриэла. И вот, теперь...

— Рано, рано пришла зима к нам, — повторил он, взглянув на юношу и добавил: — Не думал я, что ты возвратишься к нам. Наши парни из деревни в город рвутся, а ты... Что ж, бог тебе в помощь!

Нугзар проводил гостя до дверей.

* * *

В селе многие были склонны приписать решение Нугзара юношеской горячности и увлечению. «Одумается парень, скоро надоеет ему деревня, вернется в город», — думали они. Особенно укрепились они в этом мнении, узнав, что Нугзар рассказал председателю о каких-то своих делах, из-за которых ему придется на время уехать в город. Он обещал вернуться зимой, когда в разгаре ремонт колхозных тракторов, сеялок, и механик особенно необходим...

Перед самым домом Нугзара проходила дорога к сельской больнице. Дальше она скрывалась в зелени парка, среди которой белело большое больничное здание.

Однажды, в раннее воскресное утро, когда Нелли, как обычно, спешила на работу, она неожиданно увидела у забора покинутой габриэловской усадьбы Нугзара. Во дворе виднелись сваленные в кучу свежеструганные доски. Юноша старательно приколачивал доски к поперечным перекладинам забора. Дробный стук молотка весело раздавался в тишине.

Нугзар повернулся, чтобы взять новую доску, и заметил Нелли. Юноша приветливо улыбнулся, поздоровался.

— Ты с таким старанием обновляешь дом, точно собираешься век прожить в нем, — проговорила девушка, преодолев смущение.

— А почему бы и нет? Я готовлю его не только для себя, но и для своих детей, внуков, — Нугзар так оглядел дедовский дом, точно ждал, что оттуда сейчас же выбегут его дети.

Потом он поднял с земли доску и стал прилаживать ее к перекладинам. Внимательный взгляд Нелли мешал ему, и, чтобы скрыть смущение, он решил продолжить работу. Доска выскользнула из рук, гвоздь согнулся под ударом молотка. Нелли наклонилась через изгородь и придержала другой конец доски.

— Нелли, ты бы не хотела всегда помогать мне? — тихо спросил Нугзар.

Девушка опустила голову.

— Не теперь... как-нибудь в другой раз... — быстро ответила она и стремительно убежала.

На следующий день Нугзар уехал.

Свежие газеты принесли в правление колхоза после полудня. Когда почтальон осторожно отворил дверь кабинета Сандро, здесь, как всегда, было много народу. Все оживленно беседовали друг с другом: прибли-

жалась весна, а дел в колхозе было по горло. Никто не обратил внимания на почтальона, который на цыпочках подошел к столу, положил газеты и тотчас исчез.

Председатель развернул газету.

— Какое время газеты читать?! — раздался возмущенный голос Пепело, но Сандро не поднял головы. Пепело нетерпеливо потянула газету к себе.

— Подожди! — председатель сдвинул на затылок фуражку. — Вот... Оказывается, знатный человек... А он ничего не говорил...

Пепело выхватила у него газету.

— Дай сюда! От тебя никто ничего толком не узнает.

Она увидела фотографию какой-то неизвестной ей машины, пробежала глазами статью и вскрикнула:

— Вот это да! Наш Нугзар выдумал! Видите, какая машина! Верно, потому и пришлось ему ехать в город...

— Скажите, пожалуйста! Материнское молоко на губах не обсохло, а он уже какие вещи выдумывает! — воскликнул бригадир трактористов и затем с легким сожалением в голосе добавил: — Теперь уж, конечно, его из города не отпустят.

Председатель стал вертеть в руке карандаш. Пепело растерянно глядела на Сандро и молчала, а это с ней случалось очень редко.

— Да, пожалуй, — пробормотал Сандро и бросил карандаш на стол...

В конце февраля на полях загрохотали тракторы, колхозники начали перебирать семена. Нужен был хозяйский глаз и хозяйству Габриэла. А Нугзар все не приезжал. Председатель, направившись однажды по какому-то делу к больнице, увидел во дворе домика Нугзара свою дочь.

— Нелли!

Девушка замерла, оглянулась.

— Ты что?.. — начал было Сандро, но смолк, заметив растерянность дочери.

— Ничего. Так, зашла. — Нелли не решалась встретиться со взглядом отца.

Сандро оглядел двор, дом с большим замком на дверях и обернулся к девушке:

— Исчез парень...

Еще через неделю, возвращаясь в сумерках домой, Сандро увидел дочь уже на балконе дома Нугзара. Девушка хотела спрятаться от отца, но было поздно. Председатель решительно отворил калитку и направился к дому. Нелли стояла возле лестницы с веником в руке. Дверь в комнату была открыта.

— Вернулся? — спросил Сандро.

Нелли покачала головой.

— Что же ты делаешь в чужом доме?

— Отец... Я хотела сказать тебе... — щеки девушки вспыхнули, но она продолжала: — Видишь ли, я уже не маленькая... Я получила письмо: через два дня он будет здесь. И я подумала...

Сандро оглянулся — ему казалось, что вся деревня собралась здесь, у забора, и слышит слова его дочери. Но вокруг никого не было.

— Он очень задержался... правда?

Это было единственное, что сумел сказать Сандро.

Ранним воскресным утром Тевдорэ возвращался с мельницы домой. Из-за поворота показалась светлая легковая машина. Кто бы это мог быть?

Приглядевшись, Тевдорэ разглядел рядом с шофером Нугзара. «Ишь, как промчался! Будто опаздывает куда-то», — проворчал мельник.

Когда Тевдорэ пришел домой, сын его Темо еще спал.

Темо окончил школу два года назад, ездил в Тбилиси, безуспешно пытался поступить в институт. Целый год прожил у родственников. Потом ему надоело слоняться по тбилисским улицам и он вернулся в село. Но и тут Темо бездельничал. Подружившись с такими же, как и он, шалопаями, с утра до вечера бродил с приятелями по селу, и ничего не мог поделывать Тевдорэ со своим сыном.

Накануне Темо опять вернулся домой пьяный. Увидев, что сын еще спит, Тевдорэ рассердился:

— Ну-ка, вставай, парень!

Темо открыл один глаз и взглянул на отца:

— Что случилось? Колхозная мельница горит?

— Сердце у меня горит! — Тевдорэ ударил себя в грудь. — Вставай, надо за огородом приглядеть, за виноградником, а ты...

Темо фыркнул, повернулся на другой бок и натянул одеяло на голову.

Тевдорэ в сердцах стукнул стулом об пол и выругался. Долго не мог он успокоиться и даже выйдя в огород все еще отплевывался и что-то бормотал, пока его не позвала жена Даро:

— Иди, к тебе гости...

— Кто там еще?

— Нугзар, внук Габриэла...

За высоким забором, окружавшим огород, показался Нугзар. Он просил одолжить ему ручную тележку.

В это время на балконе появился Темо, лениво потянулся и, заметив Нугзара, поздоровался с ним.

Тевдорэ выкатил из сарая тележку. Нугзар взялся за ручки, но мельник остановил его:

— Чего тебе беспокоиться, сынок? Темо сам прикатит тележку к твоему дому.

Нугзар был одет в рабочую спецовку, но Тевдорэ казалось, что инженеру не к лицу возить тележку, да и вообще заниматься крестьянским трудом.

— Спустись, парень, помоги! — обратился он к сыну, но тот лишь ухмыльнулся в ответ и даже не подумал сдвинуться с места.

Нугзар и не собирался прибегать к помощи Темо, тем более, что он не раз слышал о его «подвигах» и видел его с другими бездельниками возле ручья. Он схватился за ручки тележки и покатил ее к калитке.

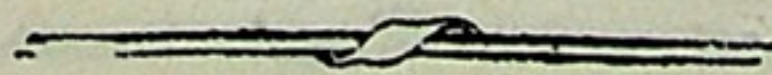
— Через час верну, дядя Тевдорэ.

— Вези, вези! — насмешливо крикнул Темо.

Мельник сердито смотрел на сына. Даро рассердилась:

— Несчастье ты мое! Бездельник, шалопай! Гляди — человек инженером стал, а по всему селу с тележкой идти не стыдится!

— Да, не стыдится, он труда не стыдится, — проговорил Тевдорэ и еще раз бросил грустный взгляд в сторону проселка, по которому с грохотом катил тележку Нугзар...

«Отар Мампория»

ЦИЦАМУРИ *

Перевод с грузинского Б. Окуджава

Орлов над синей пропастью круженье.
Здесь вечно стонет ветер, как вдова.
И дым вечерний — словно дым ружейный,
И кровью орошенная трава.
Дремучий лес изнемогает в гуле,
Лист на дорогу сыплет голубой.
Все тою же, все не остывшей пулей
Мерещится мне камушек любой.
О как не просто вынести все это,
Когда Арагвы буйная вода
Как будто снова воскрешает эхо
Берданки, прозвучавшей в те года.

Э Т О Т С Т У Л

Перевод с грузинского Б. Окуджава

Все собрались. Но дверь, хозяин,
Оставь открытой, не забудь:
Вот этот стул еще не занят,
Придет, быть может, кто-нибудь.
Все собрались. Какое счастье!
Ненастье лицу сечет...
И все ж оставьте двери настежь:
Быть может, кто-нибудь придет.
Все собрались. Все снова вместе.
Давайте песню в круг друзей.
Пусть первая любовь с той песней
Воскреснет в памяти моей.
Все собрались. Но, эй, хозяин,
Дверь настежь, слышишь? Не забудь...
Ведь этот стул еще не занят,
Придет, быть может, кто-нибудь.

* Цицамури — местность, где был убит Илья Чавчавадзе.

Елена Николаевская

ПЛАКУЧАЯ ИВА

О чем ты тоскуешь, плакучая ива,
Над белой Арагвой склонясь сиротливо?

О травах росистых над тихой Окою,
О нивах, застывших в дремотном покое,
Об отмелях желтых,
Об омутах черных,
О вершах, что рыб караулят проворных?

Плакучая ива, о чем же ты плачешь?
Прозрачные слезы в ветвях своих прячешь?

А может быть, просто мне все показалось:
Твое одиночество,
Грусть и усталость...

А может быть, просто, на самом-то деле,
Плакучая, ты оказалась счастливой,
Ты слушаешь всплески веселой форели,
И светлые песни Арагвы бурливой,
И звон водопадов,
И шепот акаций,
И горного эха глухие раскаты?..

С Картлийской землею тебе не расстаться —
Ведь всеми корнями в ту землю выросла ты!

Плакучая ива, плакучая ива,
И я над Арагвой стою молчаливо,
И брызги летят, словно звезды, мерцая,
Светящихся слез не стираю с лица я.

Как ты — я на этом стою берегу,
Как ты — я отсюда уйти не могу.

Харитон Вардошвили

М А Т Е Р И

Перевод с грузинского М. Максимова

Какой была ты крепкой, мать,
Какой веселой ты бывала!
Еще мне трудно понимать,
Что ты своею тенью стала.

Не только под глазами тень,
Все стало тенью — руки, плечи,
Так постепенно меркнет день
И удлиняет тени вечер.

Несет печаль его приход,
Когда теряют ясность взоры,
И солнце зоркое с высот
Уходит медленно за горы.

Для сына утешенья нет,
Что, мол, на свете так ведется,
Что восемьдесят с лишним лет
Задаром жизнью не дается.

Мне больно помнить, что нужда
Шагала за тобою следом,
Твои морщины — от труда,
Твои седины — счет всем бедам.

Такого камня нет вокруг,
Такой лозинки самой хилой,
Чтоб к ним своих упрямых рук
Ты хоть бы раз не приложила.

Хлеб от твоей заботы рос,
Очаг дымился на рассвете,
И даже Курша — старый пес —
Тебе обязан всем на свете.

Хвостом виляет и глядит
Своим слезливым взглядом странным,
Лизнуть хоть палец норовит,
Как будто он залижет раны.

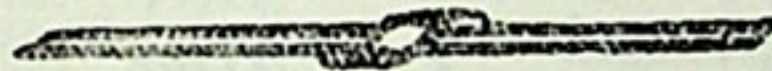
Стервятник горести не раз
Кружил и надо мной, бывало,
Он хищным клювом целил в глаз,
А сердце раны открывало.

Я победил его в борьбе,
Пускай клекочет сколько хочет,
Но в каждой горести к тебе
Я обращался темной ночью.

А ты? Глаза уже темны,
Сыновний мой удел не сладок.
Хоронят матерей сыны —
Такой уж наш земной порядок.

Но старость, как строга она!
Какой суровой платит данью,
Еще при жизни из темна
Приносит смерть ее дыханье.

Какой была ты крепкой мать,
Какой веселой ты бывала —
И как немыслимо понять,
Что ты своею тенью стала.

Альберто Моравиа

Загробный мир по-американски

Перевод с итальянского Г. Брейтburда

Перелистывая во время моего пребывания в Соединенных Штатах газеты этой страны, я ознакомился с пространным рассказом пятидесятилетнего шахтера из Питтсбурга, утверждавшего, будто он побывал на том свете. Рассказ этого шахтера приводился в статьях под выразительными заголовками: «Правда или вымысел?», «Вот к чему приводит пьянство», «Новый Данте», «Грешники, кайтесь: загробный мир существует!», «Случай самовнушения» и другими, им подобными. Наряду с весьма плоскими прописными истинами, заимствованными из Библии, и грубыми политическими намеками, этот рассказ содержал довольно интересные подробности.

Вот почему, считая небесполезным запомнить эти подробности, поскольку они могут пролить свет на психологию американцев, я из попавшихся мне под руку газет вырезал статьи, посвященные этому случаю. Мне удалось таким образом составить достаточно упорядоченный и точный рассказ об этом происшествии. Прежде чем привести его здесь, я хотел бы, однако, предупредить верующих читателей, насколько часто в Соединенных Штатах происходят скандалы и распространяются сенсационные изве-

стия. В данном случае — мы можем утверждать это с уверенностью — речь идет о галлюцинациях маньяка, либо о вымысле мошенника, который пожелал хоть на день стать газетной знаменитостью. Может быть, дело обстоит еще хуже, и это просто неостроумный вымысел какого-нибудь репортера, занятого погоней за сенсацией.

Но лучше перейдем к делу.

Итак, шахтер рассказывает, что находился в отдаленном стволе глубокой шахты. В руках у него был отбойный молоток, при помощи которого он собирался продолжить проходку ствола, но вдруг сверло наткнулось на тонкую стенку, которая тотчас же рухнула, а сам шахтер, потеряв равновесие, свалился в темную пропасть, которая разверзлась под обвалившейся породой. Согласно подсчетам шахтера, он пролетел не менее ста метров, а затем ударился головой о камень и потерял сознание. Он не мог сказать, сколько времени пробыл без памяти, но, очнувшись, обнаружил, что лежит на земляном дне обширной пещеры, добрая половина которой освещается яркими лучами, проникающими в шахту снаружи. Поднявшись на ноги и удостоверившись, что, несмотря на страшный

полет в пропасть, на нем не было ни единой царапины, шахтер направился к свету.

Вскоре, дойдя до края пещеры, он увидел перед собой пески беспредельной пустыни и тотчас же решил, что очутился в одном из южных штатов, где-либо в Аризоне или Нью-Мексико.

Посреди пустыни виднелось приземистое квадратное строение — не то ферма, не то госпиталь, — которое шахтер, однако, с первого взгляда принял за тюрьму, потому что встречал в газетах описание расположенной как раз в таком месте крупнейшей в Соединенных Штатах тюрьмы с особенно строгим режимом. Шахтер побежал по направлению к тюрьме, чтобы просить о помощи и разузнать, как отсюда выбраться. Но, по мере его приближения к этому строению, возникшая перед ним низкая стена с круглыми оконцами из мутного стекла становилась все шире и бесконечно удлинялась в оба конца. Когда он, наконец, добрался до строения, в стене внезапно открылась дверца, и перед ним очутился некто, одетый в темно-синий рабочий комбинезон из хлопчатобумажной ткани.

— Добро пожаловать! — сказал он шахтеру и затем заявил, что здесь помещается ад, который он охотно готов ему показать. Ошеломленный столь необычным предложением, шахтер не нашел, что ответить, и в полном молчании последовал за странным гидом. Вскоре они очутились внутри большого завода.

Если верить описаниям нашего путешественника по загробному миру, ад весьма походит на современное предприятие с конвейерным производством, скажем, на один из заводов Форда или фирмы Виккерс—Армстронг. Шахтер очутился в бесконечной застекленной галерее, куда вместе с пылью проникал резкий желтоватый свет пустыни. Низкие потолки с металлическим перекрытием, стены, покрытые лаком се-

рого цвета, цементный пол. И вся разница в том, что вместо бесконечно длинного ряда одинаковых на вид машин, у которых стоят рабочие, шахтер увидел здесь бесчисленное множество людей, осужденных на вечные муки и занятых искуплением собственных грехов.

Тут наш шахтер, который прежде посещал все воскресные проповеди в своей приходской церкви, вынужден был признаться, что ожидал увидеть в аду страшные, однако вполне традиционные кары с применением смолы, огня, горящих угольев, раскаленных сковород, у которых копошатся черти, вооруженные трезубцами, и тому подобную дьявольщину. Здесь же его глубоко поразило неожиданное и столь отличное от его представлений зрелище. На первый взгляд, каждый грешник, казалось, был занят определенной производственной операцией, однако в этом и заключалась кара: для выполнения своего вечного урока грешники располагали лишь дополнительными орудиями, которые применялись до начала машинной эры, а некоторые вообще не располагали ничем, кроме собственных рук — этой, если верить экономистам, первой машины, изобретенной человеком. Гид объяснил шахтеру, какие муки доставляет этим несчастным сознание того, что существуют другие, гораздо более быстрые и современные средства для выполнения порученной им работы. Постоянная ломка и порча допотопных орудий труда причиняет им дополнительные мучения.

Итак, по рассказу шахтера, здесь можно было видеть сапожников, в муках тачавших обувь, которую современная фабрика выпускает по тысяче пар в час; портных, с мелом и ножницами в руках, потевших над костюмами, которые машины выкраивают с удивительной быстротой; художников, слепнувших перед своими мольбертами, прекрасно сознавая, что фотоаппарат в одно мгновение может достигнуть

тех же результатов; музыкантов, которые ожесточенно били по клавишам роялей, испытывая танталовы муки при мысли об универсальных радиолах; ткачей, склонившихся над ручным станком, с тоской вспоминая о машинах, выполняющих в сотни раз бóльшую работу за то же время; кузнецов, которые изготовляли гвозди, то и дело стучая себя молотком по пальцам, хотя пресс печатает те же гвозди с головокружительной быстротой; типографских рабочих, гнувших спину над неотесанной печатной доской, хотя в ушах у них еще звучала бодрая мелодия ротационных машин...

Все эти люди, ни на минуту не забывая о своих вечных муках, обращали к посетителю лица, по которым текли слезы, и время от времени с разных сторон до слуха шахтера доносились горестные восклицания: «Смотри, до чего я дошел: при жизни производил тысячу гвоздей в минуту... теперь на каждый гвоздь у меня уходит полчаса!». «Где мой электрический токарный станок?». «На земле мне казалось, что моя камнедробилка работает медленно... что я могу теперь сказать об этой пудовой кирке?». «Таскать воду ведрами, когда на земле насосы!». «Как вернуть те счастливые времена, когда я фотографировал голых женщин, пейзажи, натюрморты? Теперь нужно писать картины, рисовать, рисовать». «Всю жизнь сочинял лишь газетную прозу, а теперь осужден писать стихи». «Куда ушли счастливые времена, когда я отливал чугунные статуэтки? Теперь нужно ваять, ваять, ваять. Горе мне!» «О, моя машина для производства конфет! Теперь приходится месить сахарную массу, будто я снова попал в Рим, на площадь Навона и готовлю конфеты к рождеству». «Кто вернет меня на фабрику шляп?.. Кто избавит меня от этой флорентийской соломы, которую приходится плести руками?», «О мой дорогой электрический стул! Нет, рубить головы топо-

ром — это варварство». «Только на час, только на час верните мне мой двухствольный пулемет». «Я прикован к веслам и парусу. Где мой теплоход?» «Увы, когда-то я водил самолеты, а теперь должен ездить на этой кляче».

По поводу двух последних горестных восклицаний, в которых содержится намек на движение, трудно совместимое с неподвижностью грешников, шахтер заметил, что как лошадь, так и лодка пребывали на одном и том же месте, но оба грешника тем не менее испытывали иллюзию движения. Точно то же происходило и с остальными: сапожники, кондитеры, художники, кузнецы и другие верили, что их работа продвигается, в то время, как в действительности они все время изготовляли одну и ту же пару обуви, одну и ту же конфету, писали одну и ту же картину, ковали один и тот же гвоздь.

Как в аду, так и на земле, важны ощущения. И то, что здесь ощущали грешники, было на самом деле весьма мучительно. Их страдания были настолько велики, что, проходя вслед за своим гидом между двумя длинными рядами мучеников, шахтер почувствовал, как сердце у него сжимается от сострадания. Слезы подступили у него к глазам, и вскоре он вообще перестал что-либо различать.

Время и пространство в загробном мире отменены, вот почему наш путешественник не может сказать, как долго продолжался осмотр и какова была хотя бы примерная протяженность этой бесконечной адской фабрики. После того, как они прошли не одну милю по застекленной галерее, гид заявил, что этого достаточно для общего представления об аде, и теперь самое время перейти к осмотру рая. О чистилище он и не заикнулся. На этом основании шахтер предполагает, что чистилища вообще не существует. Он любезно заметил гиду, что после посещения ада, конечно, полезно хоть

немного освежиться, поглядеть на картины небесной жизни. Тогда гид открыл дверцу и без околичностей ввел его в рай.

По словам шахтера, рай выглядит менее оригинально, нежели ад. Сам по себе рай не что иное, как бесконечная ярмарка, открытая круглый год.

Причудливые и раскрашенные в различные цвета строения этой ярмарки расположены на небольших улицах и площадях и образуют подобие города, а он, в свою очередь, помещен в четырехугольнике, стенами которого служат четыре галереи ада. Таким образом, весь загробный мир сконцентрирован в одном месте, и веселые павильоны рая удачно контрастируют с мрачными адскими ходами. Трудно прикованных к своим рабочим местам грешников противостоит непрерывное праздничное гулянье толпы избранных.

Эта веселая и любознательная толпа, напоминающая публику, которая посещает большие промышленные ярмарки в первые дни после открытия, расхаживает по аллеям рая под гул многочисленных радиоприемников и громкоговорителей. Единственным ее занятием является покупка выставленных в райских павильонах товаров. Покупают на особые райские деньги, причем тотчас же после покупки истраченные суммы снова оказываются в кармане у райских жителей. Запас денег возобновляется непрерывно, но приобретенные товары не доставляют покупателям никаких затруднений, а витрины и полки магазинов никогда не пустеют. Благодаря магическому свойству, пустое место на витринах и полках заполняется само собой, в то время как товары, приобретенные покупателями, столь же чудесным образом исчезают, как только успеют надоесть владельцам: итак, удостоенные райского блаженства могут непрерывно делать новые покупки, не обременяя себя при этом излишним количеством това-

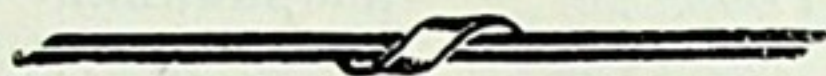
ров. Эта постоянно возобновляемая возможность покупки новых товаров и обладания ими доставляет избранным изысканное наслаждение, дарит всю полноту блаженства, непреходящий характер которого насколько их не тяготит. Напротив, они, если только можно так выразиться, готовы были бы продлить вечность. Любой из предметов, приобретаемых в павильонах рая, будь то пара чулок, крем для бритья, гребешок, застежка или зубочистка, доставляет какой-то минимум блаженства; но существуют и здесь различные степени блаженства, находящиеся в зависимости от заслуг избранника и его покупательной способности, соответствующей этим заслугам. Иными словами, чем выше добродетели избранного, тем больше количество денег, которым эти добродетели вознаграждаются. Таким образом, человек, который при жизни вел себя лишь хорошо, на свои деньги сможет приобрести меньшее количество товаров, чем тот, чье поведение было совершенным. Так же и степень блаженства, доставляемая отдельными товарами, зависит от их стоимости. Например, самопишущая ручка из галактита с металлическим пером вызовет на лице избранного легкую оптимистическую улыбку, а та же ручка с золотым пером заставит его глаза засиять небесным светом, в то время, как ручка, целиком сделанная из золота, распространит небесное сияние на все лицо ее обладателя, а ручка из золота с небольшими бриллиантами способна вызвать еще более сильный эффект: вся фигура ее обладателя с головы до ног излучает невыразимое сияние. Шахтер рассказывает, что один из райских жителей, сумевший приобрести великолепное пальто из чистой шерсти на шелковой подкладке и с меховым воротником, излучал сияние, совершенно нестерпимое для глаз.

По поводу протяженности рая и продолжительности его осмотра

шахтер также не смог сообщить ничего определенного. Он припоминает лишь, что, обратившись к gidу, выразил пожелание приобрести подтяжки за доллар пятьдесят центов, выставленные в одном из райских павильонов. (Нужно заметить, что это пожелание было продиктовано отнюдь не стремлением к блаженству, а тем, что его собственные износились и порвались). Но и мгновения не прошло после этой просьбы, как шахтер снова очутился на дне темного ствола шахты с врубовым молотком в руках. Пора-

женный всем происшедшим, он пытался на ощупь найти отверстие в породе, через которое свалился в пропасть, но ему ничего не удалось обнаружить. Тогда он яростно впился в породу своим врубовым молотком. Однако ему удалось всего лишь нарубить огромную кучу угля.

Поднявшись на-гора, он отвел душу рассказом о своем приключении. Он затем передавался из уст в уста, покуда, наконец, не попал в газеты, в которых я его вычитал и затем составил для своих читателей это вполне точное изложение.

Б. Шатберашвили

ДЫХАНИЕ АТОМА

Природа еще ни разу без боя не раскрыла человеку ни одной, даже самой небольшой, своей тайны.

Фронт наступления в борьбе за покорение сил атома, за то, чтобы его чудодейственная и безгранично могучая энергия служила благу и счастьем людей, ширится в нашей стране с каждым годом. С каждым годом растет армия, штурмующая твердыни, еще вчера казавшиеся такими неприступными. И среди тех, кто сегодня на передовых линиях этой борьбы, — ученые-физики нашей республики.

Люди, проникающие вглубь атома, овладевающие его силами, должны быть вооружены самыми могущественными средствами исследования, созданными современной наукой и техникой, — тончайшей измерительной аппаратурой, гигантскими ускорителями, реакторами.

Мощный исследовательский атомный реактор, построенный недалеко от Тбилиси, получают в свое распоряжение и ученые Грузии. Он сооружен в местах, овеянных славой истории, дышащих сегодня замечательными, полными неповторимого своеобразия, контрастами. Незыблемые, древние, как мир, далекие снежные вершины Кавказа и преображенный человеком горный пейзаж, пережившие столетия, покрытые пылью веков крепостные стены и громадные корпуса новейших предприятий — вот они, эти контрасты.

Глядя на них, реально ощущаешь полнокровное биение нашей жизни, плоды созидательного труда советских людей. Построенный среди седых гор атомный реактор — еще одно творение их неутомимых рук. И что особенно радостно — он детище семилетки.

Вы сразу обращаете внимание на

здание реактора. Окруженное кирпичной изгородью, оно массивно возвышается на фоне зеленеющих склонов. Большую его часть занимает обширный, высотой в добрых двадцать метров, светлый зал. В нем и разместилась чудесная атомная «машина».

...Заглянем в реакторный зал, чем-то напоминающий ту картину, которая встает перед нами со страниц научно-фантастических романов.

Здесь чувствуешь себя одновременно и в научной лаборатории и в цехе индустриального предприятия. В центре поднялась одетая в сталь цилиндрическая громада реактора. Вдоль стен вытянулись металлические мостики с поручнями, а под самой кровлей — чуть ниже ажурного переплетения стальных ферм, во всю длину помещения передвигается мостовой кран.

Когда заглохнет шум уже заканчивающихся монтажных работ, кругом воцарится торжественная тишина, как-то не вяжущаяся с представлением о могучем процессе — цепной реакции распада атомов урана, сопровождающейся выделением колоссальной энергии и образованием потоков движущихся с бешеной скоростью элементарных частиц вещества. Внешне этот процесс ничто, кроме показаний приборов, не будет отражать.

Можно смело сказать, что среди великих созданий человеческого гения атомный реактор является одним из самых удивительных. Правда, первый опыт получения цепной реакции и высвобождения внутриатомной энергии привел к рождению атомной бомбы. Ее создание, казалось, поставило человека в положение того бедняка из древней восточной легенды, который, выпустив

из бутылки находившегося в ней сказочного духа, уже был бессилён управлять им. Но люди создали средства, которые помогли подчинить процесс ядерного распада воле человека. Таким средством и явился атомный «котел» — реактор.

— Установка работает в результате деления атомов урана, — говорит начальник реактора В. Гомелаури. — Известно, что он обладает свойством самопроизвольного распада своих ядер, выбрасывающих две — три мельчайшие частицы, называемые нейтронами и способные при некоторых условиях, в свою очередь, вызывать деление новых атомных ядер. Каждое такое деление происходит в непостижимо короткий срок — в одну стомиллионную долю секунды. Как один камень, падая в горах, увлекает за собой другие и рождает грозную лавину, так и нейтроны в реакторе, образованные за счет самопроизвольного деления, вызывают новые деления и рожают лавину цепной реакции. Но определенные устройства позволяют нам регулировать нарастание этого процесса и сделать его управляемым.

Сердцем установки являются урановые стержни, опущенные в алюминиевый бак, объемом в 70 кубических метров, заполненный дистиллированной водой, выполняющий роль замедлителя движения нейтронов. Это замедление и есть основа управления реакцией распада атомов.

Вода, которую человек считает самым дешевым даром природы, на реакторе — «важная персона». Она несет двойную службу — образно выражаясь, сдерживает пыл и темперамент нейтронов и отводит тепло, интенсивно выделяющееся в аппарате.

Распад атомов сопровождается появлением излучений двух родов — нейтронного, представляющего поток нейтральных, не имеющих заряд частиц, и гамма-излучения — электромагнитных колебаний чрезвычайно высокой частоты.

Оба излучения губительно действуют на живые организмы и обладают громадной проникающей силой. Достаточно сказать, что гамма-лучи проходят через слой свинца толщиной в сорок — шестьдесят сантиметров.

Первой и важнейшей заботой строителей реактора явилось создание надежной и безотказно действующей защиты людей от влияния опасного излучения. Это наложило отпечаток на внешний вид установки, чем-то напоминающей боевую рубку корабля.

Алюминиевый бак с урановыми стержнями заключен в своеобразные изолирующие кожухи. Первый из них, на-

зываемый тепловым экраном, имеет толщину в двести миллиметров и состоит из четырех слоев стальных бронированных листов, пространство между которыми засыпано чугунной дробью и залито бетонным раствором. Тепловой экран — почти непреодолимый барьер для гамма-излучений. Но даже прорвавшись сквозь него, они вместе с нейтронами будут задержаны вторым барьером — барьером нейтронной или биологической защиты. Он окружает реактор неприступной, почти двухметровой стеной из стали, чугуна и бетонной массы.

Так закованный в броню реактор возвышается, подобно неприступной крепости. Но если крепостные стены всегда противостоят врагу, наступающему извне, то стены реактора сдерживают силы, штурмующие их изнутри...

Строительство атомных реакторов — одна из самых молодых отраслей техники, которая не насчитывает еще и двадцати лет. Но за такой короткий срок уже родилась многочисленная семья этих удивительных установок, отличающихся друг от друга как по типу устройства, так и по характеру использования.

Реактор Института физики Академии наук Грузинской ССР является исследовательским. Происходящая в нем цепная реакция служит не для получения тепловой энергии, преобразуемой затем в электрическую, а для того, чтобы использовать потоки нейтронов для различных экспериментов.

— Перечислить все возможности использования реактора трудно, — рассказывает заместитель директора Института физики по научной части А. Гачечиладзе. — Здесь будут работать над проблемами самого различного использования радиоактивных излучений в промышленном и сельскохозяйственном производстве, в медицине и биологии. Будут вестись исследования по вопросам их влияния на различные материалы и вещества, применения излучения для контроля за качеством продукции, регулирования технологических процессов и управления ими, осуществления тончайших измерений, диагностики и лечения заболеваний.

Но как обращаться с бешено мчащимися, неуловимыми и опасными нейтронами? Изобретательная мысль нашла и для этого надежный путь.

В толще реактора устроены каналы, имеющие специальные приспособления — шиберы — для вывода наружу нейтронных пучков различной скорости и плотности. Эти пучки начинают свой путь из самой середины установки. Проход нейтронам открыт в зависимости от положения системы дисков, снабженных отверстиями. Луч пройдет по каналу только в том случае, если эти от-

верстия в дисках совмещены. Если это нет, то путь ему надежно закрыт.

Для многих исследований экспериментатору надо иметь в своем распоряжении медленные или так называемые тепловые нейтроны. А, между тем, пройдя через слой дистиллированной воды, они еще не получают нужного замедления и потому требуют дополнительного «торможения». Этого можно достигнуть, заставив нейтральные частички проходить через графитовый замедлитель, в виде сплошной колонны, вставленной в тело реактора. Ее выходное отверстие заключено в массивный железобетонный блок, куда, для целей экспериментирования, помещаются различные материалы, вещества, облучаемые потоками нейтронов.

Одна из самых трудных задач — охлаждение реактора. Правда, в нем выделяется не так уж много тепла — около 2 миллионов калорий в час. Но дело в том, что их надо отводить с крайне малого объема, занимаемого урановыми стержнями. Для этого использована целая система непрерывной циркуляции воды. Вот почему реактор буквально оплетен скрытыми в его защитной броне трубами, по которым неустанно бегут потоки, уносящие миллиарды калорий тепла.

Однако дистиллированная вода, омывающая стержни урана, несет в себе грозную опасность радиоактивности. Ни одна ее, хотя бы даже микроскопическая, капля не должна выйти наружу. Вот почему она циркулирует по герметически замкнутому кругу.

Но один этот поток бессилён остудить реактор. Непрерывно нагреваясь от урановых стержней, вода сама нуждается в постоянном охлаждении. Лучшим и наиболее дешевым охладителем воды опять-таки оказалась... вода. Трубы с нагретой дистиллированной водой пропущены через специальный теплообменник. В нем непрерывно циркулирует прогоняемая мощными насосами обыкновенная вода, забирающая тепло.

Без непрерывного охлаждения реактор не может жить.

Когда мощная защитная стена стали и бетона закрывает многочисленные узлы установки, нет возможности судить о всей сложности и многосторонности труда его строителей, о преодоленных ими трудностях, проявленной технической сметке и изобретательности.

Установка сооружалась около двух лет. Этот срок может показаться большим, если не знать особенностей стройки. Ведь здесь почти не было стандартных, ведшихся поточным способом работ. И все, что ни делалось, должно было выполняться с особой тщательностью и

скрупулезностью. Ибо просчеты и недоделки на реакторе нетерпимы. За них можно расплатиться дорогой ценой.

Строители постоянно ощущали поддержку научных организаций, промышленных предприятий страны. Стройка получала высококачественный металл, трубы из нержавеющей стали, органическое стекло, насосы, сложные электронные аппараты, специальные материалы. Их присылали заводы Москвы, Ленинграда, Харькова, Свердловска, Таллина и многих других городов нашей Родины.

Создание реактора — сложная научно-техническая задача, решение которой по плечу высококвалифицированным научным работникам и инженерам. Строительство атомной установки в нашей республике на первых порах затруднялось отсутствием специальных кадров, нужного опыта. Здесь, как и в сотнях других случаев, ставших в нашей стране уже традиционными, выручили дружба и сотрудничество между народами. На помощь грузинским ученым пришли русские ученые.

Еще до того, как начались первые работы на строительной площадке, в Институт атомной энергии Академии наук СССР была направлена группа молодых грузинских физиков. Там молодые ученые приобрели большие теоретические знания и практические навыки. Обогащенные опытом, они вернулись в Тбилиси и составили костяк того коллектива, который руководил строительством реактора.

Сложная установка, каких всего несколько в нашей стране и каких нет еще в десятках иных государств мира, попала в умелые, любовные руки. Те, кто строил и монтировал реактор, будут управлять им. И кого бы из работающих на реакторе мы ни спросили, все они с чувством благодарности вспоминают о коллективе Института атомной энергии Академии наук СССР, который сделал все для того, чтобы представители нашей республики получили как можно больше знаний.

Ученые этого института — В. В. Гончаров, Ю. Ф. Чирнилин и другие были для грузинских физиков внимательными и заботливыми наставниками. Но с особой теплотой говорят здесь о прославленном советском академике Иване Владимировиче Курчатове, чьи повседневные внимание и забота так много значили для успешного строительства реактора в Грузии.

Молодые физики нашей республики, вчера еще учившиеся новому для них делу, сегодня сами делятся накопленным опытом, помогают посланцам братской Латвии овладевать строительством

и управлением атомной «машинны». На реакторе нам встретились студенты физического факультета Латвийского государственного университета из Риги Гунар Спуглис и Петр Томсонс.

— Мы приехали в Тбилиси на практику, — рассказали они, — и нам удалось многому научиться у наших грузинских товарищей.

Русские помогают грузинам, грузины — латышам. Вот она, животворная дружба, взаимопомощь народов нашей страны — сила еще более могущественная и чудесная, чем покоренная человеком сила атома!

Реактором по праву гордятся не только ученые-физики, но и инженеры, высококвалифицированные мастера различных специальностей. В процессе создания уникальной установки родилось и окрепло творческое сотрудничество научных работников Института физики Академии наук Грузинской ССР и производственников Рустави и Тбилиси, позволившее решить много сложных и неожиданно возникавших задач. Каждый шаг монтажных работ проходил под наблюдением и руководством сотрудников института — ведущего инженера В. Ахалкаци, начальников служб Г. Карумидзе, Г. Абзианидзе, оператора Б. Буды. Вот почему они с полным основанием говорят:

— Мы знаем установку, как родной дом. Ведь она создавалась и росла на наших глазах.

В реактор вложен большой труд проектировщиков и строителей нашей республики. Не так просто было работникам института «Грузгоспроект» решить сложные вопросы «привязки» проекта установки к конкретным условиям участка, где она сооружена. Не подвел и трест «Закметаллургстрой», выполнявший работы по сооружению реактора. Строительный участок здесь возглавил инженер Л. Авалишвили. Руставцы не запятнали своей доброй трудовой славы, о которой знает вся республика.

...Реактор имеет мощность, вдвое превосходящую ту, которая была определена первоначально. Предполагалось, что она будет равняться тысяче киловатт, а фактически составила две тысячи.

Любопытно, что, развивая мощность в 2 тысячи киловатт, атомный «котел» тратит урана по весу в 2,5 миллиона раз меньше, чем сгорает первосортного угля на электрической станции такой же мощности.

Есть реакторы во много раз крупнее тбилисского. Но обладая и солидной мощностью, он в то же время имеет перед ними ряд ценных преимуществ — компактен, удобен в эксплуатации, обеспечивает возможность ведения разно-

образных научных исследований. Достаточно сказать, что на нем можно одновременно ставить десять самостоятельных экспериментов.

И если, несмотря на многие трудности, замечательная установка сооружена, то в этом немалая заслуга директора Института физики Академии наук Грузинской ССР Э. Л. Андроникашвили и начальника реактора В. Гомелаури, которые явились настоящими энтузиастами этой важной для научного прогресса нашей республики стройки.

Умельцами, сметливыми рационализаторами показали себя на стройке передовые производственники — электрики и сварщики, слесари и механики В. Назаров, В. Юрин, Н. Гулишев, А. Коломеец, В. Акопов и другие. Это их искусными руками смонтированы километры металлических труб, сварены тысячи метров стальных швов, выполнены десятки видов тонких и сложных работ.

Нельзя забыть проникнутых чувством веры в неодолимую силу творческого труда слов монтажника Василия Назарова:

— Рука рабочего и ум ученого, — сказал он, показывая на громаду реактора, — могут сделать и не такое чудо.

Кто может сомневаться в справедливости этого?

Когда глядишь на атомную установку, кажется, что ее сложным организмом и разнообразным оборудованием обязательно должен управлять обширный штат. Но так только кажется. На самом деле реактор будут обслуживать всего лишь около десятка людей.

Глаза и руки человека на реакторе заменили многочисленные автоматические устройства, действующие с невероятной быстротой и точностью. Все нити автоматических приборов и линий, как в фокусе, сходятся на пульте управления. Здесь на полированных панелях разместились целая батарея сложных электронных приборов, самописцев, фиксирующих и отражающих состояние организма, ход работы установки.

Знакомясь с ней, вы услышите непривычно, почти таинственно звучащее слово «СУЗИА». И только попав на пульт, узнаете его расшифровку — «служба управления защиты и автоматики». Это настоящая служба «жизни» реактора. Она прямо или косвенно связана со всей действующей на нем техникой, с используемыми здесь тонкими и чувствительными приборами.

— Находящийся у пульта оператор, — рассказывает начальник службы Автандил Манджавидзе, — следя за показаниями электронных измерителей, графиками самописцев, или за световой сигнализацией, имеет возможность про-

стым нажатием кнопки изменить нагрузку, регулировать скорость реакции, открыть выход нейтронным лучам через шиберы для производства экспериментов.

Продолжая объяснения, он показывает на отдельные приборы. Вот усилитель регулятора скорости, для краткости обозначаемый тремя буквами — УРС. Его назначение обеспечивать ведение разгона цепной реакции со строго заданной скоростью. А вот электронный прибор — УРМ — усилитель регулятора мощности. Он с предельной точностью управляет ее нарастанием. Рядом разместились специальные расходомеры, показывающие расход циркулирующих по трубам жидкостей и газов и лагометр-прибор, непрерывно регистрирующий температуру в установке.

Для запуска и остановки реактора, регулирования скорости цепной реакции используются так называемые управляющие стержни. Изготовленные из материалов, жадно поглощающих нейтроны, они могут, в зависимости от своего положения, гасить или усиливать процесс деления ядер урана. Когда стержни находятся в специально прорезанных каналах, цепная реакция протекать не может. Она начинается только тогда, когда стержни извлечены из них.

Но увидеть весь этот процесс, скрытый за двухметровым слоем стали и бетона, может только глаз прибора, помещенного на одной из панелей и показывающего, в каком положении находятся управляющие стержни. Если понадобится, автоматическое устройство мгновенно опустит их — и не пройдет и одной секунды, как дыхание атомного богатыря будет остановлено.

На реакторе остроумно использована целая система световой и звуковой сигнализации. Особенно интересен находящийся в пультовой «щелкун». Своеобразным щелканьем, отличающимся частотой и высотой тона, он непрерывно дает звуковую характеристику темпа протекающей цепной реакции.

Кто побывает на атомной установке, обязательно обратит внимание на одно, кажущееся странным, обстоятельство: непроницаемые, толстостенные блоки, где ведется облучение нейтронами, и лаборатории, в которых находятся ученые-экспериментаторы, отдалены друг от друга доброй полсотней метров. И у вас возникает вопрос, как же осуществляются при этом наблюдения, каким образом фиксируется все, происходящее за глухой железобетонной твердью?

Все это делается дистанционно, так, чтобы обезопасить людей от радиации. Лаборатории соединены с камерами облучения специальными кабелями, по

которым непрерывно поступают рождающиеся во время эксперимента электрические импульсы. Воспринимаемые и преобразуемые электронными приборами в различные сигналы, они и делают зримыми для исследователя процессы, происходящие под воздействием нейтронов.

Любой элемент, помещенный в атомный реактор и подвергающийся облучению в нем, станет радиоактивным. Так создаются искусственные радиоактивные изотопы. Применение их непрерывно расширяется, открывая перед наукой, техникой, производством такие замечательные перспективы, о которых вчера нельзя было и мечтать. Различные искусственные радиоактивные изотопы будут производиться и на Тбилисском реакторе.

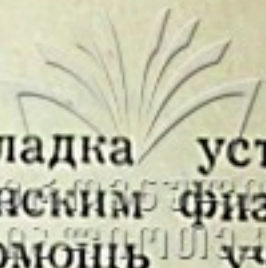
Когда приходится иметь дело с радиоактивными материалами, испускающими опасные для организма лучи, необходимо подумать о специальном устройстве для надежной защиты человека. Такое устройство носит выразительное название — «горячая камера». Она смонтирована и на Тбилисском реакторе. В «горячей камере» работают хитроумно сконструированные железные «руки» манипуляторов, управляемых на расстоянии посредством системы рычагов, блоков и тросов.

Нельзя не удивляться поразительной подвижности и точности движений «рук» манипуляторов. Послушные человеку, они могут совершать целый ряд сложных процедур — резать, пилить и даже расфасовывать по ампулам материалы весом в несколько граммов. Наблюдая работу этих необычайных конструкций, можно подумать, что перед вами действуют наделенные разумом механические существа. «Горячая камера» тбилисского реактора снабжена перископическим устройством, позволяющим видеть все, что в ней происходит.

Побывав на реакторе, словно приоткрываешь завесу в завтрашний день техники. Он встает перед нами, полный необычайных «чудес», безгранично расширяющих могущество человека, его власть над природой и вещами. Об одном из них нам рассказали во время осмотра «горячей» камеры.

— Сегодня ее манипулятором управляют руки квалифицированного оператора, — говорил научный сотрудник, — но скоро будет создан манипулятор, управляемый электронной математической машиной.

Возможности использования радиоактивности вряд ли удастся охватить мысленным взором даже фантасту. И в какую бы область мы ни заглянули, мы увидим, что будущий научно-техни-

ческий прогресс в том или ином виде связан с энергией атома.

Используя радиоактивное воздействие, ученые находят реальные пути к превращению элементов. И недалеко то время, когда инженеры, глубоко овладев этим воздействием, научатся «конструировать» нужные им материалы с заранее заданным составом и свойствами.

Рассказывая о реакторе, нельзя не упомянуть о дозиметрической защите — этой электронной разведке атомной опасности. Ее ведут дозиметрические приборы необычайной чувствительности. Они могут, например, обнаруживать присутствие радиоактивной пыли в количестве, не превышающем миллиардной части грамма. «Заметив» эти непостижимо малые частицы, дозиметры точно подсчитают и покажут на шкале, какова степень зараженности воздуха. Имея таких «сверхвнимательных» и точных помощников, человеку нетрудно вовремя принять нужные меры защиты.

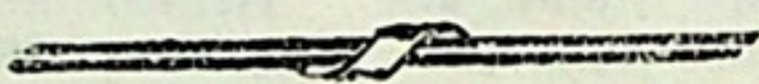
Монтаж реактора завершается. Скоро начнется ответственная и тонкая

работа — предпусковая наладка установки. И в этом грузинским физикам окажут большую помощь ученые Института атомной энергии Академии наук СССР. Наладку надо провести как можно лучше. Ведь с ее окончанием атомная «машина» получит путевку в жизнь.

...Пройдет еще немного времени, и атомный реактор — могучее средство научного исследования — заработает на полную мощность, помогая ученым Грузии вносить свой вклад в великое дело борьбы за мирное использование атомной энергии, за то, чтобы она служила счастьем людей и созиданию.

Ознакомившись с замечательной установкой, ее назначением, еще и еще раз хочется повторить мудрые ленинские слова: «Ум человеческий открыл много диковинного в природе и откроет еще больше, увеличивая тем свою власть над ней...».

И мы знаем, что так оно и будет, ибо нет предела вдохновляемому партией стремлению советских людей вперед, их смелым творческим дерзанием.

ТБИЛИСИ, МЦХЕТА, РУСТАВИ...

Перевод с немецкого Е. Ельшова

Еженедельник «Sonntag», выходящий в Германской Демократической Республике, 1 февраля этого года опубликовал путевые впечатления видного ученого и общественного деятеля ГДР Гейнца Камнитцера о его пребывании в Грузии. Мы печатаем эти заметки с некоторыми сокращениями.

Авиалиния от Москвы до Тбилиси равна расстоянию между Берлином и Афинами. Полет на ТУ-104 длится не более 150 минут. Однако на высоте девять тысяч метров не чувствуешь, что летишь со скоростью 900 километров в час. Из окна самолета земля похожа на картонную модель. В сказочном темпе мчишься над ландшафтом. Мне во всяком случае часто казалось, что земной шар, этот гигантский глобус, слегка вращался.

В самолете летит простой народ. Нет ни одного лица, которое уставилось бы на тебя и говорило: «Вглядись в меня получше, я кое-чего достиг, я — директор, представитель администрации, имею ценные бумаги, я один из тех, кто правит». Здесь летят люди тех категорий, представителей которых вы едва ли увидите когда-нибудь в самолете в Западной Европе. А если они там и появляются, то всегда бывают растеряны и смущены, и их оглядывают, как прокаженных...

Аэропорт Тбилиси расположен далеко от города. Поэтому кажется, что ТУ садится на сжатое поле. Но в этом виновата разыгравшаяся фантазия. Эта мысль некоторым образом подходила к моим представлениям. Грузия казалась мне чем-то вроде Ближнего Востока. Тбилиси расположен на южной оконечности СССР, где проходит граница с Ираном. Я твердо решил, что все европейские масштабы остались позади меня. Подготовив себя таким образом, я вступил на святую

землю грузин. Однако я не встретил здесь бедно одетых людей, детей, больных трахомой — ужасной глазной болезнью, дворцов эффенди и глиняных лачуг феллахов.

Мы подъезжали к Тбилиси. Вот уже дорога бежит вдоль Куры. На противоположном берегу реки возвышаются горизонтальные скалы. На высоте, словно горное селение с деревянными домами, балконами и каменными коридорами, возвышающимися над плато, лежит старый город. От одного взгляда туда у меня кружится голова. Потом мы встречаем трамвай, троллейбусы и автомашины. Дорога впадает в широкий бульвар. Где я? Я ищу Восток, а нахожу большой современный город.

* * *

На следующее утро я брожу по улицам. Нет, город не имеет ничего общего с Арабским Востоком. Огромные здания на главных улицах скорее напоминают венский Ринг или лондонский Регент-стрит. Только здесь ничто не «перегружено», орнаменты отличаются скромностью. Они являются органической частью архитектуры. Здесь не видно также жилых «ящичков». Наоборот, постройки сочетают современную целесообразность и традиционные формы. Никакой роскоши или чванливого хвастовства. Вообще мне бросилось в глаза, что здесь, так же, как и в Ленинграде,

соблюдается прекрасное равновесие формы и содержания. В новой части города они настолько гармоничны, что наши специалисты были бы поражены.

Во время поездки по этому кварталу мое внимание обратили на университет. Мы вышли из машины и встретили проректора по учебной части. Я извинился за такое неожиданное вторжение. Мой грузинский переводчик начал переводить. Однако необходимость в этом сразу отпала. Здесь понимают по-немецки. Еще со средневековья здесь ценят и изучают европейскую литературу. Немецкие классики были известны и переведены в XIX веке. Лессинга, Гете, Шиллера считают почти своими. А Генриха Гейне почитают горячо, всем сердцем.

Я поинтересовался, читаются ли здесь лекции о немецкой литературе. Господин проректор посмотрел на меня так, словно я прилетел с луны. В профессорской меня представили четверем женщинам, которые ведут германистику, а шесть других доцентов начали так бегло беседовать со мной на моем родном языке, что я забыл, где нахожусь.

— Не угодно ли вам пройти со мной? — спросила меня преподаватель Курдиани. Мне было угодно — и я последовал за ней в небольшую аудиторию. Там сидели восемь девушек; вернее, они встали, когда мы вошли. По-моему, им 18—20 лет, и они выглядят так же, как студентки какого-нибудь западноевропейского университета. И то, что разыгралось перед моими глазами, — это сказка из «Тысячи и одной ночи». Я попал на семинар, темой которого были «Будденброки» Томаса Манна.

Эти девушки знали все подробности книги, понимали дух времени, чувствовали недосказанное. Они говорили и дискутировали на немецком языке, на хорошем немецком языке, не испорченном фальшивой фразой и позой, имея достаточный словарный запас и неплохой дар обрисовки образов. Так что у меня только сердце сжималось от умиления.

После этого на несколько минут, чтобы особенно не надоедать, я заглянул в библиотеку. О том, что здесь можно найти из немецкой лите-

ратуры, говорит картотека. На букву «Б» мне предложили книги Бехера, Бёлля, Брехта и Бределя. Генрих Бёлль представлен произведениями: «И не сказал ни единого слова» и «Хлеб ранних лет». Среди диссертаций последнего времени я заметил работы о принципах драматургии в эстетике Лессинга, о Гете и революции, о социально-утопических тенденциях Гете, особенно в его произведении «Годы учения Вильгельма Мейстера».

На прощание проректор вручил мне две книги, по пятьсот страниц каждая, на грузинском языке: «Теория искусства Генриха Гейне», (1956 г.) и «Очерки по истории немецкой литературы» (1953 г.) Автор — Гр. Хавтаси. Поблагодарив, я понял, что мне хочется остаться одному и поразмыслить. Но как же должна выглядеть благодарность, если она больше слов и чувств?

* * *

На следующий день мы едем в старую столицу — Мцхета. Военно-Грузинская дорога, видимо, сделала водителей отважными и отчаянными. Я попросил ехать поспокойнее: хочется сделать несколько снимков. А при таком темпе даже «неистовый репортер»¹ не мог бы ничего запомнить о ландшафте и людях, мелькающих на пути. Итак, мы поехали немного потише.

Вдоль шоссе тянутся лесные массивы, попадаются скульптуры. Не Иисус на кресте и Мария с чадом, а современный юноша приветственно машет рукой, и девушка читает книгу мальчику. На вершине одной горы — развалины. Это монастырь V—VI века, увековеченный в поэме М. Ю. Лермонтова. Перед нами первая электростанция республики. На плотине скульптурная фигура Ленина, устремленного навстречу порывистому ветру.

На обратном пути мы отклонились от маршрута и заехали на Тбилисское море — искусственный водоем, созданный лишь несколько лет тому назад. С тех пор окрестности получают достаточно воды, а вокруг про-

¹ Имеется в виду чешский писатель и журналист Эгон Эрвин Киш.

стираются поля и пашни, которых недавно не было и в помине.

* * *

В воскресенье я поехал в Рустави, который расположен в часе езды от Тбилиси. Еще пятнадцать лет тому назад здесь ничего не было, кроме кукурузного поля. Находившееся там когда-то небольшое местечко 400 лет тому назад было опустошено набегами врагов и постепенно исчезло с лица земли. Сегодня здесь, в больших современных жилых зданиях или индивидуальных домах, живет свыше 60 тысяч человек.

Почти все местные жители заняты на одном предприятии, которому столько же лет, сколько и самому Рустави. Здесь я увидел металлургический комбинат и впервые понял, что значит полная механизация и автоматизация. В огромном зале, где производятся трубы, совершенно не видно рабочих. Такое впечатление, будто это завод, управляемый на расстоянии.

...Не попадись мне маленький господин из Эквадора, я, вероятно, никогда не встретил бы этого сталевара из Рустави. Мы шли по улицам города и осматривали людей с такой бесцеремонностью, за которую я, хотя бы задним числом, прошу прощения. Неожиданно мой новый знакомый из Эквадора захотел осмотреть жилые дома не только снаружи, но и изнутри. Один из домов на улице показался ему вполне типичным и подходящим для этого.

Мы позвонили на первом этаже. Нас попросили войти, предложили сесть.

Господин из Эквадора не церемонился: кем, собственно, является хозяин квартиры, где он работает, сколько получает, есть ли у него дети, велика ли квартплата?

— Я сталевар, — ответил мужчина, — зарабатываю 2.300 рублей, имею трех детей, за трехкомнатную квартиру с отоплением плачу 69 рублей в месяц.

Господин из Эквадора хотел знать, работает ли его жена.

— Нет, — ответил сталевар.

— И нет закона, который принуждал бы ее работать?

Сталевар усмехнулся и сказал, что есть право, но не принуждение на труд.

— Вы верите в бога? — спросил господин из Эквадора.

Человек задумался над ответом. Усмехнулся — однако это было не смущение и не пренебрежение. Затем он посмотрел на свои руки, точно хотел сказать: «Как же так? То, что я создаю, создаю именно я, а не какое-то воображаемое существо. И что я не создаю, я действительно не создаю». Только после этого он сказал, что является коммунистом и придерживается соответствующих взглядов. К чему же он стремится в жизни, спросил господин из Эквадора. Сталевар поинтересовался, что тот имеет в виду. Потом ответил. Он не упомянул о своем холодильнике, своем телевизоре и своем «москвиче».

— Мир, — сказал сталевар. — Мир для моих детей, мир для всех детей, мир для всех людей.

Он говорил тихо и, кажется, немного взволнованно.

Я извинился, что мы, как американские журналисты, допрашивали его. Однако он понимал наше любопытство и считал, что оно дружелюбно.

— Что думает сталевар о Германии?

— О какой Германии? — спросил в свою очередь, сталевар. — О ГДР или Западной Германии?

Он пожелал нам воссоединения, которое, однако, должно гарантировать создание мирной Германии. Иначе не может быть, иначе не должно быть.

Господин из Эквадора справился также о том, какого сталевар мнения о Соединенных Штатах. После короткой паузы он получил ответ:

— Простой народ всюду, в том числе и в США, наверняка хочет мира. За политику войны ответственна только небольшая кучка людей.

— Все ли люди думают здесь так? — спросил я.

— Все! — сказал сталевар из Рустави.

Мы поблагодарили и извинились. Хозяин квартиры добавил, что он хотел бы передать немецкому народу самый сердечный привет.

НАШ ОБЩИЙ ДРУГ

Вскоре после прогремевшего на весь мир Лейпцигского процесса Георгий Дмитриев и Серго Орджоникидзе направились на отдых в Кисловодск. По пути они остановились осмотреть Пятигорск.

На стыке двух центральных улиц они обратили внимание на небольшую синюю табличку: «Улица Ноя Буачидзе».

Орджоникидзе радостно воскликнул: «Ной был моим школьным товарищем, моим любимым другом!».

Дмитриев, не медля, поправил: «Серго, дорогой, Ной был нашим общим другом».

Где же таились истоки этой дружбы?

Несколько лет я искал ответа во многих государственных и партийных архивах. На помощь пришли работники Института истории Болгарской коммунистической партии. Они в конце концов разыскали немногих оставшихся в живых участников и свидетелей тех уже далеких событий, записали их воспоминания, любезно сфотографировали дом, где жил Буачидзе в Софии, и все другие памятные места...

Летом 1914 года, спасаясь от преследования султанских властей, Ной Буачидзе бежал из Самсуна в Болгарию.

У себя на родине 23-летний школьный учитель Буачидзе заочно был приговорен специальным присутствием Кавказского военного суда к смертной казни. Обвинений было несколько: «создание мятежной Квирильско-Белогорской республики...», «разоружение Тенгинского пехотного полка и казачьих сотен, посланных на выручку пехоте», «захват Сурамского тоннеля»...

Вторично Буачидзе судили в Москве, но уже под другой фамилией. На этот раз его приговорили к вечной ссылке на самую отдаленную окраину Якутии. Неутомимый, отважный революционер вскоре бежал и вновь возглавил революционное подполье в родной Имеретии. Когда вокруг Ноя стало смыкаться кольцо сыщиков, специально выписанных из Тифлиса, он эмигрировал в Турцию. После очередного бурного столкновения Ноя с социал-федералистами, усиленно занявшимися переброской в Грузию диверсионных групп для организации летом 1914 года восстания в Аджарии и Абхазии, турецкие власти отдали при-

каз об его аресте. Недвусмысленные указания о дальнейшей судьбе Буачидзе получил и некий Церетели — главарь банды, занимавшейся похищениями и убийствами неугодных, слишком беспокойных эмигрантов-грузин. И вот Ной Буачидзе в одежде странствующего монаха отправляется в соседнюю Болгарию.

Обстановка в Болгарии, Румынии, Сербии была на редкость сложной, путаной.

Ленину для связи с болгарскими социалистами, уже в ту пору оказывавшими большое влияние на все социал-демократические партии Балкан, нужен был умный и верный человек. Этим человеком и явился Ной. У Ленина возникало множество различных вопросов, отвечать на них Ноем порой было довольно трудно. Как утверждают болгарские товарищи, Буачидзе не раз приходилось тайком отправляться в Сербию и Румынию, особенно в период подготовки общебалканского Социалистического митинга (София, февраль 1915 года).

По просьбе Ленина Ной привлек к сотрудничеству в большевистской газете «Социал-демократ» (она выходила в Женеве под редакцией Владимира Ильича) Благоева, Кабакчиева и других видных балканских социалистов.

Первым знакомым Буачидзе в Софии был Тодор Данаилов, незадолго до того избранный секретарем городского комитета партии тесняков.¹

Тодор привел Ноя на тихую, утопающую в зелени улицу Веслец, к небольшому двухэтажному домику под черепичной кровлей. Здесь жил рабочий военного арсенала Ефтим Бончев. Бончев официально не состоял членом партии тесняков, но был верным, всей душой преданным ей человеком.

За три месяца до приезда Ноя в Бол-

¹ В 1903 году революционное марксистское крыло Болгарской социал-демократической партии, возглавляемое Дмитрием Благоевым, Георгием Дмитриевым, Георгием Кирковым и Василием Коларовым, основало партию тесняков («тесные социалисты»). В мае 1919 года партия тесняков преобразовалась в Болгарскую коммунистическую партию. (Прим. автора.).

гарию, когда на заседании Софийского комитета партии тесняков было решено подыскать квартиру для товарищей из-за границы, самым подходящим и надежным убежищем оказался дом Бончева.

Теперь, придя к Бончеву вместе с несколькими смущенным Ноем (денег у него не было ни гроша, и он стеснялся пользоваться гостеприимством чужих людей, с которыми даже не мог толком объясниться), Данаилов спросил: «Наш уговор в силе?» Бончев улыбнулся: «Я на тебя, брат, обидеться хотел, подумал, не понравилось у меня или не доверяют? Идемте наверх, все давно готово».

Едва переступив порог этой светлой комнаты, Ной понял, что хозяйева действительно рады незнакомому гостю и от души постарались, чтобы ему было хорошо. Хозяйка ничего не пожалела. Широкая деревянная кровать с резным национальным орнаментом была застлана красивым одеялом, обшитым тонкими кружевами. На стене и на полу — коврики домашней работы, и на одном из них — доброе материнское наставление, вышитое гарусом: «Онаго, коего ты мразишь, другому да не правишь»¹. В углу небольшой стол. Над кроватью и столом картины.

Условились, что другой член партийного комитета — Василь Мулетаров, имевший солидные связи в высших кругах, займется «легализацией» Буачидзе, подыщет для него подходящую работу. Покуда же Ной мог выходить только по вечерам в сопровождении «связной» — работницы партийной типографии Цонки Христовой-Ганевой (позже спутниками Ноя по вечерним прогулкам стали столяр Баниглавов и металлист Слави Зидаров). На Цонку же возложили и заботу о питании Ноя. Завтрак и обед она обычно приносила от живших поблизости Мулетарова и доктора Исакова или из «коммуны» — столовой, помещавшейся во флигеле позади Народного дома. Содержали столовую вскладчину постоянно стесненные в средствах партийные и профсоюзные работники.

Как-то вечером Тодор Данаилов повез Ноя к Д. Н. Благоеву. Дмитрий Николаевич долго не отпускал Ноя, беседовал с ним на различные темы, особенно интересовался тем, какую позицию он занимает в отношении войны, как представляет себе разрешение национального вопроса, с какими работами Ленина успел познакомиться.

Прощаясь, Благоев сказал, что в Болгарии деятельность Ноя будут на-

¹ «Чего не хочешь себе, не делай другому». (Болг.) (Прим. автора).

правлять секретарь Центрального Комитета Майстор и один из руководителей революционных профсоюзов Георги. Подружившись с этими людьми, Буачидзе узнал, что Майстор — псевдоним Георгия Киркова, а Георги — Георгий Димитров.

У Ноя и Георги сразу нашлось много общего. Оказалось, что они родились в одном году — 1882, и даже в один и тот же день — восемнадцатого июня! Было и другое приятное совпадение — оба двадцатилетними юношами вступили на путь революционного движения.

В ближайшее воскресенье Георги пригласил Ноя присоединиться ко многим тысячам жителей Софии, которые, захватив с собой еду на весь день, целыми семьями поднимаются на гору Витоша. Кто посильнее и понастойчивее, добирается до самых снежных вершин, чтобы в разгар лета поиграть в снежки. Другие, возрастом постарше, с удовольствием располагаются под сенью старых дубов, достают из заплечных мешков кашковал — болгарский сыр, наполняют рюмки сливовой и распевают:

«Мило родино,
Ти си земен рай...»

В Софию возвращались вечером. Над головой ярко сияли крупные звезды. Отовсюду доносились песни, и Ной, уже в который раз, отмечал огромное сходство грузинских и болгарских мелодий. Тут же он с радостью вспомнил, что слова «родина» и «брат» одинаково произносятся и имеют одинаковый смысл и в русском и в болгарском языках.

Болгарским революционерам удалось устроить Ноя Буачидзе, по паспорту рабочего чиагурских марганцевых рудников Калистрате Гурули, управляющим крупным имением во Фракийской долине, там, где ее пересекает река Марица. Солидное положение на время избавило Ноя от назойливого внимания полиции и забот о хлебе. Майстор, Георги, изредка и сам «Дядо» — Дмитрий Благоев давали Ною все более серьезные поручения.

В одном из писем Ленину Ной радостно сообщал: «Под лозунгом «мир» рабочие идут, но спросите любого из них, как он понимает борьбу за мир, и вы убедитесь, что это не мир, а война пролетариата против нынешнего порядка вещей». И далее: «Масса везде с нами, но из лидеров только на Благоева и Димитрова можем всегда и везде рассчитывать».

История полностью подтвердила это предвидение Ноя.

Как-то в Пловдиве Буачидзе раздобыл тележку и отправился за 60 верст

в Калофер. Здесь когда-то жил и творил великий болгарин, народный поэт и революционер Христо Ботев.

Из многих тысяч строк, написанных Ботевым, сейчас Ною прежде всего вспомнился короткий и звонкий, как военная команда, клич, брошенный Христо в последнем, роковом бою с турками: «Бессмертен тот, кто свою жизнь отдал за свободу».

Статью, написанную после возвращения из Калофера, Буачидзе начал, пожалуй, не совсем обычно: «Каждому человеку должны быть известны слова Христо Ботева: «Все угнетенные и трудовые люди, где бы они ни жили, — братья».

Ной постоянно знакомил читателей газеты «Работнически вестник» и журнала «Ново время» с ходом революционной борьбы русских и европейских рабочих. В 1915 году, когда в болгарской буржуазной прессе появились статьи, клеветнически утверждавшие, якобы

грузинские социалисты подали руку феодальной Турции для совместной борьбы против России, Ной опубликовал гневный ответ. «Во имя восстановления истины, — писал Буачидзе, — считаем необходимым ознакомить читателей «Работнически вестник» с резолюцией кавказских социал-демократов». «Только пролетарская революция, — заявил Ной, — освободит Грузию от русского царизма и социалистическая Грузия войдет в семью социалистических республик».

В Болгарии с Ноем повторилась обычная история — арест и поединок со следователями. Связи грузина Калистрате Гурули с партией тесняков не были доказаны. Но чтобы избавиться себя от дальнейших хлопот, софийская полиция выслала Ноя, как «нежелательного» иностранца.

Вперед была Швейцария, встреча с Лениным!

И. ДУБИНСКИЙ.

АНРИ БАРБЮС В ГРУЗИИ

В семейном архиве С. Тодрия вот уже три с лишним десятка лет бережно хранится фотография, изображающая группу всадников и молодую женщину рядом с ними. На обороте фотографии — надпись: «Октябрь 1927 года, Гурия. Анри Барбюс, Симона Дюма, Тодрия». Да, крайний справа всадник — это, ко-

нечно, Сильвестр Тодрия, женщина, стоящая рядом с ним, судя по надписи, Симона Дюма. А в черноусом человеке с повязанным по-гурийски башлыком мы узнаем Анри Барбюса, одного из самых замечательных людей Франции XX века.

Снимок, публикуемый выше, напоминает об осенних днях 1927 года, когда

Анри Барбюс посетил «свою родину», как он называл Советский Союз.

Барбюс побывал на Украине, в Грузии, Армении, Азербайджане. Результатом его знакомства с Закавказьем явилась книга «Вот что сделали с Грузией». В конце книги стоит поставленная автором дата: «май 1928 года». Но в июне 1928 года Анри Барбюс вторично приезжал в СССР и пополнил книгу новыми впечатлениями. «Вот что сделали с Грузией» появилась в Париже в 1929 году.

К одному из экземпляров книги, хранящемуся в тбилисской Публичной библиотеке, прикреплена визитная карточка писателя с напечатанными на ней словами: «От Анри Барбюса, отсутствующего в настоящее время в Париже». Очевидно, Барбюс перед отъездом из столицы распорядился, чтобы один экземпляр книги был переслан в Тбилиси.

«Вот что сделали с Грузией» представляет собой сборник очерков о преобразованной, строящейся Грузии, в которых использован самый разнообразный материал: от поэтических описаний природы до наиболее выразительных статистических данных. Писатель задался целью возможно нагляднее показать французскому читателю социальные изменения в жизни Грузии и других республик Закавказья. Форма изложения говорит о том, что книга писалась по горячим следам, в виде своеобразного дневника, который затем подвергся литературной обработке.

Можно сказать, что Анри Барбюса в Грузии интересовало абсолютно все: и мысли людей, и условия труда, и учеба, и радости жизни, и трудности, встающие на пути. Для большей живости Барбюс часто включает в рассказ беседы со своими новыми друзьями — Кобидзе, Беридзе, Тодрия, с рабочими и крестьянами.

Анри Барбюс почувствовал и по-своему передал красоту грузинской природы: «Я открыл глаза от яркого света и очутился на лоне сказочной природы, великолепие которой, может быть, в своем роде неповторимо на земле: равнины из серого бархата; цепи гор на горизонте украшают их вереницей больших бледных всееров; монументальное небо; огромные орлы, бороздящие воздух, изумляют наши глаза, привыкшие видеть в небе только передвигающиеся точки и запятые... на перевалах, расположенных на высоте трех тысяч метров, создается осязаемое ощущение необъятности; геометрическими гнездами на вершинах расположились крепости, монастыри, своды и стены которых расписаны архаическими изображениями царей больше, чем в натуральную величину, святыми, раскра-

шенными и величественными, как колокольни; зеленеющие площадки, затененные и свежие уголки; неопишуемый рай черноморского побережья; парки, образующие на склонах гор длинные острова с выступающими, как изгородь, кипарисами; дубы, тополи, кедры, огромные секвой, густые пальмовые рощи и целый ряд экзотических пород, сильнее и красивее развившихся на этой земле, чем в Африке, Америке и Австралии, откуда они прибыли»¹. Характерно, что у Барбюса описания природы переплетаются с отголосками истории народа. Он старался глубже проникнуть в прошлое Грузии, чтобы лучше понять ее настоящее и угадать будущее.

В книге вы встретите и описание внешности кавказцев (как всякому иностранцу, Барбюсу иногда трудно различать народности Кавказа), и с большим вниманием выписанные нравы, обычаи. Не проходят незамеченными ни грузинская кухня, ни обычай произносить за столом тосты. Барбюс говорит и о романтике Востока, и об освобождении, равенстве в правах женщин:

«Четверть часа спустя, пройдя через публичный сад, в центре которого возвышается памятник одиннадцати коммунистам, расстрелянным меньшевиками, я попадаю в зал заседаний. Женщина возле меня говорит о свободе женщин и о человеческом достоинстве. И я узнаю, что эта женщина — турчанка! Повсюду турецкие женщины сбрасывают чадру и тянутся к свету. На пальцах можно пересчитать тех, кто, когда мы поравняемся с ними на дороге, опускают на лицо вуаль или косынку, или, по меньшей мере, делают вид, что опускают».

Барбюс избегает сухости цифр отбором наиболее «представительного» материала. Цифрами он подкрепляет свои рассуждения о народном образовании, о повсеместном росте культуры, о невиданной интенсификации сельского хозяйства, промышленного строительства. Барбюс тем самым показывает, что статистика не должна заслонять людей. Вот как пишет он о сельском хозяйстве: «Несмотря на то, что мы едем быстро, я не избегаю мимоходом статистических данных: «Чайная плантация: сто гектаров при царе, двадцать гектаров при меньшевиках, тысяча гектаров сегодня. Орешки: при царе мало, при меньшевиках совсем нет, сегодня 160.000 пудов». Что же касается мандаринов, апельсинов и других радужных фруктов, то их горами рож-

¹ Цитаты приводятся в наших переводах. (Г. Б.).

дает земля прямо перед глазами». О народном образовании: «В 1917 году в Грузии, без Аджарии и Абхазии, было 70% неграмотных. В 1926 году их было 52%. За шесть лет Советской власти в Грузии научились читать и писать 346.088 человек». О развитии промышленности: «Статистика, со своей четкой и не допускающей возражений аргументацией указывает, что со вре-

мени установления Советской власти то есть на протяжении шести лет для промышленности Грузии сделано больше, чем на протяжении всего предыдущего столетия».

Начиная с заглавия и до последней строчки книга Барбюса написана тепло и восторженно. Она и сегодня читается с большим интересом.

Г. БУАЧИШВЕ.

ИЗ ИСТОРИИ ГРУЗИНСКОЙ КНИГИ

Еще в первой половине XVII века (в 1629 году) в типографии, основанной в Риме католическими миссионерами, впервые были изданы книги с грузинскими печатными текстами — «Грузинско-итальянский словарь» и «Грузинская азбука с молитвенником». Позднее, в конце 90-х гг. XVII в., в Москве царем Арчилом была основана грузинская типография, просуществовавшая до 1705 года. Тем не менее история грузинской полиграфии начинается с 1709 года, то есть со времени основания первой типографии в самой Грузии.

К тому времени в карталинском царстве уже созрели социальные и экономические условия, необходимые для осуществления этого прогрессивного начинания. Во главе широко развернувшегося в Картли культурно-просветительного движения в начале XVII века становятся сам царь Вахтанг VI, его воспитатель и дядя Сулхан-Саба Орбелиани и много других деятелей.

Большую роль в создании первой грузинской типографии сыграл и Антим Иверийский (Антимоз Ивериели), митрополит Валахии, по происхождению грузин.

Антимоз Ивериели развернул большую просветительную деятельность в Румынии — второй своей родине. В типографиях, основанных Антимозом, печатались книги на греческом, румынском, арабском и других языках. Благодаря ему маленькая Валахия превратилась в книжный центр всех христианских стран Востока.

На вопрос об организации и инициаторах основанной Вахтангом VI первой грузинской типографии проливает свет стих, помещенный на печатных страницах «Евангелия», хранящегося в библиотеке Академии наук Румынии. Этот стих был отпечатан работниками первой Тбилисской типографии на предназначенных для отправки в Румынию экземплярах «Евангелия»¹.

Из содержания его выясняется, что Вахтанг VI, для которого дело создания книгопечатания в Грузии было одним из главных условий успешного решения государственных задач, обратился в Иерусалим, к патриарху, с просьбой прислать в Грузию специалиста для создания типографии. Патриарх тотчас же направил гонца в Валахию, сообщив ее правителю о желании картлийского царя Вахтанга VI. Правитель Валахии послал патриарху рекомендованного ему Антимозом Ивериели печатника Михаила Штефановича — одного из лучших мастеров печатного дела, воспитанных Антимозом. Михаил Штефанович, или как он был известен в Грузии — Михаил Степанешвили-Унговлахеи, внес огромный вклад в культурное развитие Грузии XVIII века. Имя его прочно вошло в летопись культурной жизни нашей страны.

Нужную для типографии бумагу Вахтанг выписал из Европы, а помещение для типографии воздвиг недалеко от своего дворца между Анчисхати и Сионским собором¹.

Первыми книгами, изданными в типографии Михаилом, были «Евангелие», «Псалмы Давида» и «Апостол» (1709 год). Отпечатанная им в 1710 году книга «Литургия» считается шедевром печатного мастерства.

В том же 1710 году были изданы «Молитвенник» и «Часослов» малого формата. Должно быть, в 1710—1711 годах была отпечатана часть библии — «Книга пророков» и «Евангелие».

До 1710 года книги печатались церковным шрифтом «нусахудури». В 1710 году гражданским шрифтом «мхедрули», изготовленным по указанию Вахтанга, были отпечатаны «Псалтырь» и «Часослов». Это была первая попытка печатания церковных книг гражданским шрифтом.

¹ Анчисхати—церковь в Тбилиси, памятник средневековой архитектуры (1675 г.); Сионский собор — кафедральный собор Грузии, находящийся в Тбилиси.

¹ Стих был также опубликован в журнале «Дроша», № 2, 1951 г., стр. 18.

Помимо книг церковно-христианского содержания, в типографии Вахтанга VI печатались книги и светского характера. В 1721 году шрифтом «мхедрули» был впервые отпечатан величайший памятник грузинской культуры — «Витязь в тигровой шкуре».

Особого внимания заслуживает изданная в 1721 году «Книга о Вселенной», переведенная с персидского языка самим Вахтангом. В предисловии, написанном им к этой книге, объясняются причины и цели, побудившие его перевести этот труд. Грузия, постоянно опустошаемая врагами, не имела в то время своей философской литературы, и вот Вахтанг перевел «Книгу о Вселенной».

Создание в Грузии в начале XVIII века книгопечатания нельзя не признать одним из самых значительных явлений в культурной жизни страны. Основанная Вахтангом типография была первой не только в Грузии и на Кавка-

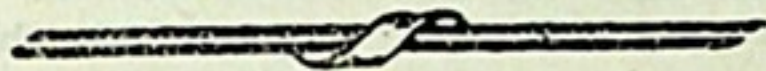
зе — известно, например, что иранцы вплоть до XIX века пользовались рукописью.

Первопечатные грузинские книги отличаются высоким уровнем художественно-технической культуры — разнообразием формата, качеством бумаги, внешним оформлением, орнаментами и т. д. Этому, несомненно, содействовала многовековая культура грузинских рукописных книг.

Художественное оформление и шрифт издаваемых в тбилисской типографии книг уже во второй половине XVIII века делаются недостижимым идеалом для всех грузинских типографий, основанных в самой Грузии и за ее пределами.

В настоящее время в книгохранилищах Грузии и всего Советского Союза хранятся только 20 изданий, вышедших из типографии Вахтанга VI.

Ц. ЧИКВАШВИЛИ.

Приключенческая литература и критика

Каждую критическую статью, написанную объективно и профессионально, со знанием дела, внимательно прочтывают и писатели и читатели. Такая статья призвана помочь автору произведения, которому она посвящена, разобраться в сильных и слабых сторонах своего творчества, проанализировать причины, породившие те или иные ошибки, дать правильную оценку каждому факту литературного процесса. Писатели, как правило, с большим вниманием и благодарностью воспринимают статьи и рецензии, посвященные разбору их произведений, становясь еще строже и требовательнее к каждой фразе, каждому слову, выходящему из-под их пера. Не меньшее значение имеют критические выступления и для читателей, помогая им правильно оценить прочитанное произведение, понять его художественные особенности.

Я с особым вниманием и интересом отнесся к критической статье «Читатель и приключенческая литература», опубликованной в Вашем журнале и посвященной разбору произведений приключенческого жанра, не только потому, что это — жанр, любимый читателем и пользующийся огромной популярностью, но и потому, что я сам немало лет стараюсь по мере сил внести свой вклад в приключенческую литературу. Рядом с фамилией автора статьи — Вахтанга Жвания — значилось, что он — народный судья Калининского района города Тбилиси. Это позволяло надеяться, что наряду с литературным анализом мы найдем в статье и профессиональный разговор о специфических особенностях детективной литературы, с которыми критик должен быть знаком по роду своей деятельности.

Однако оправдались ли наши ожидания?

В самом начале статьи автор утверждает, что «многие считают (и на наш взгляд, не без основания) одной из причин проникновения халтуры в литературу приключенческого характера то обстоятельство, что книги этого жанра не рецензируются. Создается впечатление, что наши критики не принимают приключенческую литературу всерьез, не считают ее достойной своего внимания».

Несмотря на свой полемический задор, это утверждение не соответствует

действительности. Очевидно, В. Жвания не принял во внимание отнюдь не единичные критические статьи и рецензии, посвященные этому жанру. Только у нас в Грузии, где приключенческая литература начала развиваться сравнительно недавно, можно назвать статьи на эту тему И. Гришашвили, Г. Хухашвили, В. Джибути, Г. Ломидзе и др., печатавшиеся на страницах «Литературной газеты», «Мнатоби» и «Ахалгазда комунисти».

В названных работах произведения приключенческого жанра разбираются подробно и внимательно. Каждый, кто пишет на эту тему, должен учитывать специфику жанра. Можно ли представить себе приключенческое произведение без напряженно развивающегося сюжета, без образов положительных и отрицательных героев, без неожиданных поворотов темы, обилия случайностей и т. п.? Поэтому, рецензируя произведение приключенческого жанра, надо хорошо разбираться во всех его особенностях и «судить» писателя именно с этих позиций. К сожалению, многое из того, что мы прочитали в статье В. Жвания, не соответствует этим требованиям.

Почему-то товарищ Жвания в своей статье проявляет чрезмерную суровость к грузинским писателям, работающим в области приключенческого жанра. Конечно, критика — вещь нужная и полезная, но она должна опираться на объективные факты, исходить из детального анализа разбираемых произведений и, самое главное, — быть убедительно аргументированной. Но приходится констатировать, что в статье В. Жвания многие замечания недостаточно обоснованы и потому неубедительны.

Так, например, трудно согласиться с категорическим замечанием рецензента, адресованным С. Прага: почему в повести «СОП», следовательно в начале следствия не задал обвиняемому вопрос, где он находился в день убийства. Но ведь товарищ Жвания, как человек, близко знакомый с работой следователей, сам должен знать, что допрос не ведется по одному, раз навсегда заученному шаблону. Каждый следственный работник имеет свои методы ведения следствия.

Удивление критика вызывает и другое обстоятельство из той же повести С. Прага: опытный, хладнокровный пре-

ступник допускает элементарный промах — на его одежде остаются пятна крови, по которым его и разоблачают. Но, товарищ Жвания, ведь ни один преступник не застрахован от роковых ошибок, и если бы после совершения преступлений не оставалось следов, то ведь тогда не нужна была бы профессия следователя?!

Столь же неубедительно, на мой взгляд, и высказанное критиком недоумение по поводу того, что Варю, сотрудницу милиции, посылают на танцплощадку с целью отвлечь Юхонаева и тем способствовать его аресту. Но ведь из практики оперативной работы можно привести сколько угодно подобных примеров.

В статье В. Жвания уделено немало внимания повести О. Майсурадзе «Роковой шаг». Однако, наряду с верными замечаниями, и здесь есть много такого, с чем трудно согласиться. Критикуя писателя за отсутствие оригинальности в разрешении темы, критик не считает правдивой ту цепь случайностей, которая приводит к развязке конфликта. Я не хочу здесь делать подробного разбора повести О. Майсурадзе, но не думаю, что правильно целиком отвергать значение случайности в развитии сюжета художественного произведения вообще, и в особенности — произведения приключенческого, детективного жанра. В заключение автор статьи с удивлением спрашивает: почему дело о загадочном убийстве прокурора расследует милиция, а не прокуратура? Кто-кто, а В. Жвания не мог не знать, что следствие по подобным делам входит в компетенцию органов уголовного розыска.

Вахтанг Жвания в своей статье уделил внимание и некоторым моим рассказам и повестям, и мне, естественно, хочется внести ясность в отдельные положения критика.

В повести «Похищение богородицы» есть такой эпизод: одна женщина — член преступной шайки — везет в чемодане похищенную икону, представляющую исключительную художественную ценность. С заданием выявить остальных членов шайки к ней в вагон посылается группа работников угрозыска,

переодетых в гражданское платье. Воспользовавшись обстоятельствами, оперработники изымают у женщины чемодан с иконой, а ее оставляют на свободе с тем, чтобы, продолжая слежку за ней, разоблачить всю шайку. Думаю, что такие действия работников угрозыска, не желающих раньше времени настораживать преступников, совершенно ясны. Поэтому странным кажется недоумение, которое эпизод с «сионской богородицей» породил у В. Жвания.

Прочитав «Повесть об одной женщине», критик предъявляет мне обвинения, на первый взгляд, очень серьезные и значительные. Как мог «профессиональный убийца» Рустамов сам написать о себе, что он убийца? Но стоит вспомнить обстоятельства его проступка, и все проясняется. Рустамов любит Лиану, жену своей жертвы, и к тому же считает, что она, как его соучастница (хотя и невольная), не выдаст его. Лиана по заданию работников угрозыска пишет записку, в которой сказано, что если Рустамов убил ее мужа из любви к ней, она выйдет за него замуж. Убийца, забыв об осторожности, на этом же листке письменно подтверждает это и выдает себя.

Кроме того, может ли критика не учитывать характера персонажа, совершившего этот поступок? Ведь на протяжении всего рассказа показано, что Рустамов — человек горячий, неуравновешенный, да к тому же — вовсе не «профессиональный убийца».

Заметки, которые я написал, прочитав статью В. Жвания, вовсе не имеют целью доказать «безупречность» разобранных им рассказов или оградить их от критики. Просто мне хотелось обратить внимание на то, что когда критические замечания не аргументированы подробно и объективно, а в статье не содержится обобщений, исходящих из отдельных фактов и имеющих теоретическое значение, то цели и задачи критики — даже самые хорошие — остаются неосуществленными, а выступления критиков не приносят той пользы, которую ждут от них и писатели и читатели.

Ордэ ДГЕБУАДЗЕ.

Газета и писатели

Нашим современникам — рабочим и колхозникам, инженерам и ученым, претворяющим в жизнь программу развернутого строительства коммунистического общества, — недавно был посвящен специальный номер газеты Закавказского военного округа «Ленинское знамя».

Этот номер газеты, вышедший накануне III Всесоюзного съезда писателей, вызывает живой интерес не только нужной, волнующей тематикой и необычностью оформления — он весь сделан руками писателей, поэтов и художников братских республик Закавказья.

На первой странице помещена большая статья И. Абашидзе «Советский человек». «Мой старый друг», — такими теплыми словами, вынесенными в заголовок очерка, характеризует азербайджанский писатель Мехти Гусейн смелого разведчика морской нефти инженера-геолога Ага Курбан Алиева. Инженерам-геологам посвятил свой очерк «Рождение Севаранца» и Гарегин Севунц. О бакинских рабочих — новаторах производства и бригаде коммунистического труда рассказывают в своих очерках «Наша Нина» и «Клятва двенадцати» Петр Симонов и Ахмед Рагимов, о самоотверженном труде советских людей на колхозных полях пишут Леонид Гурунц — в очерке «Широк семилетки шаг», Кузьма Хромов — в зарисовке «Хозяйка долины Аракса» и Мирза Ибрагимов — в отрывке из нового романа «Слияние вод».

Много места в газете отведено и материалам о жизни и боевой учебе славных советских воинов. На первой странице напечатан поэтический репортаж Иосифа Нонешвили «Песня о солдатской дружбе», проникнутый задушевностью и любовью к солдатам Родины, спаянным крепкой боевой дружбой. Писательница Марика Бараташвили в очерке «Герои ненаписанных книг» знакомит читателей с «дорогими защит-

никами нашими» — рядовыми Е. Казлиным и Н. Тетеревым, чья жизнь и сокровенные мечты устремлены в счастливое будущее нашей Родины и полны юного благородного порыва быть в первых рядах строителей новой жизни. В очерке Анатолия Кузьмичева «Высокое напряжение» говорится о замечательном танкисте Владимире Павловском, комсомольце, механике-водителе первого класса, отличнике боевой и политической подготовки. «Дивные люди» — так назвал свой очерк писатель Эммануил Фейгин, посвятив его военному летчику-майору Александру Федоровичу Новикову.

Номер богато иллюстрирован работами художников братских республик Закавказья. С первой страницы смотрит на нас знатный руставский сталевар А. Заридзе — портрет работы народного художника Грузии Уча Джапаридзе. Здесь же помещен рисунок Андро Канделаки «Танковый десант в горах». В номере много других портретов знатных людей фабрик и заводов, нефтяных промыслов, колхозов, а также передовых воинов Закавказского военного округа...

...Из года в год крепнет дружба писателей республик Закавказья с окружной военной газетой, особенно писателей Грузии, живущих в Тбилиси, где находится редакция «Ленинского знамени». Ираклий Абашидзе, Симон Чиковани, Кале Бобохидзе, Иосиф Нонешвили, Хута Берулава и другие писатели и поэты республики печатают свои произведения на страницах газеты, помогая редакционному коллективу в укреплении и расширении братской связи народа с Советской Армией.

Ценная инициатива окружной военной газеты в деле привлечения к работе редакции поэтов и писателей братских республик Закавказья заслуживает всестороннего одобрения и всяческой поддержки.

ПЕСНИ О РОДИНЕ

Недавно издательство Союза писателей Грузии «Сабчота мцeralи» выпустило в свет однотомник произведений Паоло Яшвили. По существу — это книга, в которой представлено почти все литературное наследие поэта, заботливо собранное и подготовленное к печати Шалвой Деметрадзе.

Литературная деятельность Паоло Яшвили начинается с 1915 года. Уже в ранних стихах («Павлины в городе», «Красный бык» и др.) он обнаружил незаурядный талант и мастерство. Постепенно все больше отмежевываясь он от символизма, самобытный голос его мужал и креп. Смелые метафоры, неожиданные сравнения, оригинальность и благозвучность рифмы, свободное владение поэтической фразой делали его подлинным новатором в поэзии. Но настоящего расцвета творческое дарование Паоло Яшвили достигло после установления в Грузии Советской власти. Современность властно вошла в его поэзию, наполнила ее новым содержанием, новыми образами. Восторженно приветствовал поэт второе рождение своей родины в стихотворении «Новой Грузии».

Большое место в творчестве Паоло Яшвили занимает образ Ленина. Его стихотворение «Ленин» справедливо признано одним из лучших произведений о Ленине во всей советской поэзии. С необычайной силой выразил в ней поэт глубокую скорбь миллионов людей мира, утративших мудрого друга и учителя.

Таким же пафосом и эпической масштабностью отмечено и другое стихотворение — «Сток сена», являющееся отрывком из задуманной П. Яшвили поэтической повести о В. И. Ленине.

Двадцатые годы в Грузии характери-

Паоло Яшвили. «Стихи, поэмы, рассказы, переводы». Редактор и. Алашидзе. Издательство «Сабчота мцeralи», 1959 г.

зовались необычайным подъемом творческих сил народа, осуществлявшего грандиозные планы пятилетки. Насыщенная событиями новая жизнь страны стала источником вдохновения для Паоло Яшвили. Его стихи того периода распахивают перед нами окна в новый мир — яркий, красочный, осязаемый. Мы видим в его поэзии преобразившиеся города, возникшие на пустом месте рабочие поселки, еще не родившиеся сады Колхиды, и, главное, — судьбы людей будущего. Говоря словами поэта, он «слухом ловил вокресшей жизни радостные звуки» и открывал перед читателем ясные перспективы. И читатель верил, что скоро «пустырь уступит место садоводству», что недалеко то время, когда

По проводам в Марткоби хлынет ток,
Водой зальет отвод Сионской дамбы,
И ты заблещешь, как цветной платок,
По плану, не вместившемуся в ямбы,

что на осушенной территории Колхиды возникнут здравницы для трудящихся:

Мирно под солнцем простерт
Будущий детский курорт.
Здесь через скорые сроки
Хлынут известки потоки.
Каменщики у холма
Вскорости сложат дома.

(«Малтаква»).

Глубоким чувством будущего, живым его ощущением проникнут весь цикл стихов «Новая Колхида».

Поэт чувствовал себя непосредственным участником строительства новой жизни и гордился сознанием того, что нога в ногу шагает с народом к счастливому будущему.

Замечательная лирика Паоло Яшвили пронизана искренней любовью к социалистической Родине. Стихотворения «Триста аргветцев», «Для Кутаиси», «К Самгори», «Желанное волнение», «Труд поэта», «Аргветские ночи», «Обновление» — лучшее тому доказательство. В них глубоко осмыслены события современности и каждая строчка озарена большим внутренним светом.

В лирических стихотворениях Паоло Яшвили мы находим необычайное обилие эмоциональных оттенков, живое чувство красоты природы родной страны. Нас пленяют яркая и эластичная поэтическая фраза, полнота чувств, сме-

лость воображения, живописная образность, придающая исключительный блеск творениям поэта.

Таким же высоким художественным мастерством отмечены его эпические произведения («Жизнь Алеши Джапаридзе», «Сбор винограда» и др.) и стихи, посвященные дружбе народов («Ованес Туманян», «Песня украинки», «Дебедачайская ночь» и др.).

В стихотворениях «Европа», «Призвание», «Вперед, испанский народ» и многих других Паоло Яшвили образно противопоставляет мрачному миру капитализма нашу социалистическую действительность и с гневом выступает против клеветников из капиталистического лагеря и изменников, переметнувшихся в лагерь фашизма («Андре Жиду — изменнику»).

Свое поэтическое кредо Паоло Яшвили выразил в ряде произведений, в том числе — в стихотворении «Вступление в поэму». Здесь он с предельной четкостью излагает свой взгляд на назначение поэта Советской страны, на обязанности его перед народом:

Ты от народа не скроешься в доме —
От ожидания он входит в азарт.
Он словно зритель на ипподроме,
Ждет, чтоб поэзия вышла на старт...

Чтобы твой дар признавала природа,
Берила в искру святую твою,
Чтобы служила во время похода
Песнь твоя знаменем братьям в бою...

Если свой труд посвятишь ты Отчизне,
Ты обессмертишь себя наяву,
Славу свою утвердишь ты при жизни,
Памятник вечный, живую молву.

(«Вступление в поэму»).

Во весь рост встает облик поэта в стихотворении «Поэзия», которое может быть названо программным произведением П. Яшвили. Оно раскрывает многие тайны его поэтического бытия. «Сгусток крови», вырванный из сердца, — вот что такое для поэта его стихи:

По городу бредет мое большое тело,
И странен встречному сновидец-рифмоплет.
А мой бессонный мозг кипит осатанелый
От грохота строки, стремящейся в полет.
Где взять мне столько глаз, чтоб все

окинуть взглядом?

Как сердцу позабыть, что чувству есть предел?
О сколько образов в моем мозгу заклётом
Сгорит, чтоб яркий стих, как бабочка, взлетел!
Неотвратимое, как смерть, подступит слово,
И вот — я жалкий раб, на всем его запрет!
Ночь пролетит, и день ворвется в окна

снова —

Меня уж нет, я—тень, воспоминанье, бред...
Года бегут и счет ведут стихам и бредням.
Что песнь — то часть души... Но зову верен я.
И если этот стих окажется последним,
Пусть будет остов мой добычей воронья!

Вот с какой ответственностью относился поэт к своей поэтической работе. Паоло Яшвили прошел сложный, далеко не чуждый «поэтического мучения» путь от символизма к социалистическому реализму.

Я славлю яркий день кипящей жизни,
Стихи всей кровью сердца напоив, —

писал он в стихотворении «Труд поэта». И в самом деле, Паоло Яшвили воспевал нашу действительность полным и звучным голосом. Он обогатил грузинскую советскую поэзию настоящими жемчужинами.

Однотомник произведений Паоло Яшвили, куда включены также его замечательные детские стихи, два рассказа и прекрасно выполненные переводы поэтических произведений Пушкина, Маяковского, Бальмонта, Сосюры, Вагифа и других поэтов, — прекрасный подарок читателю.

Б. АБУЛАДЗЕ.

РАССКАЗЫ Г. НАТРОШВИЛИ

Простота и безыскусственность повествования, скромность и душевная красота, своеобразие характеров и речи героев, освещаемых сквозь призму любовного отношения к ним, — вот что привлекает и радует читателя сборника рассказов Г. Натрошвили, изданных в прошлом году на русском языке.

Георгий Натрошвили относится к тем писателям, которые пишут о том, что сумели увидеть своими глазами, что глубоко прочувствовали, хорошо знают. Очевидно поэтому лучшими в его сборнике являются рассказы о кахетинской деревне. Рассказы же на историческую тему — «Убийцы», «Сон», — хотя и трогают читателя, не могут сравниться по конкретности, зрелости изображения, по меткости и характерности деталей ни со «Смертью беззаботного человека», ни со «Страхом», ни, наконец, с рассказом «Вновь весна на Иори».

Да, именно деревня, и деревня кахетинская — вот та сфера, в которой писатель чувствует себя свободно, и герои этих рассказов, видимо, имеют (или имели) живых прототипов, общение с которыми помогло писателю создать такие

Георгий Натрошвили. «Рассказы». Редактор А. Зурабов. «Издательство «Заря Востока», Тбилиси, 1958 г.

реальные образы, как образы веселого мастера Миха, старого чабана Иорама и других.

Хочется сказать еще об одной черте, объединяющей рассказы Г. Натрошвили, — о светлом оптимизме, который не покидает автора даже тогда, когда он рисует мрачные картины прошлого, бесчинства фашистских захватчиков или всемогущие кулака-мироода. Этот оптимизм рожден ясным пониманием исторической перспективы развития общества, правильной оценкой соотношения классовых сил.

Таковы, на наш взгляд, основные характерные черты произведений Г. Натрошвили. Попробуем показать это на некоторых примерах.

Если передовую статью в газете можно назвать «флагом номера», то не менее верно считать флагом, знаменем, своего рода художественной декларацией авторских взглядов, или, точнее, их художественным воплощением то произведение, которым писатель считает нужным открыть свою книгу. Таким произведением в сборнике Натрошвили является «Смерть беззаботного человека», посвященное жизни кахетинской деревни.

Как и тысячи других рассказов на свете, он начинается с пейзажа. Но, заметим, оставаясь описанием природы, окружающей героев, создавая нужное автору настроение, подготавливая читателя к дальнейшему развитию действия, этот пейзаж, вместе с тем, уже является первой и удачной характеристикой главного героя. Чтобы не быть голословными, приведем небольшой отрывок из этого описания:

«...Но больше всего оживляются весной крытые красной черепицей сельские домики, выстроившиеся в ущелье вдоль дороги. Много сел в Гедикском ущелье, и, хотя домики разбросаны далеко друг от друга, они все же похожи один на другой, словно родные сестры, дочери одних родителей, выданные замуж в разные села. Внешне они очень просты, но нарядны... И не только крупные булыжники, из которых сложены стены, но и мелкая речная галька будто улыбается прохожим, зеленому ущелью, всему миру. По домам можно угадать, что строил их человек веселый, жадно влюбленный в жизнь, летом любящий прохладу и поэтому соорудивший голубые крылечки с таким расчетом, чтобы их продувал ветерок с Алазани.

Мастера, строившего все эти дома, звали Миха...»

Уже в этих строках угадывается душа старого мастера, щедрого на ласку к людям и на веселую, острую шутку, чуждого лицемерию и неправде. Даль-

нейшее знакомство с ним еще более полно раскрывает эти его качества.

Но не дискредитирует ли героя название рассказа — ведь беззаботность ассоциируется обычно у нас скорее с отрицательными качествами человеческого характера, нежели с положительными? Не предупреждает ли нас писатель, вынося в заголовок этот нелестный эпитет: осторожней, попридиричвей разберитесь в моем герое! Нет, дело в другом! Писатель любит, очень любит этого честного, скромного и веселого труженика, которого он сделал героем своего произведения. Но он знает, что есть на свете ханжи и лицемеры, и такое название рассказа — великолепная писательская шутка, сыгранная над ними.

«Слава человеку, слава его труду и его улыбке», — вот что говорит Натрошвили своим рассказом и своим героем. Так понимая это произведение, можно понять и пронию автора, не побоявшегося назвать «беззаботным» своего чудесного, влюбленного в жизнь героя.

В другом рассказе Георгия Натрошвили — «Вновь весна на Иори» мы опять встречаемся со стариком-тружеником. Это саркал (старший чабан) Иорам. Но не только имя и не только профессия отличают этого героя от Миха. Это — другой характер, другой человек.

...Из года в год ходил старик Иорам в горы с отарами овец. Но вот наступил день, когда колхозники решили, что это ему не под силу. Сын взял старика в город, но он, привыкший к вольному воздуху и к труду, не смог там жить. И вот Иорам снова в родных местах. Он нашел возможность быть полезным здесь, в колхозе, и тогда «усомнился Иорам — глубокий старик ли он, которому не под силу уже ходить дальними дорогами, или, как и раньше, — юноша».

«Вновь весна на Иори» — это тонкая психологическая новелла, овеянная легкой грустью и светлой радостью. Размышления старого саркала, изложенные автором с мягкой душевностью, трогают сердце читателя. Именно они, эти размышления, составляют, пожалуй, основное содержание рассказа. Но весь его колорит (в создании которого немалую роль играют мастерски выполненные картины природы), говорит о том, как замечательно все хорошее в человеке, о том, что это хорошее приносит сердцу человека тепло, весну.

«Цыгане», пожалуй, самый удачный из включенных в сборник фронтовых рассказов Георгия Натрошвили, но, к сожалению, на передний план в нем выдвигается скорее описание факта, не-

жели его полнокровное художественное осмысление.

В заключение хотелось бы сказать несколько слов о переводе, выполненном А. Джапаридзе. Привлекательная черта его — живость и непринужденность языка (хотя и не лишённого порой досадных шероховатостей); — качества тем более ценные, что у нас порой еще встречаются такие переводы, где, увы, правильные, гладкие фразы, лишены жизни.

Сборник Г. Натрошвили закрываешь с чувством благодарности к автору и переводчику, сумевшему уловить то главное, что составляет достоинство включенных в него рассказов. — большую их человечность.

Софья ГВЕЛЕСИАНИ.

РОМАН О ЗАЩИТНИКАХ РОДИНЫ

В приветствии ЦК КПСС Третьему съезду писателей СССР говорится, что «священный долг советских литераторов — служить силой своего художественного слова великой борьбе за мир и дружбу между народами, воспитанию нашей молодежи и всего народа в духе горячей любви к социалистиче-

ской Родине и постоянной готовности защищать исторические завоевания социализма».

Пламенная любовь к своему Отечеству и самоотверженная защита завоеваний социализма — основная тема в творчестве многих советских писателей. Снова и снова обращаются наши литераторы к героической летописи Великой Отечественной войны, черпая из неиссякаемых ее богатств замечательные образы советских воинов-патриотов.

Издательство Союза писателей Грузии «Заря Востока» выпустило в свет роман А. Кузьмичева «Так наступает весна». Это одно из тех интересных произведений на актуальную военно-патриотическую тему, достоинства и недостатки которых никак нельзя обойти молчанием.

Весну 1945 года войска 2-го и 3-го Украинских фронтов встречали на полях Венгрии. Сражаясь с огромным патриотическим воодушевлением, совет-

Анатолий Кузьмичев. «Так наступает весна». Роман. Редактор М. Лохвицкий. Издательство «Заря Востока». 1958 г.

ские воины форсировали Дунай, окружили в Будапеште и ликвидировали в жестоких уличных боях девять вражеских дивизий, героически отбили последний отчаянный контрудар фашистских армий у озера Балатон и начали неудержимое наступление на австрийскую столицу Вену.

Анатолий Кузьмичев был участником тех больших боевых событий, которым посвящен его роман. В основу содержания книги легли неизгладимые личные впечатления автора, а прообразами героев послужили друзья-однополчане.

Твердое знание важнейших военных операций и всех деталей фронтового быта, умение дать им яркое художественное освещение позволили писателю создать верное историческим фактам и композиционно-стройное произведение. Роман, написанный четким, ясным языком, с большой убедительностью показывает массовый героизм советских воинов в дни жестоких боев с ненавистным врагом. Действующие лица его — люди разных национальностей и разных характеров, с различным жизненным и боевым опытом, но все они сплочены великим чувством советского патриотизма, нерушимой боевой дружбой и охвачены единым наступательным порывом, единым стремлением побыстрее завершить разгром гитлеровских полчищ.

Герои А. Кузьмичева прежде всего — патриоты, и это определяет все их действия. Сурово и трогательно любит командир бригады Иван Трофимович Мазников своего единственного сына Виктора — молодого командира танковой роты. Отцу приходится посылать сына в самые опасные очаги боя, и Виктор, гордясь стойкостью отцовского сердца, как достойный наследник, принимает от старого коммуниста эстафету мужества и безграничной преданности Родине.

Большую симпатию вызывают у читателя также командир танкового полка Шалва Михайлович Гоциридзе и командир батальона Григорий Иванович Талашенко. Это волевые офицеры-коммунисты, любимцы бойцов, личным примером воспитывающие в подчиненных дисциплинированность, инициативу, стойкость, бесстрашие. Под стать командирам политработники Соловейчик, Краснов, Гольдберг и другие.

Показывая коммунистов в бою, писатель умело раскрывает руководящую и направляющую роль Коммунистической партии в Великой Отечественной войне советского народа. Встать в ряды коммунистов — высшая честь для героя-фронтовика, и надо сказать, что А. Кузьмичев сумел красочно и прав-

диво передать чувства бойцов, вступающих в партию.

Ярко проявляются морально-боевые качества героев в таких острых фронтовых ситуациях, как ночной поиск группы старшины Добродеева. Воины этой группы — Авдошин, Приходько, Гелашвили, Садыков, Ласточкин — проходят тяжелое огневое испытание, строгую проверку бдительности, боевого мастерства, верности воинскому долгу и с честью выдерживают этот экзамен.

Скупыми и точными штрихами очерчены в романе люди с родимыми пятнами буржуазной морали: шкурник и пьяница Дубинин, карьерист и трус Никольский, стяжатель Коробкин.

Документально-точные эскизы рисуют жизнь по ту сторону фронта, во вражеском стане.

Особая роль в романе А. Кузьмичева принадлежит капризной венгерской весне. То была тяжкая и радостная весна самоотверженной борьбы и грядущей победы. Весенние светотени лежат на страницах книги, и они дали ей не только оправданное название, но и яркую поэтическую окраску.

Роман «Так наступает весна» обогащает читателя живым, образным представлением о боевых операциях последнего периода Отечественной войны, о воинском мастерстве и мужестве защитников нашей великой Родины.

Но закрываешь книгу все же с неполным удовлетворением. Это то же самое чувство неудовлетворенности, которое возникает и при чтении многих других произведений советских писателей на военно-патриотическую тему. Что же порождает такое чувство?

Сильная сторона первого произведения Анатолия Кузьмичева — поэзия борьбы, активного действия. Но не поэзия мысли.

В романе немало ярких, запоминающихся описаний доблестных дел и поступков, но мы зачастую лишь догадываемся, какие идеи вдохновляли героев на славные подвиги, о чем они думали и мечтали, как понимали свой патриотический долг.

Автор отнюдь не грешил против фронтовой истины, когда тщательно выписывал речевые характеристики действующих лиц романа. Его герои — люди щедрые на дела и скупые на слова, и иными они быть не могли. Но их лаконичные высказывания не могут дать нам полного представления о духовной жизни советских воинов. Этот пробел писатель должен был восполнить своей анализирующей мыслью, поэтическим раздумьем.

А писатель на это поспешил, его роман не часто радуется глубоким прони-

кновением в психологию героев. Следовательно, слабо доводится до читателя та могучая сила высоких идеалов, которая создала Чапаева и Киквидзе, Александра Матросова и Зою Космодемьянскую.

Автор романа «Так наступает весна» не вполне использовал все свои фронтовые наблюдения и богатый исторический материал, относящийся к теме его произведения.

Мы знаем, что в 1919 году русские солдаты в составе интернациональной бригады отважно сражались за молодую Венгерскую советскую республику, а 100 тысяч бывших военнопленных венгров, освобожденных революцией, с энтузиазмом боролись за власть Советов в рядах нашей Красной Армии. И вот в 1945 году советские воины пришли к своим братьям — рабочим и крестьянам Венгрии, чтобы помочь им навсегда избавиться от фашистского гнета, завершить многолетнюю борьбу за свою свободу и независимость. Какие это замечательные исторические события, позволяющие глубоко раскрыть интернационализм советских воинов, истоки той великой дружбы, которая теперь навеки сплотила народы наших социалистических стран!

К сожалению, в романе «Так наступает весна» нет отвечающих этой большой теме ярких исторических экскурсов, отступлений и сопоставлений, нет впечатляющих картин боевого интернационального братства трудовых народов. Тем самым и здесь ослаблена сила идейного воздействия на читателя, а этой большой силой вполне могла обладать в целом содержательная, интересная книга о славном боевом прошлом Советской Армии.

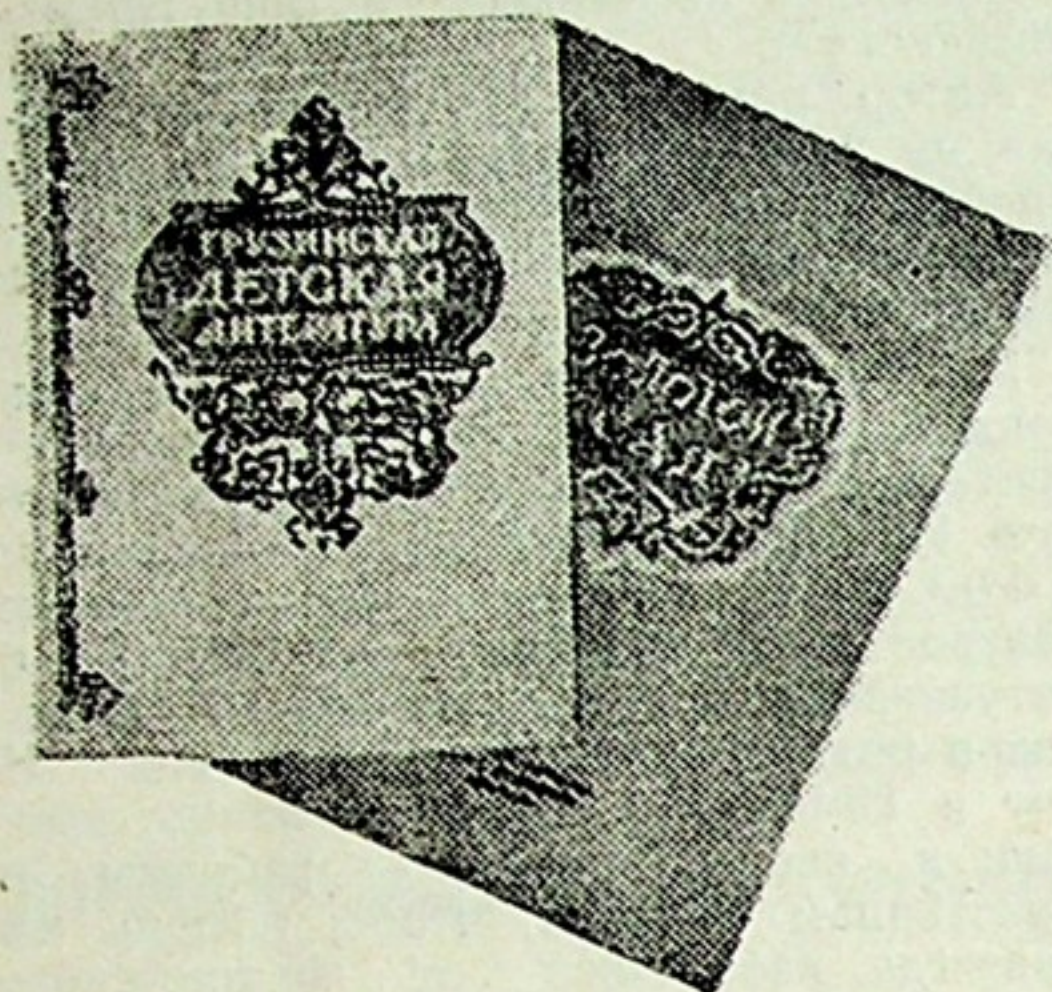
В книге не уделено должного внимания важнейшему источнику силы и непобедимости нашей родной армии — ее неразрывным связям с трудящимися массами. Короткие, скупые сценки чтения солдатами писем из дому, ремонта плугов и сеялок венгерским крестьянам мало восполняют этот пробел.

Замечания, высказанные нами, относятся не только к роману Анатолия Кузьмичева, но и ко многим другим новым произведениям наших писателей на военно-патриотическую тему.

Изучая исторические решения XXI съезда КПСС, наш советский воин хорошо понял и с воодушевлением выполняет свой великий интернациональный долг по защите мирного созидательного труда народов, строящих коммунизм. Это одна из благороднейших тем нашей литературы.

Подполковник Б. СОКУРОВ.

ДЛЯ МЛАДШЕГО И СРЕДНЕГО ВОЗРАСТА

Одним из отраднх литературных событий 1958 года был выход в свет двух объемистых сборников произведений для детей — «Детская грузинская литература» и «Золотой сад», выпущенных издательством «Заря Востока». Такое внимание «взрослого» издательства к детскому чтению заслуживает всяческой похвалы. Многие произведения грузинских писателей для детей, переведенные на русский язык, стали теперь достоянием многомиллионной армии советских ребят.

В сборниках участвует более пятидесяти авторов, и почти каждый выступает с несколькими произведениями. Здесь вы найдете стихи, рассказы, сказки, повести, пьесу—произведения самые разнообразные по жанру и по тематике. Среди авторов — писатели старшего поколения и молодые литераторы, недавно открывшие первую страницу своей творческой биографии, писатели профессионально «детские» и писатели «взрослые». У каждого свой почерк, каждый по-своему разговаривает с ребенком. Но всех их объединяет одно—стремление просто и доступно рассказать о сложной и многообразной жизни, как можно шире распахнуть перед ребенком окно в «большой» мир, создать увлекательный образ юного героя, который повел бы за собой читателя.

Сборник «Грузинская детская литература», судя по помещенным в нем произведениям, рассчитан на самого ма-

ленького читателя, вернее даже, не на читателя, а на слушателя-дошкольника. И здесь нельзя удержаться от упрека: о том, кому адресована книга, нигде не оговорено, да и по внешнему ее виду это нельзя определить. Рассказы, сказки, стихи для детей спрятались под скучной, бесцветной обложкой с сухим академичным названием. В книге нет ни рисунков, ни иллюстраций. Ребенок вряд ли потянется к такой книжке, хотя там для него есть много интересного и поучительного. Не лучше оформлен и сборник «Золотой сад».

Читая многие произведения, помещенные в «Грузинской детской литературе», убеждаешься, что даже ребятам младшего возраста можно просто и серьезно рассказывать о важных государственных делах, о великих преобразованиях, которые принесла с собой Октябрьская революция, о завоеваниях народа, в борьбе и упорном труде построившего новую жизнь. Это осознаешь, когда читаешь стихотворение «Наш герб» Ираклия Абашидзе, стихотворение «Здравствуй, Октябрь!» Г. Качахидзе и др.

О тяжелой доле народов в колониальных странах и о счастье свободного труда советских людей прекрасно рассказал в своей поэме для детей «Ласточки в Рустави» Григол Абашидзе.

Вплетая в реалистическое повествование чисто сказочные элементы, поэт показывает счастливую жизнь советских людей, раскрывает всю неприглядную правду капиталистической действительности.

Ребенок дошкольного возраста постоянно задумывается над вопросом — «Что такое хорошо и что такое плохо?»

«В этом возрасте, — писала Н. К. Крупская, — он вырабатывает основы своей этики... У ребенка нет еще собственных критериев — они только-только еще вырабатываются. У него еще нет критического подхода к моральным оценкам». И в книге «Грузинская детская литература» можно найти немало хороших произведений, которые разбудят в ребенке уважение и любовь к труду, сознание ответственности за порученное дело. Через целый ряд рассказов проходит мысль о несовместимости лжи, бахвальства, зазнайства с подлинными отношениями между людьми, даже если это самые маленькие дети.

Этими достоинствами обладают рассказы Лео Киачели «Самолет маленькой Нуцы», Э. Кипиани «Безымянные бычки», «Заза», «В гостях у брата», А. Саджая «Глупый цапленок», Н. Окропиридзе «Задира», К. Чилашвили «Добрый мальчик», Т. Чхандзе «Трубка дедушки Мороза», «Бесхвостые гордецы», стихотворения И. Гришашвили, Маквалы

«Грузинская детская литература». Редактор Г. Мазурин. Издательство «Заря Востока», 1958 г.

«Золотой сад». Редактор Э. Елигулашвили. Издательство «Заря Востока», 1958 г.

Мревлишвили, И. Сихарулидзе, Н. Ча-чава.

В простых и звучных строках открывает детям большой и интересный мир Иосиф Гришашвили. Он умеет останавливаться на самых важных моментах в жизни детей, умеет находить и показывать в окружающей действительности подлинную поэзию. Немало полезных советов, добрых наставлений старшего друга найдут ребята в его стихах.

Умение автора в самых неприметных и незначительных на первый взгляд событиях и происшествиях увидеть и показать нечто важное и существенное для ознакомления ребенка с миром, для обогащения его знаний, чувствуется в стихах и рассказах Мариджан, Г. Кучишвили, М. Бараташвили, К. Гогнашвили, М. Томадзе.

В бесконечно разнообразный мир живой природы — в леса, сады и огороды, к звериным норкам и птичьим гнездам ведут своих маленьких читателей А. Хухуташвили («Гог на огороде»), Т. Чхаидзе («Поэма о Шукнарском лесе»), Г. Шатберашвили («Спор плодов»).

Но произведения, вошедшие в детские сборники, далеко не равноценны. Попали сюда и серые, вялые стишки, и слабые рассказы. Досадное чувство вызывает, например, сюсюкающий сентиментальный тон рассказа Н. Агниашвили «Песня отыскала».

Книга «Золотой сад» адресована читателю «среднего возраста» — читателю самому пытливому, самому беспокойному и любознательному. У такого читателя уже свои, особые требования к литературе. Ребята жадно ищут в книгах любимого героя, большого или маленького, товарища или учителя — все равно, но такого, которому хотелось бы подражать, за которым хотелось бы пойти.

За последние годы в детской литературе наметился ощутимый сдвиг в сторону более глубокого, разностороннего и правдивого отображения детского характера, сдвиг, вполне отвечающий лучшим традициям советской детской литературы.

Это чувствуется и в целом ряде произведений сборника «Золотой сад». В рассказах А. Белиашвили «Капитан команды», Т. Гоголадзе «Отплатила», в повестях В. Урджумелашвили «Суворовцы» и Г. Шатберашвили «Сатаплиа» проявилось чуткое внимание писателей к повседневной будничной жизни наших ребят, к их заботам и радостям.

И отрадно отметить, что в названных выше повестях и рассказах действуют

не схемы учебно-показательных книжных мальчиков и девочек, а живые, обаятельные советские ребята.

В сборнике «Золотой сад» ребята найдут и остроумную, увлекательную фантастическую повесть о жизни первобытных людей — «Угу и Тет» Н. Накашидзе, рассказы о героических подвигах Буденного в годы гражданской войны — «Папиросы Буденного» Р. Коркиа, и интересную повесть о тяжелой жизни ребят в капиталистических странах — «Зуб акулы» О. Чиджавадзе. С увлечением читаются отрывок из романа С. Клдиашвили «Ирина Тухарели» — «Зурна», рассказы Мих. Мревлишвили «Мастер Иона», А. Ломидзе «Брат и сестра», «Первое ружье».

Дружбе народов, высокому чувству братства людей в нашей стране посвящено немало произведений в грузинской детской литературе. Куда бы ни забросила судьба человека, из какой бы страны он ни прибыл, к какой бы национальности ни принадлежал, на Советской земле он всегда и везде найдет и приют и друзей. Об этом повествуют помещенные в сборнике рассказы А. Ломидзе «Брат и сестра», Р. Коркиа «Везде, как дома». Но, к сожалению, иногда эта тема решается формально, нарочито, без раскрытия характеров, как это случилось в рассказе К. Гогнашвили «Золотой сад». В сборник попали и очень слабые рассказы А. Агладзе «Натела» и «Шота», вернее, даже не рассказы, а посредственные, бледные зарисовки с целым рядом логических неувязок.

Поэзия в «Золотом саду» радует многими запоминающимися произведениями. В яркой поэме Григола Абашидзе «Высота», открывающей сборник, еще раз проявилось мастерство поэта, его умение находить в ребячьих делах и мечтах самое сокровенное, заветное, и рассказывать об этом волнующе, тепло и душевно. Очень хороши самобытные, веселые и остроумные стихи И. Гришашвили, И. Абашидзе, Маквалы Мревлишвили, Ш. Амисулашвили, И. Нонешвили, Р. Маргиани, А. Шенгелиа, М. Мачавариани, М. Микеладзе. Есть здесь и серые стихи, удручающие языковой бедностью, однообразием красок, например, стихотворение Г. Качахидзе «Наш учитель».

Правда, таких стихов в книге немного. Сборники «Грузинская детская литература» и «Золотой сад», безусловно, найдут самый сердечный отклик у юного читателя.

Л. БРАНЛОВСКАЯ.

АБАШИДЗЕ
Ираклий
Виссарионович

См. журнал «Литературная Грузия» № 2 за 1959 г.

ГАМСАХУРДИА
Константинэ
Семенович

См. журнал «Литературная Грузия» № 2 за 1959 г.

ПАРНИС
Алексис

(Род. в 1924 г.) — греческий писатель, активный

участник Движения сопротивления гитлеровским захватчикам (1941—1944 гг.), автор многих пьес, повестей, рассказов и стихотворений, рисующих героическую борьбу греческого народа за мир и национальную независимость. Наиболее известны сборники стихов А. Парниса «К Советской земле», «Сердце Греции», поэма «Сказание о Белояннисе».

Публикуемое в нашем журнале стихотворение А. Парниса «Тамада» написано им во время пребывания в Грузии.

ГОГОЛАДЗЕ
Тенгиз Георгиевич

(Род. в 1926 г.) — грузинский писатель. Литератур-

ную работу начал в 1948 г. В 1949 г. отдельной книгой выходит повесть Т. Гоголадзе «Заря Гарикули».

Т. Гоголадзе автор ряда рассказов, публиковавшихся в периодической печати и изданных отдельными книгами.

МАМПОРИЯ
Отар Антонович

(Род. в 1924 г.) — грузинский поэт. Писать стихи на-

чал с 1940 г., печатался в республиканских журналах и газетах. В 1956 г. вышел сборник стихотворений и поэм О. Мампория.

НИКОЛАЕВСКАЯ
Елена Матвеевна

— русская поэтесса. Начала печататься с 1947 го-

да в «Октябре», «Новом мире», «Комсомольской правде» и в других журналах и газетах.

Е. Николаевская активно работает над переводами стихов грузинских поэтов.

ВАРДОШВИЛИ

(Род. в 1895 г.) —

Харитон Иванович грузинский поэт и переводчик. Пер-

вый сборник его стихов был издан в 1924 г., второй — в годы Великой Отечественной войны, третий — в 1946 г. Х. Вардошвили принадлежат переводы на грузинский язык стихов Пушкина, Гейне, Шиллера, Гёте, Блока, Брюсова, а также современных русских поэтов.

МОРАВИА
Альберто

(Род. в 1907 г.) — итальянский писатель. Первая кни-

га А. Моравиа «Равнодушные» вышла в свет в 1929 г. К числу наиболее крупных произведений Альберто Моравиа относятся романы: «Римлянка» (1948 г.), «Приспособленец» (1951 г.), «Презрение» (1955 г.), «Чочара» (1957 г.).

Рассказ, публикуемый в нашем журнале, на русском языке печатается впервые.

ШАТБЕРАШВИЛИ

(Род. в 1915 г.) —

Борис Михайлович журналист. Литературную деятель-

ность начал с 1940 года. Его очерки и статьи систематически печатаются на страницах республиканских газет и журналов.

Технический редактор М. Соселля

Подписано к печати 12 июня 1959 г. 6 печ. лист.

Формат бумаги 70×108¹/₁₆.

Заказ № 579

Тираж 4000.

УЭ 02863

Цена 4 руб.

ქართული „ლიტერატურული გრუპის“
(რუსულ ენაზე)

საქართველოს მწერალთა კავშირის გამომცემლობა „ხარია ვოსტოკა“

Типография „Заря Востока“ им. А. Ф. Мясникова издательства
ЦК КП Грузии, Тбилиси, пр. Руставели, № 42.

4 руб.

6. 60/144

